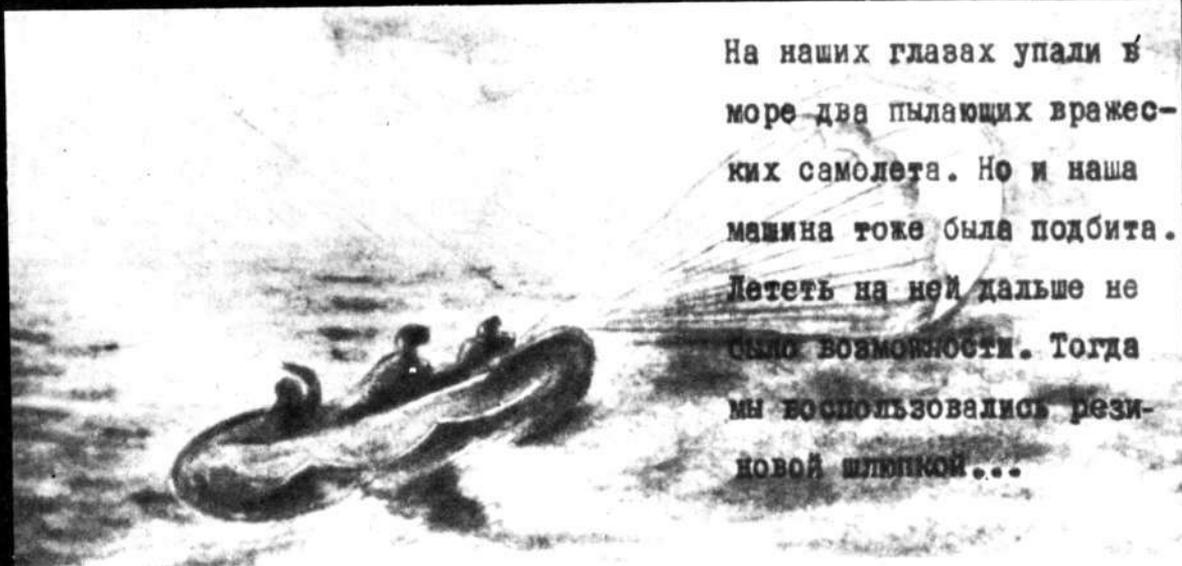

ВОКРУГ **СВЕТА**

10 1970
ОКТАБРЬ

На наших глазах упали в море два пылающих вражеских самолета. Но и наша машина тоже была подбита. Лететь на ней дальше не было возможности. Тогда мы воспользовались резиновой шлюпкой...

стр. 28

стр. 20

стр. 34

стр. 12

1970

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10
ОКТАБРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ КПСС

50-ю годовщину речи В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» комсомол отмечает трудом ста Всесоюзных ударных строек. Об одной из них рассказывают наши корреспонденты: «Воспоминания на Устье Илима» Ангара, год семидесятый»

РУБЕЖИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Неотектоника — Что это такое? Могут ли быть землетрясения, которых никто не заметил?

Космическая психология — Как человек будет вести себя, если космический корабль станет его домом?

Археология — Найден священный город древней Колхиды?

ЧАСОВЫЕ ЖИЗНИ

«Письмо из 41-го года» — Боевой вылет советских бомбардировщиков утром второго дня войны.

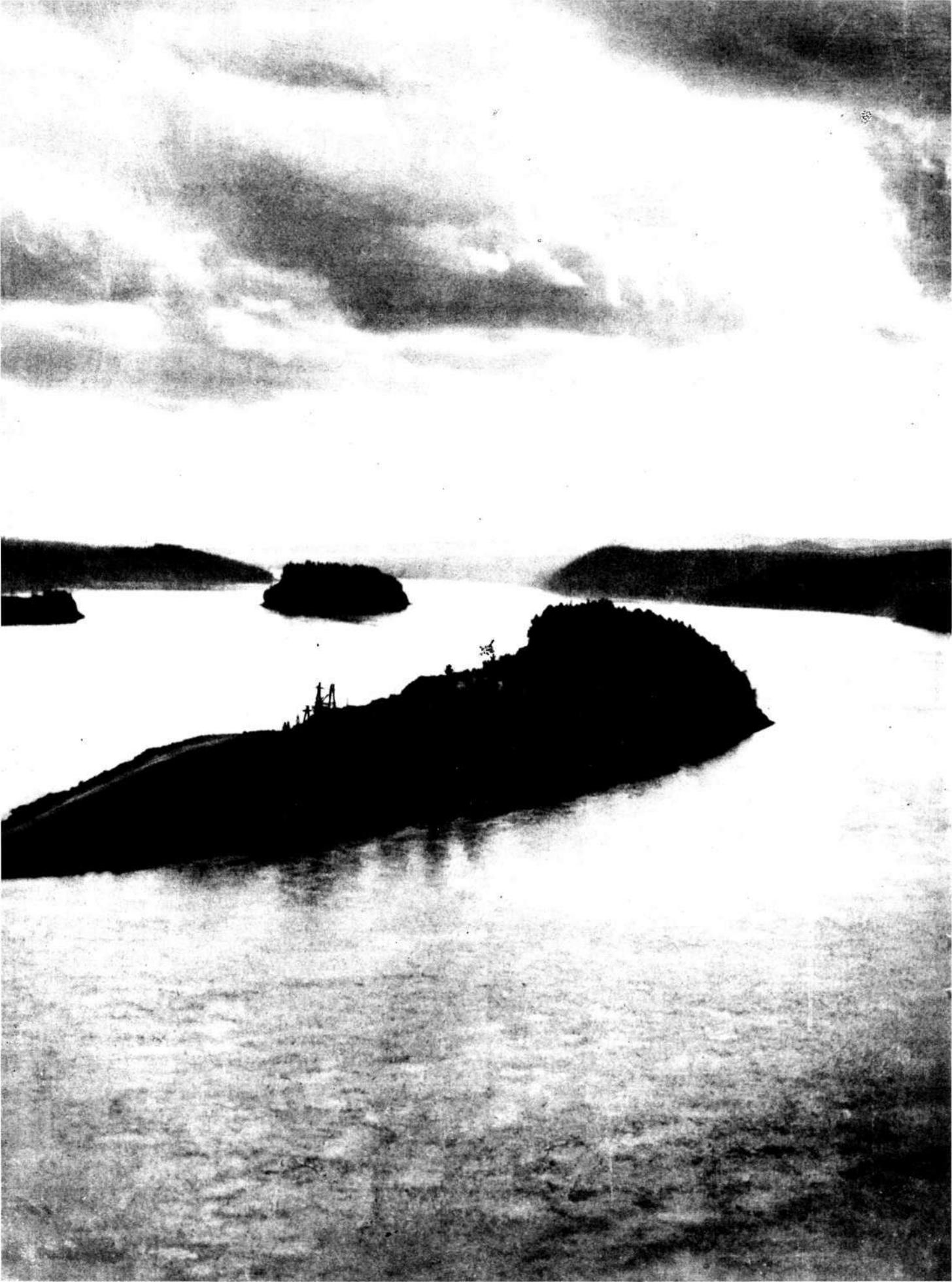
«Бесшумная смерть» — Преступные работы в Соединенных Штатах над химическим и бактериологическим оружием.

«Алейжадиньо» — Трагическая история жизни Отверженного Мастера из Вилы-Рики.

стр. 2

стр. 8

Полвека назад, 2 октября 1920 года, Владимир Ильич Ленин на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи произнес программную речь «Задачи союзов молодежи», в которой призвал молодежь учиться коммунизму и детально раскрыл, что это означает на практике.

«Перед вами задача строительства, — говорил В. И. Ленин, — и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы». И далее: «Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок. Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде».

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ НА УСТЬЕ ИЛИМА

В пятьдесят восьмом году здесь не было многочисленных дорог, а была тропа из Невона вдоль Ангары — летник, а зимой через Ангару — санный путь в Карапчанку и дальше по реке, мимо Сизова острова в Бадармы, и ездили тут беспешные мужички в медвежьих дохах, накинутых на тулупы. Не было на этом пути поселка Усть-Илимск, только колхозное зимовье стояло возле ручья, а через несколько километров, у реки, еще одно зимовье — геологов.

Наша Ангарская экспедиция находилась в то время в Братске, где началась стройка, но и здесь десятка два изыскателей уже определяли место створа новой плотины. Никто не называл тогда это место Устьем Илим, потому что Илим впадает в Ангару километрах в сорока отсюда выше по течению. Правда, будущую ГЭС называли Усть-Илимской, но ведь и строить ее собирались сначала повыше Бадармы, а это как раз возле самого устья...

Посреди Ангары — острова Лосята.

Фото М. СКУРИХИНОЙ

Речь В. И. Ленина стала программой действия комсомола на многие десятилетия, она остается ею и по сей день. Следуя этой боевой программе, комсомол наметил на своем XVI съезде новые рубежи активного участия в коммунистическом строительстве, стал на почетную вахту ударной работы и отличной учебы в преддверии XXIV съезда КПСС.

Полвека назад, обращаясь к делегатам III съезда РКСМ, В. И. Ленин говорил: «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве».

Лишь одна цифра — 100 крупнейших народнохозяйственных объектов являются сегодня Всесоюзными ударными комсомольскими стройками — дает наглядное представление о масштабах прямого ответа нынешнего поколения молодых на этот призыв вождя.

Мы предлагаем читателям познакомиться с одной из крупнейших комсомольскихстроек Сибири. С теми, кто начинал эту стройку более десяти лет назад, и с теми, кто продолжает ее сегодня.

Мы бурили тогда в так называемом Бадарминском сужении. Ширина Ангары там всего триста метров, но, сплавляясь вниз по реке, совсем не ощущаешь скорости, только чувствуешь, как лодка оседает под тобой, движется толчками, словно со ступеньки на ступеньку, и видишь, как уносятся назад берега. Говорили гидрологи, что в том месте какой-то подводный порог.

Против нашей буровой возвышался Бык, молодая и крепкая скала, по-местному «камень», и это вернее — «камень», потому что про него невозможно было говорить: она, скала. Почему — Бык, ни у кого из нас не вызвало сомнений, особенно если вспомнить силуэт на радиаторе МАЗа: те же очертания мощной вздыбленной спины, покрытой шетиной сосен. Правда, те, кто назвал этот камень, никогда не видели МАЗа, но зато они были охотники, уходили в тайгу по весне, когда сядет и затвердеет наст, как раз чтобы выдержать собаку и человека, но только не сохатого, и не однажды приходилось им видеть очертания его спины.

А пониже, наискось от Быка, был другой камень — Крест.

Геологи считали его старым и разрушенным, но внешне он казался еще крепким. У подножья его валялось множество камней, которые он растерял за свою долгую жизнь. Старик Николай из Бадармы, у которого я стоял на квартире, рассказывал, что когда-то вниз по реке плыл поп и уронил в воду крест как раз против этого камня. Может, поп волновался, что затасит его в «сосун» — есть такое место на реке неподалеку от Креста, где волны начинают катиться не как обычно, по течению, а напротив. Говорили, что дерево, попавшее в сосун, встает вдруг торчком и уходит под воду, всплывая на поверхность далеко внизу, но уже без коры и сучьев. Однажды, сидя на Кресте, я заметил бревно, которое, как показалось мне, плывет прямо в сосун. Я долго гнался за ним вдоль берега, пока не потерял из виду, и так и не проверил, встанет оно торчком или нет.

Но чему я верил безоговорочно, так это искренности рассказов Николая об охоте. Однажды, когда старик был еще молодым, он выстрелил в лешего. Дело было к вечеру. Николай вышел к своему зимовью, километрах в

тридцати от деревни. Леший никак не давал ему вскипятить чай. Как только вода закипала, котелок опрокидывался в огонь. Николай три раза ходил к «ручечку», и, когда котелок «опружился» в третий раз, он выстрелил в костер.

— Слышу, — рассказывал Николай, — «о-ой» простонал кто-то, и — тихо. Поужинал я, лег спать. Ночью вдруг топот, звон, входят. «Вставай, поедem». Ни слова, встаю. Смотрю, кони. Глаза мне завязали. Сколько ехали, не помню. Приехали, вводят в какую-то избушку. Развязали глаза, вижу — люди, но

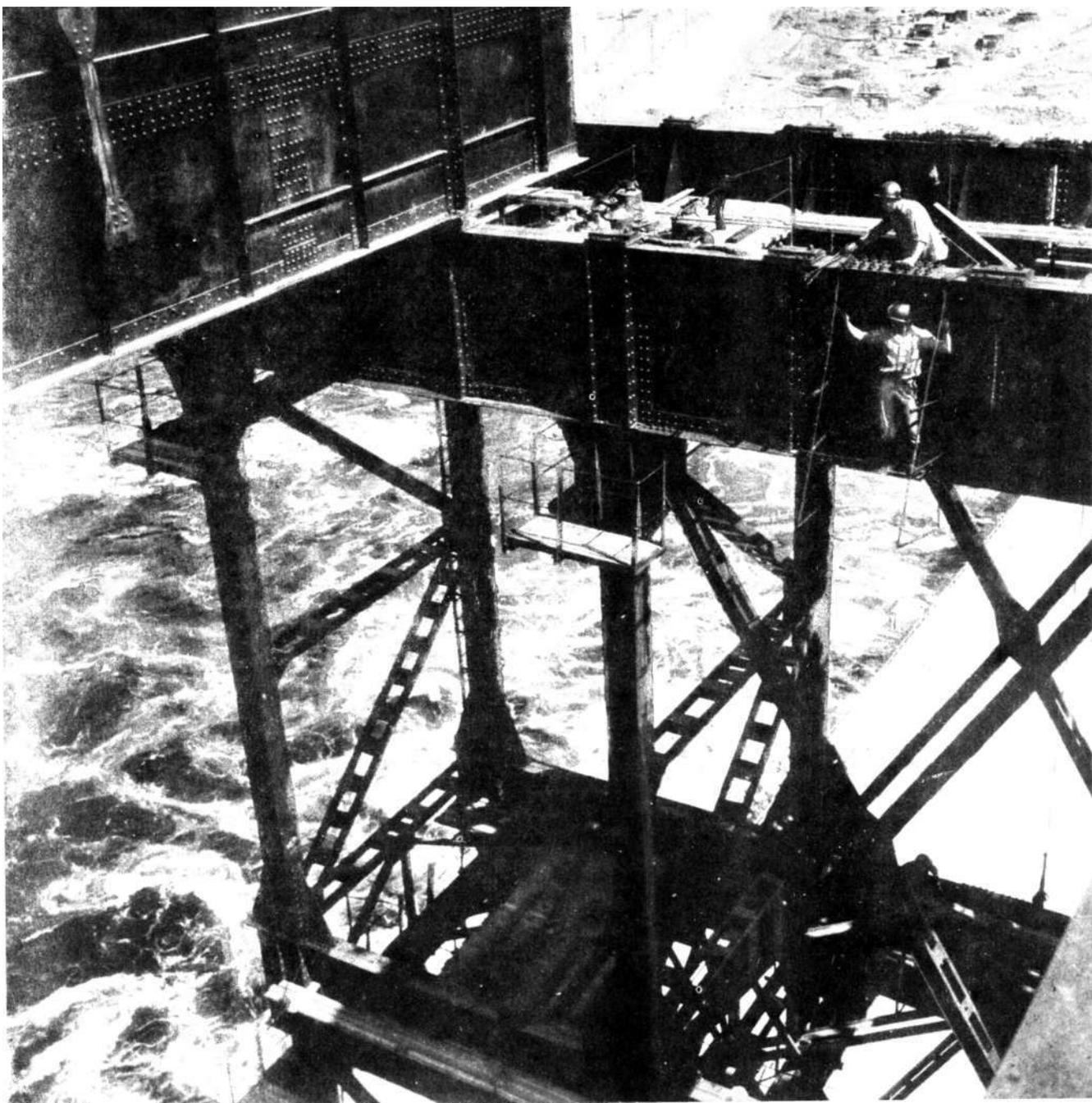
лица смутные. В углу стонет кто-то завязанный. Я тотчас догадался. Один говорит: «Расскажи». Я рассказал. «Судите сами, — говорю, — человек с устатку, и такое баловство». Он к тому, строго так: «Правду говорит этот человек?» Тот признал: «Правду». Этот мне: «Ну, мы тебя прощаем, как ты сказал правду, а тому в другой раз закажем». Тем же манером завязали глаза и доставили обратно.

Может быть, злополучный леший искупал свою вину, только в ту весну Николаю была удача. На другой же день он убил

рысь, которая повадилась лазить в пристройку и воровать мясо.

Я слышал тысячу подобных историй — и от старика, и от других охотников, но никто не рассказывал их так, как старик. Другие непременно прибавляли: «Я бы сам не поверил, если б не со мной было», или еще что-нибудь в том же роде. Старик же рассказывал с великолепным пренебрежением к тому, как отнесутся к его рассказам. Он никогда не обмолвился о степени их достоверности, он действительно мог выстрелить в лешего. В старости у него не осталось никого, он жил один и напоми-

Монтажники на большой бетонной эстакаде.

нал мне крест — старый, одинокий, но все равно еще крепкий...

Весной, когда бурить со льда стало опасно, мы свезли нашу буровую на берег, а сами поселились рядом, в зимовье. Начальник экспедиции написал приказ, запрещающий ходить по реке, но мы все-таки ходили в Бадарму за дробью, порохом и хлебом. К концу апреля Ангара почернела, и лед, застывающий торосом, сгладил, как асфальт. Было жарко, и время от времени раздавался как бы глубокий вздох — это из тайги прибывала вода и вздымала

лед. Она проступала сквозь трещины и разливалась поверху, так что местами приходилось идти вброд, и это было неприятно на первых порах: не верилось, что под водой еще двухметровая толща льда.

Мы ждали, что река вот-вот тронется, но это случилось только в середине мая. Володя Сизых, наш рабочий, сидел на пороге, ошипывал рябчиков и вдруг закричал:

— Пошла!

Все выскочили из зимовья, и сначала ничего нельзя было различить, но, взглядевшись, мы увидели, что лед подвигается

сплошной массой, очень медленно, вдоль неподвижного осенца. Но скоро все остановилось: у Креста образовался затор. Ангара работала всю ночь и на следующий день пошла уже окончательно. Сначала лед шел сплошь, а потом отдельными большими льдинами. Они лезли на берег и громоздились друг на друга возле Креста, где река делает поворот. Так продолжалось с неделю, а потом поплыли плоские и тонкие льдины: Илим дождался своей очереди.

Теперь мы были отрезаны от деревни, а следовательно, от все-

В. ОРЛОВ, наш спец. корр.

Фото автора

АНГАРА, ГОД СЕМИДЕСЯТЫЙ

В Нижнеилимске дожди. Самолеты не летали туда вчера, не пойдут и сегодня. До Нижнеилимска пассажиров больше всего. В Братском аэропорту к окошечку диспетчера не пробиться. Медленно, но безостановочно все прибывает и прибывает народ; как на реке, растет затор. Кажется, что, если так будет продолжаться, большой, современный, из стекла и бетона, зал ожидания не выдержит скопления людей.

— Все лето такое нескладное. То жара, то дожди, — с улыбкой поясняет утомленная девушка-диспетчер. — Мы уж к этому привыкли. Не волнуйтесь, погода наладится, сразу все и улетит.

И вправду. Едва приподнялась облачность, как самолеты пошли друг за дружкой. С семнадцатой «Аннушкой» улетел и я.

...Ангара петляет среди зеленовато-синих таежных холмов. Она пустынна, дика, тускло поблескивает тугой темной водой и кажется по-осеннему холодной.

В самолете семья с двумя детьми, мать с сыном и мужчины, по виду которых сразу понимаешь, что не впервой мотаться им по тайге и стройкам. Тот в очках, молодой, скорее всего геолог, есть в нем что-то от ученого и от бродяги. Другой, с чемоданчиком, похож на бухгалтера, — командированный, наверняка ревизор; а рядом со мной — строитель, не иначе. В простеньком пиджачке, чистой белой рубашке, небрежно расстегнутой; загорелое, кирпичного цвета лицо и такие же темные задубелые руки.

Мой сосед, строитель, вздремнул немного, но как только кто-то сказал, что показался Илим, оживился и с жадностью припал к окошечку.

— Первый раз вижу эти места сверху, — открыто улыбувшись, признался он мне. — А ведь там, внизу, все исколесил.

Она приехала в Усть-Илимск из Дивногорска.

го мира. Продукты у нас кончились, и те, кто был свободен от работы, с утра принимались ловить рыбу и лазить по тайге за рябчиками. Над рекой пролетали птицы: утки летели низко и быстро, а гуси медленно и очень высоко и перекликались гортанно и нежно. Они отдыхали на реке, а потом улетали в тайгу, к верховьям таежных речек. Однажды, когда уже темнело, мы видели, как над рекой летал одинокий гусь. В сумерках он виделся белым пятном на фоне черных окол и черным силуэтом — в светлом вечернем небе. На Сосновом острове кричали лебеди...

Ох, и вид был у нас, когда мы вышли встречать первый катер! Володя был в ватных штанах, надетых прямо на голое тело, и в майке. Вадим, буровой мастер, — в пижаме и болотных сапогах. Я — в плавках и зимней шапке. И все с ружьями. Мы смотрели, как Алеша-моторист подводит своего «Гидролога», и только он ткнулся в берег, мы дали залп. Начальник партии выпрыгнул, пожал нам руки.

— Привез вам деньги, — говорит.

Думал нас обрадовать. Алексей стал выкидывать на берег мешки, банки. Мука, масло, сгущенка... «Это другое дело», — сказал Володя. Начальник пошел к зимовью. На крыше у нас, как флюгер, болтались старые ватные штаны, но он не заметил.

Выдал нам зарплату за два месяца. Я посмотрел на свою пачку.

— У нас, — говорю, — здесь натуральное хозяйство. Всех рябчиков извели. Теперь снег сошел, ждем медведя.

Вадим стал спрашивать, как там жена. Жена его была тогда на другом берегу, в деревне, на последнем месяце. Я вышел, смотрю, Алеша обдирает наших ондатр, выворачивает их одну за другой, как перчатки. Смеется:

— Готовьте еще. Приеду.

Начальник вышел, прыгнул на нос. Катер стал отходить, течением его заносит на малом ходу. Тут он штаны и заметил.

— У вас все детство, — сказал он.

И Вадим:

— Эх ты, флибустьер несчастный! — А сам доволен: с Наташкой все в порядке...

А о чем мы только не говорили по вечерам, то и дело заваривая чай и лежа поверх спальников в зимовье с открытой дверью! В темноте мы не различали друг друга, виднелись только огоньки папирос, а из тайги ползли непрерывные шорохи и вздохи...

Местные называли нас экспедиционерами, а мы их бурундуками, и было в этом взаимное непонимание на первых порах, когда мы только появились здесь, кочевали из деревни в деревню

со своими рюкзаками и спальниками, бросая их на пол в первой попавшейся избе, и это был ночлег, а они противопоставляли этой суете и непостоянству свою размеренную жизнь, свои столетние, вплотную друг к другу избы, с окнами на два метра от земли, со ставнями, с воротами вровень с домом, с двухэтажными амбарами, свою фамилию, одну на всю деревню, свой говор, вынесенный триста лет назад откуда-нибудь из-под Архангельска человеком, от которого все и пошло здесь: и фамилия, и обычаи, и язык. Удивительный это был язык — казалось бы, русский, но говорили они быстро, с непривычными интонациями, повышая голос к концу фразы, вставляя то и дело незнакомые пока слова: «лони», «напррок», «заберег», «зажор», «осенец».

Но постепенно мы вошли в их жизнь, живя на квартирах, помогая, — принесешь старухе воды, наколешь дров, а с хозяином в тайгу — ставить петли на зайцев-ушканов, а весной за глухарями, а летом на сенокос... Постепенно и мы начали говорить «ну», и «тутоко», и «поведи леший» — сначала в шутку, конечно, но потом незаметно привыкли. И уже гуляли вместе на праздниках, пели их старинные, похожие на крик песни, и вместе шли в клуб, когда привозили кино. Входили и они в нашу жизнь: пекли нам хлеб и дава-

Он узнал сверху и речку Бадарму, и деревеньку Карапчанку, а узнав ее, разыскал в таежной гуще свою автобазу. Он показал мне Лосят и место на правом берегу, где будет новый город и где в тайге кончается сегодня нитка железной дороги Хребтовая — Усть-Илимск.

— Сорок километров осталось. Мы ее строим, наша автобаза, — сказал сосед. — Дорога эта, — он провел пальцем у шеи, — вот так нужна стройке. Ведь все везут на колесах, машинами от Братска. Двести пятьдесят один километр, подъем за подъемом, да в слякоть — представляете?..

Представить это действительно было трудно. То, что открылось взору — перегородившая Ангару плотина с ажурными пролетами высокой, стометровой бетонной эстакады, — уже сейчас было поистине гигантской стройкой. Справа и слева от плотины работали краны, сновали машины, бульдозеры; поселок светлых домов вырос на левом берегу среди лиственниц и сосен. Комплекс зданий лесозавода, автобазы, сооружения бетонного завода...

Последнее, что запомнилось мне, прежде чем самолет коснулся взлетной полосы, — какой-то человек, копающийся в моторе машины, которая за-

стряла посреди жидкой глинистой реки. Чумазый шофер поднял голову, посмотрел на самолет, снял кепочку и приветливо помахал ею.

...Среди деревянных двухэтажных домиков старого поселка строителей — не самого первого, потому что самый первый был из палаток, — находится и постройком — управление строительства Усть-Илимской ГЭС. Василий Пичковский из ПТО — производственно-технического отдела, — несколько застенчивый с виду молодой человек со светлыми волосами и пухловатыми губами, рассказал мне потом, как им удалось возвести плотину и все остальное. Без железной дороги.

Для начала предложили использовать Лосенок — один из островков — в качестве плацдарма для перекрытия. Завезли туда четырехкубовый экскаватор, КРАЗы, бульдозеры, людей. И повели от него дамбу — «от себя», сами насыпали. Люди, работавшие там в момент ледостава, оказывались отрезанными от берега — тогда к ним летели вертолеты. Камень, отнятый у Лосенка, ссыпали со льда на место будущего прорана — насталили шероховатый грунт, чтобы легче и точнее в дальнейшем ложились бетонные тетраэдры. Из того же камня

ли лошадей, и деревенские ребята работали у нас на буровых...

Но все эти подробности я полюбил потом, в воспоминании, а тогда просто жил ими, не замечая, не сознавая, как тебе повезло, что нашел такое место и такую работу, о которых будешь вспоминать всю жизнь. И уже прикидывал, куда поедешь, когда наступит лето — самое время для переездов. Потому что все это пришлось на твои восемнадцать лет, когда то, что с тобой происходит, воспринимаешь не как жизнь, а только предисловие к ней, настоящей жизни.

Именно тогда я обратил внимание на одну фразу у Толстого из «Казаков», и еще долго потом она сопутствовала мне. Оленин раздумывал над тем, куда положить эту силу молодости, только раз в жизни бывающую в человеке, тот «неповторяющийся порыв» — на науку ли, искусство, на любовь к женщине — и далее эта фраза: «Правда, бывают люди, лишенные этого порыва, которые, сразу входя в жизнь, надевают на себя первый попавшийся хомут и честно работают в нем до конца жизни». Может, подействовало тогда на мое нестойкое воображение слово «хомут» так, что подавило и слово «честно», против которого я ничего не имел, но после слова «хомут» и «честно»

стало звучать как-то обидно, и я решил, что для своего порыва найду единственное предназначенное мне дело...

После Устья я объездил весь Восток и Север, работал на железной дороге, на стройке, потом опять в экспедиции — был плотником, маляром, студентом, грузчиком и, наконец, учителем и журналистом. И вот в 68-м году мне снова довелось побывать на Ангаре.

...Лосята по-прежнему стояли посреди реки, недалеко от Толстого мыса, — три высоких, поросших деревьями острова, действительно похожих на головы и спины плывущих лосей. Но теперь к одному из них вела из котлована узкая насыпная дорога, полбока у лосенка было отхвачено, и грунт этот лежал в перемычках. Воду из котлована уже откачали; на дне его работали взрывники. По сигналу люди прятались в укрытия, и через некоторое время можно было видеть, как поднималась и опала земля, и слышался короткий, сдвоенный с эхом звук взрыва.

На левом берегу, рядом с деревней Невон, стоял целый город — Усть-Илимск, и сотни машин двигались по двухсоткилометровой трассе, проложенной из Братска. На правом тайга казалась нетронутой, но в глубь ее уходила широкая, наезженная дорога.

— Куда это? — спросил я

Володу Сизых, который по-прежнему работал в экспедиции теперь уже буровым мастером.

— А где глухариный ток был, помнишь? Там сейчас поселок Северный, леспромхозы...

В вагончике рядом с причалом, где ждали мы баржу, чтобы перебраться на другую сторону, жил сторож. Он рассказывал нам, как приехал сюда прошлой зимой, на пустое место, и как потянули тракторами в тайгу тепляки.

— Я здесь с первого колышка, — сказал сторож, и я было усомнился.

— С первого колышка, — убежденно повторил он, и я подумал, что он в общем-то прав: когда мы с Володкой охотились на глухарей в том месте, где сейчас Северный, там еще никаких колышков не было, а была ровная, плоская, как стол, вершина сопки, уставленная, будто свечами, редкими старыми соснами.

«Да нет, — без иронии сказал я себе, — он действительно первый здесь в этой жизни, а тогда была совсем другая жизнь и другое место». «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», — говорил древний философ. Нельзя дважды поехать в одно место. Просто всегда в таких случаях воспоминание овладевает человеком и делает его на какое-то время прежним...

Устье Илима Москва

отсыпали продольные и поперечные перемычки — банкеты. В результате благодаря использованию Лосенка удалось сэкономить миллион рублей. Закрытие прорана котлована первой очереди состоялось 13 февраля 1967 года. И так как Лосенок был всего в километре, тридцать КРАЗов «заткнули дырку» за сорок часов! Кто-то пошутил тогда, что представители прессы еще и приехать не успели и как бы не пришлось раскапывать все для них... Котлован первой очереди был готов; откачали из него воду и стали готовить основание плотины, ставить быки, мимо которых сейчас несется со страшной скоростью вода. В августе 1969 года за двое суток перекрыли Ангару. Сейчас работы ведутся в котловане второй очереди... В 1973 году Усть-Илимская ГЭС должна дать ток. Запланированная мощность гидростанции — 3,6 миллиона киловатт, с последующим развитием до 4 миллионов 320 тысяч...

К Пичковскому без конца звонят, идет разговор о цементе, асфальте; входят женщины с рубками проектов, смет. И Пичковский, извинившись, увлекается, надолго влезает «в дело», звонит кому-то сам, сплхвывается, потом решает рассказать мне все — и до тех пор не отвечать на звонки, но все же срывается, и я понимаю его. В Братске, когда

он приехал туда, стройка была в разгаре. «К шапшному разбору», — как признался сам, попал он туда, а здесь работает на стройке с самого начала.

...Больше всего мне нравится бродить в Усть-Илимске по улицам нового поселка энергостроителей. Дома здесь расположились на горе. Знающие люди, а их здесь много — почти каждый третий из Красноярска или из Братска, — говорят, что так же дома стоят в Дивногорске и в Коршунихе. Из окон открывается вид на тайгу, на поблескивающую под солнцем реку. Хвойный запах лиственницы заливает улицы. В выходные дни да и в будни, по вечерам, дома напоминают музыкальные шкатулки: почти из каждого окна рвется музыка на все лады. Большинство жителей этого поселка — парни и девушки. Не зря же стройка комсомольская.

Днем в поселке режут бульдозеры. Бригады расчищают площадки для новых домов. Мимо поселка непрерывным потоком, дымя и так же оглушающе рыча, идут к плотине КРАЗы с опрокидывающимися ребристыми кузовами, голубые МАЗы с бетоном и МАЗы-цементовозы с двумя цилиндрами на трейлере, чем-то напоминающие двугорбых вер-

блюдов. Иногда проскакивают особенные машины — двухколесные огромные тягачи, приспособленные для специальных работ.

Подивиться есть чему. Бригада в семь человек поднимает от причала вверх Толстого мыса, что неподалеку от поселка, детали большой бетонной эстакады — пилоны, мосты и балки. Под крановую балку весом в сто тонн и длиной пятьдесят с лишним метров тащат в гору три тягача общей мощностью почти в две тысячи сил. Уникальный строительно-монтажный кран легко укладывает такую ферму на пилоны, и фигуры нескольких человек, ловко распоряжающихся этой машиной, кажутся, пожалуй, меньше муравьев. С трудом различаешь людей и внизу, на плотине, и в бетонных секциях, напоминающих соты, и на фермах эстакады.

В поселке да и на плотине видел я бородатых парней в шортах. Студенты. Со всех концов Союза. Строят тротуары, разбивают клумбы, копают каналы. Солнце палит немилосердно. Пот льет градом, а в Ангару не сунешься. Вода что лед.

Цементовоз, на котором я возвращаюсь в Братск, идет порожняком. Чтобы перекинуться словом с водителем, надо кричать во все горло. Подъем следует за подъемом. Впереди, не удаляясь от нас ни на шаг, ползет такой же «двугорбый» цементовоз. Позади — третий. По обе стороны дороги — тайга, густая, непроходимая, временами кажется: отойди на метр — и заблудишься. Сухощавый молоденький шофер не отпускает ни на минуту огромную баранку. На рытвинах трясет, словно мы движемся по стиральной доске.

— Машины здесь быстро снашиваются, — говорит водитель. — Вот скоро железную дорогу сделают...

И он про то же. В гостинице в комнате вместе со мной жили два парня, уже отслуживших в армии, — Ваня и Валера. Они приехали из Свердловска, порешили остаться здесь на стройке, послали телеграммы женам, чтобы приезжали (а ревизор, живший вместе с нами, на это сказал им: «Правильно, жен приглашайте обязательно, а то вон какие девушки здесь красивые!»), и все мечтали:

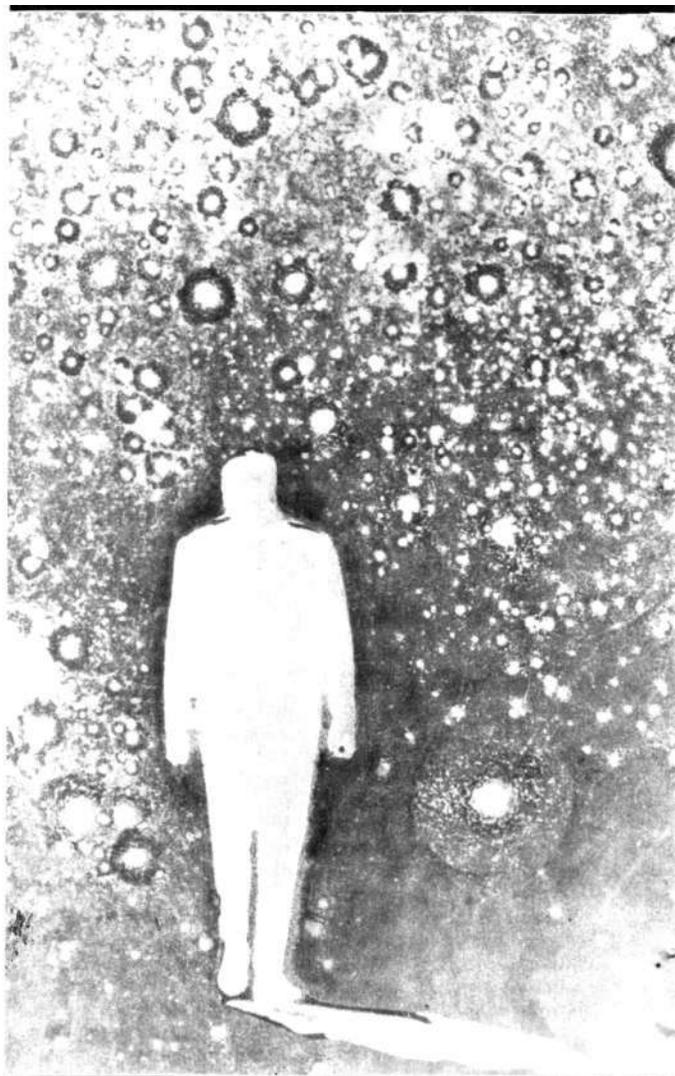
— Это сейчас сложно с квартирой, — начинал кто-нибудь из них, — зато потом, когда железную дорогу подведут, начнут город и на том берегу строить. На сто пятьдесят тысяч жителей. Тогда квартиру дадут. И будет город не хуже Братска.

— А когда плотину кончат строить, — подхватывал второй, — будут строить лесопромышленный комплекс мощнее братского, работы на всю жизнь хватит. А можно и на следующую гидростанцию — в Богучанах — податься. И места здесь хорошие: леса, охота и рыбалка. Лодку купим...

Наверно, им все же трудно было расставаться с родными местами, но по сравнению с теми, кто начинал эту стройку в тайге, у костра, несравненно проще...

Где-то на поддороге, за Бадарминским мостом, цементовозы встали на ночлег. Диспетчер, отметив их время, сказал, что у всех шоферов по двенадцать часов наезженного времени, и дальше их можно пустить не раньше чем через пять часов тридцать минут. По дороге всю ночь в сторону Братска ползли лесовозы. Их время не ограничивалось. В 1972 году по плану должно начаться заполнение Усть-Илимского моря, площадь его будет почти две тысячи квадратных километров, и лесовозы торопятся вывезти из зоны затопления всю драгоценную ангарскую сосну...

В 1966 году в Москве проходил XVIII Международный психологический конгресс. На этом конгрессе впервые в качестве самостоятельной науки рассматривались «Психологические проблемы человека в космосе». Об этой науке, рожденной тогда, когда в космосе появилась первая рукотворная планета — искусственный спутник Земли, рассказывает один из ее зачинателей, профессор ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ ГОРБОВ.

КЛЮТ-КОМПАНИЯ
«Вокруг света»

КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Такими словами открыл встречу в «Кают-компании» Федор Дмитриевич. И это не поэтический образ, а четкая формула основной идеи нашей науки. Человек в космосе — закономерный этап развития не только цивилизации, но и человеческой психологии. В одном стихотворении (к сожалению, не помню автора) есть строки: «И, разрывая замкнутую сферу, с опаской человек вступает в пустоту». С психологической точки зрения эти строки очень точны: они выражают ту диалектичность сознания, которая сделала возможным выход человека в космическое пространство. Человеческая психика в равной степени отрицательно реагирует и на ограничение пространства (клаустрофобия — одно из патологических проявлений этого страха), и на беспредельное расширение — пустоту, потерю точки опоры. Казалось бы, ситуация, заставляющая человеческую психику одновременно преодолевать оба эти барьера, возникла лишь в наш век, век авиации и космонавтики. Но это не так.

Представьте себе первого человека, рискнувшего преодолеть океан. Тысячелетиями психика человека принаравливалась к земной тверди. И вот человек ввергает свою жизнь опоре зыбкой, эфемерной, опоре, которая психологически равна нулю. Кроме того, одновременно он ввергает свою жизнь и чрезвычайно ограниченному пространству — плоту или первобытной ладье (ведь археология доказала, что первые трансокеанские плавания совершались еще в каменном веке). Итак, с одной стороны, беспредельное пространство, на которое сам человек не может опереться — оно расступится и поглотит его; с другой, как мы говорим, чрезвычайно замкнутые простор и объем жизнедеятельности. Надо ли говорить, что психика человека справилась с этим испытанием.

Иными словами, вся история освоения Земли —

это подготовка психики человека к тому, чтобы «вместить» в себя космос.

— Но ведь первый океанавт знал в принципе, что такое вода. Его психика оперировала, если можно так сказать, неизвестными количествами знакомого предмета. В космосе же человек столкнулся с такими явлениями, которым на Земле нет соответствия...

— Но зато есть аналогии. И это для психики человека та же опора, что земля для тела. Наша наука искала эти аналогии, с тем чтобы потом проецировать их на будущие космические ситуации. Вы правы, проблема приспособления психики человека в космосе, конечно же, не ограничивается лишь вопросами «точки опоры» и «замкнутости». Как перенесет психика человека замкнутость в малом объеме кабины корабля одновременно с качественными изменениями пространства и привычных пространственных ощущений? Как скажется резкое изменение интенсивности, количества и качества внешней и так называемой чувственной информации, идущей от наших органов чувств? И многие, многие другие вопросы вставали перед нашей наукой еще до первых полетов человека в космос.

Смысл этих вопросов был в основном един: сможет ли человек реальный, обычный, наш с вами современник, преодолеть то, что не под силу было Антею, — сможет ли он сохранить свою земную силу, расставшись с Землей?

И в поисках ответа на эти вопросы мы неоднократно сталкивались с удивительными явлениями — психика человека за столетия до полетов в космос уже моделировала чисто космические ситуации, отталкиваясь от повседневного опыта. Мне уже приходилось говорить об одном таком случае.

Известно старинное сообщение о человеке, который заявлял, что он потерял... вес. Судя по описанию, ощущения, которые он испытывал, были удивительно похожи на ощущения человека в состоянии невесомости...

Мы искали аналогии не только в исключительных обстоятельствах, но в повседневных ситуациях прошлого и настоящего. Исследование ощущения спелеолога, замкнутого в тусклой пасти пещеры, сознающего, что канал, связывающий его с наземной жизнью, в любой момент может нарушиться, — очень четкая земная аналогия психологического состояния человека, уходящего в космос.

Изучение психологического состояния человека во время парашютного прыжка помогло наметить конкретные мероприятия по тренировке преодоления органического страха потери точки опоры: данные психофизического обследования советских космонавтов с очевидностью говорят, что все регистрируемые параметры — частота пульса и дыхания, температура кожи, биоэлектрическая активность, деятельность сердечной мышцы — улучшались от раза к разу. Мало того, наблюдения за группами альпинистов, зимовщиками, исследованием дневников участников полярных и высокогорных экспедиций — коллективов, надолго и прочно оторванных от привычной социальной среды, находящихся в условиях постоянной опасности, — дали богатейший материал для отработки нового направления в космической психологии — теории психологии группового космического полета.

— По-видимому, это направление сейчас, после успешных групповых полетов, — одно из основных направлений в космической психологии!

— Да. Еще до того, как Ю. А. Гагарин совершил свой беспрецедентный прорыв в космос, исследователям было ясно, что дальние и сверхдальние космические полеты будут совершать не одиночки, а коллективы, образующие вместе с кораблем как бы самостоятельные населенные планеты. И необходимо было предусмотреть все, чтобы психологический климат на таких планетах был здоровым. Советские исследователи экспериментальным путем установили, что по качеству индивидуального вклада нельзя прогнозировать успешность действия группы в целом; нельзя, исходя из арифметической «суммы психологии» всех членов того или иного коллектива, вывести закономерности общего его «психологического климата».

Были опытным путем смоделированы определенные варианты тех или иных рабочих процессов, которые должна будет вести группа космонавтов. В экспериментах задавались конкретные рабочие операции с заранее запрограммированной последовательностью, устанавливалось определенное время на их исполнение. Конечно, заранее предусмотреть все варианты трудовой деятельности в космосе невозможно. Но теоретически не составляет труда в принципе «обучить» психологию индивидуума жесткой и четкой работе в маленьком, на долгое время замкнутом коллективе. (Кстати, можно вспомнить, что папанинцы, например, работали в принципе именно в такой обстановке. Их опыт — один из поставленных историей развития человечества опытов космической психологии.) Мною в содружестве с М. А. Новиковым, И. Е. Цибулевским и другими был создан прибор, который позволяет дать конкретную, числовую оценку рабочей сплоченности, степени организованности коллективной психологии той или иной группы, и в то же время выделить из этой группы молчаливо всеми признанного лидера, капитана. Принцип работы этого прибора не сложен: идея его родилась... в обыкновенном душе. Представьте себе нескольких человек, моющихся под душем с общим источником горячей воды ограниченной продуктивности. Когда каждый моющийся, регулируя температуру воды, поступающей в его кабину, довольствовался умеренно теплой водой, все было в порядке. Если же кто-нибудь «выбивался из ритма» — увеличивал или уменьшал подачу горячей воды, — система начинала «буксовать», и требовалось время, чтобы снова привести ее в равновесие. По этому принципу и был создан прибор, который назвали «гомеостат». Перед каждым из членов группы находится шкала с подвижной стрелкой. С пульта подается общая команда — задача. Получив ее, каждый из членов группы должен движением рукоятки шкалы поставить стрелку на ноль. На осциллографе фиксируются движения рукоятей всех членов группы. Это дает возможность не только проследить степень согласованности действий всех членов группы, но и дать оценку тактическому мышлению, психологической «вписываемости» каждого в «коллективный мозг», выявить индивидуальные психологические особенности того или иного члена коллектива при выполнении общих задач.

— Причем эти общие задачи должны выполняться в условиях не простой изоляции от всего человеческого сообщества, но изоляции длительной, может быть, многолетней!

— Да. Проблемы групповой космической психологии — это во многом проблемы, о которых мы

вкратце говорили выше, но помноженные на время. И это рождает новое качество в исследуемых вопросах.

Один из примеров. Мозг необходимо «снабжать» определенным количеством информации. Поставщиком такой информации являются органы чувств. Дело не только в извечном «любопытстве» человеческого мозга. Зрение, вкус, осязание, обоняние позволяют человеку не только познавать внешний мир, ориентироваться в нем — с их помощью мозг заряжается энергией. При отключении некоторых органов чувств у человека появляется сонливость, общая апатия, вялость. Чувственные раздражения сравнивают с пищей, которая не только насыщает, но и тонизирует мозг, а состояние мозга, когда этой пищи не хватает, — с голоданием. И когда такой «чувственной пищи» мозгу не хватает, он начинает вырабатывать ее сам — могут начаться галлюцинации. Очень похоже по своему биологическому механизму на те, которые возникают перед истощенным от голода человеком.

Можно ли преодолеть этот психологический барьер? Испытания в сурдокамере показывают, что при соответствующей тренировке такие галлюцинации, если даже они и возникнут, можно преодолеть усилием натренированной психики. В этом отношении чрезвычайно любопытны наблюдения, накопленные советским исследователем О. Н. Кузнецовым. Целый ряд экспериментов показал, что у многих испытуемых образные представления и иллюзии достигали почти реальной убедительности. У одного испытуемого, например, возникло совершенно реальное ощущение присутствия в сурдокамере постороннего человека, многие воспринимали сновидение за реальность и наоборот. Однако при этом натренированная воля испытуемых в любой — даже заранее определяемый — миг могла «отказаться» от этой пищи.

Стоит перед нашей наукой и такая проблема, как проблема ориентировки в окружающем пространстве по мере возрастания скорости и дальности космического полета.

Каждый человек обладает чувством «схемы тела». Под этим понимается обобщенное представление, которое мы имеем о своем теле, его габаритах, ориентации в пространстве в каждый данный момент. В эту «схему тела» человек включает одежду и обувь. Следовательно, для космонавта скафандр — это как бы неотъемлемая часть его тела. По-видимому, и сам космический корабль можно считать включенным в единую психологическую схему коллектива космонавтов в длительном полете. Но дело не только в том, что психика должна свыкнуться с новыми «частями тела». Происходит как бы накладывание на ощущение «нового тела» необычной пространственной обстановки и скорости.

Опыты на Земле показывают, что преодоление этого порога вызывает значительные трудности. Появляется общее мышечное напряжение, связанное с тем, что реакция человека не всегда успевает за изменением обстановки. Мозг как бы одновременно неправильно фиксирует пространственное положение своего тела, понимает в принципе свою ошибку и тут же прогнозирует последствия этой ошибки. Это чрезвычайно сложная психологическая ситуация, могущая привести к необратимым нарушениям психической деятельности. Но и этот барьер преодолим для тренированной психики. Ученые все больше склоняются к тому, что много-

кратное повторение опасных ситуаций в конце концов становится привычным, обыденным, но повышенная психическая активность космонавтов автоматически поддерживает состояние готовности к встрече с любой неожиданностью. Таким образом, сам организм человека вырабатывает при направленных тренировках механизм психологического приспособления готовности к длительной грядущей опасности.

— **Необходимо, по-видимому, учитывать и то, что космос — это не только новое для человеческой психики пространство, но и новое понятие времени. Должен ли человек приспосабливаться к новому отсчету времени или он может «взять» с собой земное время!**

— Исследования советских ученых показали, что человеческая психика и организм способны приспособиться к любой суточной периодике. Но те же исследования позволили прийти к выводу, что приспособление к непривычному и необычному суточному ритму — процесс длительный и трудный, прежде всего в области психической активности. Сейчас накоплено немалое количество наблюдений по субъективным отсчетам времени в условиях длительной изоляции при отсутствии контроля времени по часам. Так, например, французский спелеолог Антуан Сеньи на 122-й день своего пребывания в пещере был чрезвычайно удивлен, когда ему сообщили, что наступило 2 апреля. По его подсчетам было лишь 6 февраля. Установлено, что изменения обстановки — относительная изоляция, необычный суточный ритм — нарушают точность субъективного восприятия коротких интервалов времени. Но и этот психологический барьер преодолим наземными тренировками.

Как было установлено советскими учеными, способность ориентировки человека в пространстве и времени не является врожденной. Она приобретает и развивается в течение всей жизни, трудовой деятельности. Отсутствие земной освещенности, привычной смены дня и ночи в космосе еще не главные причины затруднения в оценке космонавтом времени по своим ощущениям. Основа этих затруднений — в самом факте полета в пространстве с огромной, но незаметной для самого космонавта скоростью, в новых, необычных гравитационных условиях. Это смещает такие понятия, как «быстро», «медленно», «долго». Однако катастрофической дезориентации во времени опасаться не приходится, так как опыты, проведенные исследователями, а главное, осуществленные полеты показывают, что человек способен бесконечно совершенствоваться в ощущении времени.

Сейчас существует много лабораторных методов воспитания «космического» чувства времени и организации правильного рабочего ритма.

Да, для уходящего в далекий космос человека Земля, привычная, твердая Земля, с ее запахами и рассветами вдруг в считанные мгновения превращается в маленький голубой глобус, висящий в черной неподвижности пустоты, а затем становится сверкающей точкой, не отличимой от других маяков вселенной. Но человек никогда не может утратить связи с ней. Космонавт не Антей, сразу же лишившийся силы, как только его оторвали от земной тверди. Он скорее похож на былинного богатыря Микулу Селяниновича, несущего с собой «тягу земную».

Записал В. ИЛЬИН

МОСТ ИСКАНДЕРА

К первой странице обложки

Почти полгода река Инд называется «высоким Индом», а другие полгода — «низким Индом».

Верховья реки питаются талыми снеговыми и ледниковыми водами, текущими с гор, а низовья — обильными муссонными дождями. Муссонные же дожди, как известно, приходят и уходят в одно и то же время года, поэтому и изменения уровня на реке очень регулярны: с марта по сентябрь — «высокий Инд», в сентябре он начинает понижаться и с декабря до февраля становится самым «низким». Разница в уровнях семь метров. Реку с таким нравом капризной не назовешь, ибо всегда знаешь, чего от нее можно ждать.

Известно, что высокий Инд не потерпит ничего из того, что терпит Инд низкий. Особенно мостов. Когда река вздувается и вода поднимается на семь метров, любой сооруженный из подручного материала мост (да и не только он) будет смыт.

Поэтому на Инде строят особые мосты, которые могут служить оба сезона. Множество лодок связывают толстыми канатами, пропускаемыми через отверстия в бортах. Потом лодки загружают хворостом, а сверху кладут циновки. Мост готов, и по нему можно пересечь километровую ширину реки. Когда же Инд разливается и ширина его достигает двух кило-

метров, лодки (само собой разумеется, отвязанные друг от друга) служат средством сообщения между берегами.

Такие мосты называют «мостами Искандера».

По преданию, Искандер Двурогий — Александр Македонский — форсировал Инд (называвшийся тогда Синтхосом) по такому мосту. Вряд ли этот мост был изобретением великого македонца. Такие мосты служили жителям долины Инда за тысячи лет до Александра так же верно, как и тысячи лет после него.

Но Александр стал любимым героем восточных легенд, а слава идет к славе...

ИГОРЬ МОЖЕЙКО, наш спец. корр.

Фото автора и М. АВАЛИАНИ

ХОЛМ ЗОЛОТОГО РУНА

Городок Вани, заполнивший домами и виноградниками склоны холмов, толпящихся теснее внизу, в ложбине, открытой к громадной, плоской равнине Риони, исчерченной голубыми зигзагами воды, темными точками деревьев и прямоугольниками редких домов, млел в жаре — и широкая площадь с

но ветер был горячее застоявшегося воздуха.

Отар Лордкипанидзе подождал, пока журналист отдышится после крутого подъема на холм, напьется чаю на веранде, сколоченной археологами из забытых строите-

ма есть резервуар, и вода, хотя и теплая, почти горячая к вечеру, течет сама по себе. Потом начальник экспедиции предложил журналисту спуститься из «главной комнаты» с длинным столом, заваленным папками с планами и

Слой за слоем археологи снимают землю, потом они поднимают завалы черепицы с крыши, рухнувших много веков назад, и, может быть, найдут вещи, что не успели унести люди из погибавшего города...

Бог Дионис — видимо, ему посвящен храм, обнаруженный недавно в Вани.

серебряной статуей женщины, олицетворяющей Колхиду, была пустынной, словно солнечная сторона Меркурия.

Наверху, на холмах, свирепствовал ветер. Его буйство в листве внушало надежду на прохладу,

лями лесов, потом повел к душе. Душ гостям показывали раньше, чем раскопки. Душ был гордостью экспедиции. Его соорудили еще тогда, когда за водой надо было спускаться далеко вниз, к колодцу. Теперь на вершине хол-

рисунками, с полками, уставленными коробками и книгами, в подвал — фотолабораторию. Лаборатория была оштукатурена, покрашена в голубой цвет, и над раковиной поблескивал белый кафель. Лаборатория тоже была

гордостью экспедиции, и ее тоже археологи сделали собственными руками. Здесь относились серьезно к своему жилью. Это было Место Работы. И вчера, и сегодня, и на ближайшие десять-двадцать лет.

Сто лет назад холм был так же, как и сегодня, покрыт виноградниками, и дома скрывались в тени деревьев. И так же в стенах сараев и домов встречались светлые обтесанные квадраты — остатки каких-то древних построек. Кое-где на поверхности земли угадывались следы стен. А после ливней, когда потоки воды срывались с крутых боков холма, местные жители выходили на охоту за золотом. Они раздвигали виноградные листья и всматривались в обочины тропинок. И возвращались домой, неся в кулаке обломки серег, золотые бляшки, монеты и бусины. Это было обычным и никого не удивляло. Внизу, в Вани, жили люди, которые скупали золото. Его переплавляли и продавали дальше. Золото было червонным, самой высокой пробы.

Сто лет назад об этом уже знали в Тифлисе. Грузинские историки писали, что холм над Вани надо исследовать. Но не было денег. В начале нашего века академик Такаишвили приехал в Вани, облазил холм, уверился в том, что он хранит удивительные богатства. Академику рассказали, что чедавно здесь был найден большой клад. Но, кроме воспоминаний о нем, ничего не осталось. Клад был переплавлен.

Археологические экспедиции появились здесь лишь после установления Советской власти. В 30-х годах на холме Вани начались разведочные работы. Их прервала война. А в 1947 году сюда пришла первая в Грузии женщина-археолог профессор Нина Хоштария. И с этого дня берет начало археологическая история холма.

Нина Виссарионовна начала раскопки на дальней, не занятой застройками и виноградниками части холма. Деревья здесь расступались, и горбатая вершина, с которой открывается чудесный вид на много километров вокруг, была идеальным местом для древнего святилища.

Остатки его вскоре обнаружили неподалеку от полусохшего корявого дерева, на котором сегодня прикреплена избитая ветрами и жестокими ливнями металлическая доска с надписью,

говорящей, что здесь стоит памятник античных времен, охраняемый государством.

Святилище представляло собой небольшой храм. Он был уничтожен кем-то из завоевателей. Перед ним — сложенная из каменных блоков лестница, будто часть ступенчатой пирамиды, на вершину которой поднимался жрец. Рядом — остатки алтаря для жертвенных животных. И еще там же обнаружилось странное погребение. Тройное. По сторонам были похоронены мужчина и женщина. Между ними находилась могила, в которой нашли черного человека. Человек был длиной в тридцать сантиметров, железный, будто обугленный от ржавчины. В ушах его висели золотые серьги, а на шее золотая гривна. (Теперь этот черный человек, вызывающий споры и предположения, стоит в одной из витрин Тбилисского музея. И до сих пор не ясно, то ли это был «заместитель» того, третьего, кому предназначалась могила, то ли талисман, имеющий неразгаданный, мистический смысл.)

Остатки керамики помогли датировать святилище.

Ему более двух тысячелетий.

Экспедиция Нины Хоштария работала здесь несколько лет. Для людей, малосведущих в археологии, успехи экспедиции стали очевидны, когда в 1961 году было обнаружено погребение, содержащее более тысячи золотых предметов. Золото всегда поражает воображение, но не оно цель поисков археолога, которому важно знать все о погибшей цивилизации, и потому равно ценящего и черепок, по которому он может точно датировать поселение, и железный кинжал, говорящий об уровне развития той или иной культуры.

Но золотой клад, обнаруженный Ниной Хоштария и хранящийся ныне в Тбилиси, как и другие находки, сделанные позднее, еще раз подтвердил существование легендарной Колхиды античного мира, сделал ее осязаемой и превратил в реальность сказки о Золотом руне и высказывания древних о том, что в Колхиде существовало могучее царство с многочисленными городами, населенное густо, богатое льном, воском и золотом.

Предметы, извлеченные из погребения, отличались необыкновенно высоким уровнем исполнения и ничем не уступали лучшим образцам ювелирного искусства

античного мира. В диадемах, серьгах, подвесках угадывались влияния Греции, Персии, но сильнее всего ощущалась местная, самобытная школа, мастера которой то словно пользовались микроскопом для того, чтобы нанести тончайшую золотую зернь, то смело лепили пластичные фигуры животных и птиц. И столь совершенны были изделия местных мастеров, что отпадали всякие сомнения в существовании громадной предыстории этой культуры.

Нина Виссарионовна вскоре тяжело заболела. Ей, привыкшей к активной, беспокойной жизни, не хотелось верить в то, что отныне она прикована к постели. И в борьбе с болезнью ее поддерживала уверенность в том, что она обязательно вернется на свои раскопки. Верили в это и ее коллеги. И из уважения к Нине Хоштария, в надежде на то, что именно ей, первооткрывателю Вани, удастся закончить эту работу, грузинские археологи временно прекратили здесь полевые работы.

Прошло несколько лет. Нина Виссарионовна, когда ей становилось легче, продолжала обрабатывать найденные материалы, писала статьи...

В 1966 году из Вани пришло известие: при расширении старой дороги, когда начали прокладывать асфальтовое полотно, обнаружены остатки каменной кладки. Местные власти просили археологов приехать и разобраться.

Нина Виссарионовна поехать не могла. Ей уже трудно было передвигаться. И тогда она настояла на том, чтобы работы продолжались без ее прямого участия. Эстафету, принятую Ниной Хоштария у академика Такаишвили, взяла теперь Русудан Путуридзе и Отар Лордкипанидзе — третье поколение археологов. Сегодня большинство археологов, работающих в Вани, относится уже к следующему, четвертому поколению. Это аспиранты, студенты, молодые специалисты — народ, не достигший тридцатилетнего возраста (правда, ни Лордкипанидзе, ни Путуридзе к пожилым людям тоже никак не отнесешь).

А поутру у раскопок тормозит грузовик — из города приезжают школьники. Это уже пятое поколение археологов Вани.

Широкая крутая тропа, ведущая от калитки дома, в котором разместилась экспедиция, усыпана крупной галькой. Среди кам-

ней часты черепки. Их много на этом холме, хотя меньше, чем могло бы быть в таком большом городе. Тропа скатывается вниз, вливается в асфальтовое шоссе, что ведет от Вани, через седловину холма, дальше на юг.

Глаз не подготовлен к тому, что откроется за поворотом. Место это подобно хорошему рассказу, автор которого показал вам своих героев, познакомил с ними и оборвал повествование, чтобы пустить в ход фантазию читателя. Дальше читатель додумывает сам.

Додумывает город. Тот, которого нет уже более двух тысяч лет. Здесь, в узком месте, где обрыв нависает над дорогой, был когда-то въезд в город или в крепость. Слева остатки стен, башни, казармы. Справа два плоских камня — ступени. В камнях видны плавные углубления — там, где сотни лет люди, вступавшие в город, уносили на подолвах частицы ступеней. И эта деталь, незначительная, обычная, оживляет умерший город, вызывает в воображении вереницы людей, замиравших на секунду у входа, заставляет услышать шарканье подошв и постуки копыт.

А на стене, рядом с которой сохранился тщательно вытесанный мраморный постамент статуи, два с лишним тысячелетия назад кто-то выцарапал греческие буквы: «Молю тебя, владычица...»

Все свидетельствовало, что город был разрушен внезапно, жестоко. За постаментом исчезнувшей статуи в стене широкая ниша, вернее комната, у одной из стен которой стоял каменный алтарь. Когда помещение было расширено, в нем обнаружили многочисленные сосуды — подношения богам. В день гибели города жрецы даже не успели убрать их, и в амфорах археологи нашли обгоревшее жертвенное просо.

А дальше, за въездом в город, начиналась ровная булыжная мостовая. Она настолько хорошо сохранилась под обвалом, что вызывает у многих сомнение: неужели ей две тысячи триста лет? Археологи специально оставили на ней груды спекшейся от времени породы.

...Стемнело, и ветер стих. Холм плыл между звездным небом и искрящимся морем огоньков долины, словно темный «Летучий голландец» из страны Колхиды. Страны таинственной и загадочной, хотя если свести воедино

все написанное древними авторами о ней, наберется целая книга. В ней будут и легенды, и вполне деловые описания колхидских портов, городов, продуктов экспорта, обычаев и нравов. В черноморских портах Колхиды издавна селились греческие торговцы. Правда, колоний своих, таких, как в Северном Причерноморье, они не создавали — царство, сложившееся на берегах Риони, было для греков равноправным торговым партнером.

Итак, известны порты Колхиды: Фазис, крупнейший порт, Диоскурия и другие. Известно название столицы царя Аэта, отца легендарной Медеи, — столица звалась Куттайей. Известны названия и примерное расположение еще нескольких городов.

Диоскурия уже найдена — она находится на морском дне около Сухуми. Остатки еще одного порта обнаружены в Очамчире. Какой-то колхидский город существовал уже за пять веков до нашей эры на месте Кутаиси (может, столица Куттайей?) — везде в этих местах обнаружена колхидская керамика и колхидки — серебряные монеты, которые не спутаешь с монетами прочих античных государств.

И вот при всем этом обилии сведений оказывается, что открытие древней Колхиды только начинается.

Город Фазис, один из крупнейших портов Черного моря, о котором пишут буквально все греческие географы, стоял где-то неподалеку от нынешнего Потти. Но где? Раньше предполагали, что искать его надо прямо под домами современного города. Потом геологи внесли коррективы в эту гипотезу. Дело в том, что в нескольких километрах от моря стоит турецкая средневековая крепость, которая когда-то возвышалась на самом берегу. Море постепенно отступает от Колхиды, и причиной тому — мутная быстрая река Риони, несущая тысячи тонн ила.

Сравнительно недавно разведочная экспедиция, закладывая шурфы, прошла несколько километров вверх по Риони. Обнаружилось, что земля, на которой стоит Потти, была покрыта морем уже в историческое время. Чем дальше двигалась экспедиция в глубь материка, тем старше становились находки. И керамика античного времени начала попадаться лишь в двадцати километрах от моря. По-видимому, где-то там и располагался 25 веков назад знаме-

нитый порт Фазис — ворота Колхиды. Но где точно — указать пока невозможно. До тех мест еще не добрались мелиораторы — непроходимые болота и колхидские джунгли хранят тайну древнего города.

В «Главной комнате» повесили экран, включили проектор. Отар Лордкипанидзе взял указку. Путешествие по исчезнувшему городу началось.

Археологи не охотники за драгоценностями. Тысячи тайн, похороненных в земле и сбереженных землей, были окончательно погублены за последние столетия теми, кто искал только клады и изящные статуи.

И это были не только грабители. Еще в конце XIX века среди археологов считалось не только не зорким, но, напротив, наиболее целесообразным рыть шахты, колодцы к центру того или иного кургана, не обращая внимания на такую «мелочь», как черепки, каменные фундаменты, следы деревянных креплений. И исключением в этой погоне за ценностями искусства и золотом были раскопки русского археолога А. Д. Черткова, который еще в начале прошлого века не только искал вещи в древних погребениях, но и тщательно описывал вид и конструкции курганов, производил десятки промеров, давал точный перечень, описание и зарисовки всех найденных предметов.

Спустя несколько лет один из создателей современной археологии, А. А. Спицын, автор едва ли не первого в мире научного руководства по правилам ведения раскопок, написал: «Не довольно найти вещи. Нужно угадать мысль лица, устроившего памятник, способы ее осуществления, процесс работы, назначение отдельных частей или памятника...»

С самых первых своих шагов советская археология продолжила эти традиции, создав свою собственную школу. Советские археологи раскапывают памятники комплексно, стараясь полностью воссоздать картину жизни города или поселения, выявить закономерности исторического процесса, отраженного в неизбежной связи бессмертного творения древнего ювелира, найденного в царском погребении, остатках печи гончара, ютившегося у стен цитадели, и предметов быта беднейшего горожанина.

Только тогда, не сразу, после нескольких лет кропотливого труда, целиком открывается город

или поселение. Только тогда можно сказать, как жили здесь люди, как пахали землю, лили металл, торговали, воевали, и именно тогда мы возвращаем себе, своим современникам наше прошлое, связанное хоть незаметно, но неразрывно с сегодняшним днем.

Именно так археолог Толстов раскрыл древний Хорезм. Именно так работают ученые в Новгороде, Ереване, Кахетии и на берегах дальневосточных рек. Именно так работала Нина Хоштария. Так продолжают раскопки в Вани и сегодня.

— Первоначально предполага-

лось, — говорит Отар Лордкипанидзе, — что здесь, в Вани, находится город Сурия и что он пал, взятый римским полководцем Помпеем в первом веке. Но за двадцать лет работы накопилось много материала, и у нас появились сомнения, так ли это было на самом деле...

Бронзовая фигурка Ники, летящей в бешеном танце. Время пощадил бронзу, сохранив складки одежды и тонкость черт.

На это нас натолкнуло то обстоятельство, что в раскопках было слишком мало бытовой керамики. Слишком мало для такого города, как Сурия. Затем наше сомнение подтверждено было новым прочтением греческих и римских авторов. И тут-то обнаружилось, что Помпеи не мог штурмовать этот холм. Во-первых, получилось, что у него для этого не хватило бы просто времени — отчеты о его походе сохранились; во-вторых, в самих остатках строений мы обнаружили следы двух последовательных разрушений, которым подвергся город на холме в течение нескольких лет. Помпеи же прошел по Западному Кавказу лишь один раз.

...Зато мы нашли у Страбона рассказ о том, что Колхида была разграблена боспорским правителем Фарнаком. А затем через несколько лет Митридат Пергамский снова напал на Колхиду. Не следы ли этих двух нашествий мы обнаружили на Ванском холме?

И еще. Страбон утверждал, что во время нашествия Митридат Пергамский разрушил святилище Левкотей. Здесь надо сказать, что Левкотей была популярна во всем Средиземноморье, хотя ей и не довелось войти в число наиболее известных богов Олимпа. Она была богиней моря. Вполне вероятно, что человек, со слов которого Страбон записал рассказ, знал о существовании у колхов богини, функции которой были близки к функциям греческой Левкотей, и по аналогии назвал ее тем же именем. Мы решили проверить, не было ли в Грузии божества, схожего с Левкотеей. И оказалось, что в западной Грузии до сих пор сохранились следы культа «белой богини», выходящей из моря весной. После встречи ее начинается весенняя страда...

На экране — изображение входа в город. Постамент, на котором стояла когда-то статуя.

— Итак, — говорит Лордкипанидзе, — мы копаем большой город, где не удалось пока найти обширных жилых кварталов, но зато уже сейчас обнаружено несколько храмов, город, в котором мало бытовой керамики, но найдены богатейшие погребения и культовые вещи большой ценности. Город, который был дважды разрушен и после этого был оставлен, — в течение многих веков люди не селились на этом холме, считая его священным местом. И единственное известное

Под слоем земли обнаружилась золотая диадема, витая, расширяющаяся ромбами, словно совмещенными портиками греческого храма. На ромбах — львы.

Массивные золотые браслеты украшены фигурками кабанов. Рядом сверкающая россыпь бляшек и бус.

по описаниям древних мест, подходящее к тому, что мы исследуем, «святилище Левкотеи». Поэтому, сопоставляя все эти факты, сегодня мы можем с определенной долей вероятности предположить, что холм над Вани был громадным, посвященным главному божеству Колхиды храмовым комплексом, городом-святилищем...

Мировой археологии таких городов известны лишь единицы... Но и это не все. Фактически археологи нашли здесь два города. Когда исследователи начали углубляться в культурный слой найденного города, обнаружилось, что он построен на другом, родившемся более чем за пятьсот лет до нашей эры. Камни его строений частично пошли на дома и укрепления нового. Нижний, древний, город не был укреплен, здания его воздвигались прямо на скале. В скалу же были врублены погребения, относящиеся тоже к нижнему городу. И пока нельзя обнаружить никакой системы в расположении могил. Возможно, людей хоронили у дверей домов.

Сколько же столетий стоял этот город? Ведь поверх погребений был построен новый город, и фундаменты его храмов и стен неизбежно наталкивались на погребения, уничтожали их; потом, в течение двух тысячелетий, дожди смывали с холма прошлое, обвалы и оползни продолжали губительное дело, а последние двести лет кладоискательство было чуть ли не профессией окрестных жителей — и все же археологи и по сей день находят могилы с тысячами предметов ювелирного искусства в каждой.

...Погребение воина было раскрито осенью прошлого года у подножья высокой стены — лишь чудом строители верхнего города не коснулись груды камней, под которыми скрывались могильники Колхиды. Воин был похоронен в бронзовых латах, и вокруг торчали наконечники копий, лежали меч и предметы, которые могли пригодиться ему в загробном мире. Высокая шапка воина была украшена золотыми фигурами всадников.

Вскрытие, расчистка погребения и подъем предметов шли несколько дней. Все понимали, что сделано важное открытие: впервые найдено погребение воина IV века до нашей эры, которое столь много расскажет историкам. И все-

таки, закончив дело, все мечтали об одном — передохнуть.

Лордкипанидзе объявил перерыв в работе. Лишь несколько студентов, которым скоро надо было возвращаться в университет, продолжали работу по раскопкам стен.

И вдруг у стены снова показались мелкие камни, насыпанные грудой.

Еще одно нетронутое погребение? Но вскоре археологи увидели — прямо через камни проходит глубокий ров. Несколько, десятков лет назад кто-то уже видел эту грудку гальки и догадался, что под ней могила. А догадавшись, прокопал ров и извлек из могилы все, что можно.

И все-таки экспедицию вновь охватил азарт. Усталость была забыта. Ведь грабители нужны лишь ценности. Керамика, вещи из бронзы и железа его не интересуют. В погребении могли остаться предметы быта колхов — то, ради чего экспедиция здесь находится.

А когда камни, покрывавшие могилу, были сняты, обнаружилась удивительная вещь.

Грабительно не повезло. Он прорыл ров так неудачно, что прошел посередине могилы, между скелетом лошади и скелетом лежавшей там женщины. Провел ров по пустому месту. Разочаровался, решил, что здесь кто-то побывал раньше, и ушел. Стоило ему копнуть на несколько сантиметров правее или левее, археологам достались бы лишь остатки его пиршества.

В погребении было найдено более полутора тысяч предметов. И амфоры, и посуда, и украшения, и, наконец, сотни золотых изделий.

...Ожерелье из золотых черепашек, панцири которых покрыты тончайшей зернью. Диадема, витая, расширяющаяся ромбами, словно совмещенные портики греческого храма. На ромбах львы разрывают быка и козла. Золотые браслеты, массивные, украшенные на концах кабанами и бараньими головами, серьги, золотые бусы, сотни бляшек, которыми была расшита одежда...

Там же лежали сосуды, привезенные из Греции и Малой Азии, финикийские стеклянные флаконы для благовоний, но подавляющее большинство предметов было сделано именно здесь, в Колхиде.

Дул ветер, шел дождь. Археологи валились от усталости. Но, чуть передохнув, они снова копали землю, прослеживая направле-

ние стен и собирая невзрачные на вид черепки, ибо для археолога блеск золотых диадем теряет всякий смысл, если не знать, из каких горшков ели рабы, разведившие огонь в тиглях, да и какими были тигли, в которых плавил металл, и какой была крыша в мастерской, и какие жертвы приносили в своих храмах эти люди.

Люди, создавшие одну из великих культур античности, культур, чьи контуры пока еще теряются в тумане неизвестности...

В шесть утра, когда солнце, чуть приподнявшись над голубыми холмами, поблескивая на крышах, пробиваясь сквозь влажный туман, ползущий над Риони, освещает косыми лучами изгибы траншей и раскопов, археологи расходятся по своим местам.

Глубоко, на восьми метров уходит обрыв рядом с круглым храмом, возле которого найдены каменные головы львов. У львов разинутые пасти. Когда-то сквозь них с крыши какого-то здания стекала дождевая вода. Какой же величины должно было быть это не сохранившееся здание, если головы львов выполнены в натуральную величину?

Рядом большой раскоп — на площадке снимают слой за слоем, чтобы узнать, как далеко тянутся завалы битой черепицы рухнувшей в пожаре крыши большого дома. Потом черепицу снимут и под ней, возможно, найдут те вещи, что люди в погибшем городе не успели унести с собой.

А еще дальше, на той стороне холма, Русудан Пугуридзе заканчивает раскопки храма, очевидно посвященного богу вина. Там найдены амфоры, пифосы, алтарь и остатки мозаичного пола. Там же таилась одна из самых интересных находок экспедиции — громадный сосуд с бронзовыми головами Диониса, Ариадны и сатиров, орлами и статуэткой Ники, летящей в бешеном танце, вскинув над головой тонкую руку. Время пощадило бронзу, сохранило округлость щек нимф, складки одежд богини, переплетение виноградных листьев.

Экспедиционный транзистор, стоящий в тени, поет народные песни, и ветер подхватывает мелодию и несет ее над виноградниками, к широким ступеням храма на вершине, к голубым горам точно таким же, как две тысячи лет назад.

ФИНИШ НА ГЛУБИНЕ 903 МЕТРА

ЭКСПЕДИЦИЯ БОЛГАРСКИХ СПЕЛЕОЛОГОВ

На западных склонах Южных Альп приблизительно в 25 километрах от Гренобля находится самая глубокая в мире пещера Берже. Собственно, это целый лабиринт подземных залов и гротов, гигантской лестницей уходящий на сотни метров в глубь горного массива. На каждом «этаже» десятки запутанных галерей, узких извилистых лазов, сказочных подземных дворцов, которые природа щедро украсила белоснежными сосульками сталактитов и величественными сталагмитовыми башнями, сверкающими миллионами алмазов кальцитовыми драпировками и занавесами. Но для того чтобы увидеть все это великолепие, нужно суметь СПУСТИТЬСЯ ПО ступеням подземной лестницы, образованным руслами потоков. То и дело их разделяют крутые отвесные стены, по которым низвергаются стремительные водопады.

Немногие смельчаки отваживаются пройти пещеру Берже до нижних горизонтов. Поэтому, когда группа болгарских спортсменов-спелеологов, членов софийского клуба «Планиец», среди которых были четыре девушки, решила покорить «альпийскую пропасть», мало кто верил в их успех.

«Когда наш автобус, доверху нагруженный веревочными лестницами, спальными мешками и множеством другого снаряжения, тяжело взбирался по серпентине горных дорог, лили проливные дожди, — вспоминает один из участников экспедиции Иван Рашков. — Позади осталось пол-Европы. Но чтобы достичь цели — сифона Берже на глубине 900 метров, предстояло преодолеть несколько километров труднейшего подземного траверса. Кто-то из местных французов, которых мы встретили в верхнем зале, скептически заметил, что сами Альпы оплакивают нашу безумную затею. Но мы не верили в приметы».

Пройдены верхние коридоры, затем длинный наклонный ход, по которому спелеологи спускались на буксире у тяжелых рюкзаков со снаряжением, и вот впереди возникло первое серьезное препятствие — глубокая пропасть, под прямым углом уходившая в непроглядную темноту. Экспедиция

разделилась на три группы. Первая, штурмовая, состоявшая из Аны Тапарковой и Петра Берона, с помощью скальных крючьев и канатов прокладывала путь. Вторая обеспечивала страховку, а третья занималась транспортировкой припасов и снаряжения.

«Многие, наверное, думают, что все было просто: веревки, лестницы, лампочки на касках, и глубина покорена. — Ана Тапаркова не согласна с этим: — На самом деле при спуске приходилось и ползать, и карабкаться, а больше всего «купаться»...

Бредем по колено в воде. Спускаемся все ниже и ниже. Кажется, что у русла вообще не будет конца. Впереди что-то тяжело рухнуло в воду, в ноги плеснула упругая волна. Невольно в голову закрадывается мысль: что это, глыба камня, или, может, какое-нибудь таинственное существо, навечно поселившееся во мраке пещеры? Кругом мрак, тяжелый, плотный, почти осязаемый на ощупь, который не может побороть даже мощный свет фонаря».

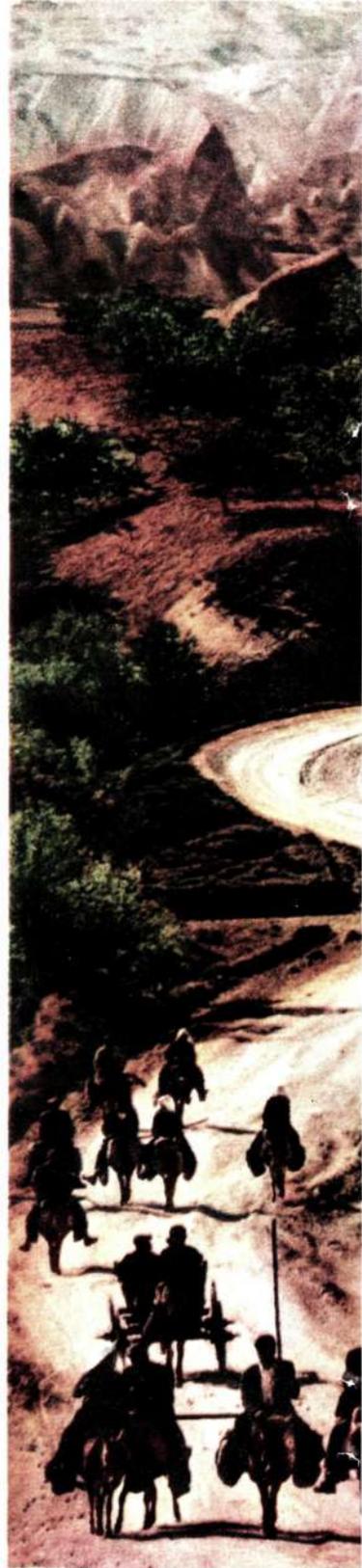
На каждом шагу спелеологов подстерегали неожиданные препятствия и опасности этого загадочного мира безмолвия. Острые каменные груды сталактитов рвут одежду и снаряжение. Путь часто преграждают осыпи из многотонных глыб.

Наконец на третий день экспедиция достигла уровня 500 метров. Здесь был разбит базовый лагерь. Короткий отдых, и цепочка людей опять зваливает на спины рюкзаки, опять уходит в неизвестность. Где-то на глубине 600 метров путь преграждает подземная река. Выручают надувные лодки. Тихий вначале поток вскоре убыстряет свой бег, и вот уже стальные мускулы беснующихся водоворотов подхватывают утлые суденышки, мчат, кружат, бьют о стены. «На одном из крутых поворотов наша надувная лодка, шедшая головной, зацепилась за сталагмит, — продолжает свой рассказ Ана Тапаркова, — воздух вышел, и она стала плоской, как блин. Хорошо еще, что подземная река в этом месте была неглубокой, нам удалось кое-как закрепиться у стенки и, стоя по горло в холодной воде, починить лодку. Дальше река расширялась, а глубина ее достигла 13 метров. Можно считать, что нам здорово повезло. Каково было бы «потерпеть кораблекрушение» там...»

На пятые сутки штурмовая группа вышла к так называемому сифону Берже. Спуск закончен. Глубина 903 метра покорена. Выкладывается традиционная пирамида из камней, в которую болгарские спортсмены прячут записку, подписанную в числе других и Аной Тапарковой, ставшей чемпионкой мира среди женщин-спелеологов. На вершине пирамиды укрепляется болгарский флаг.

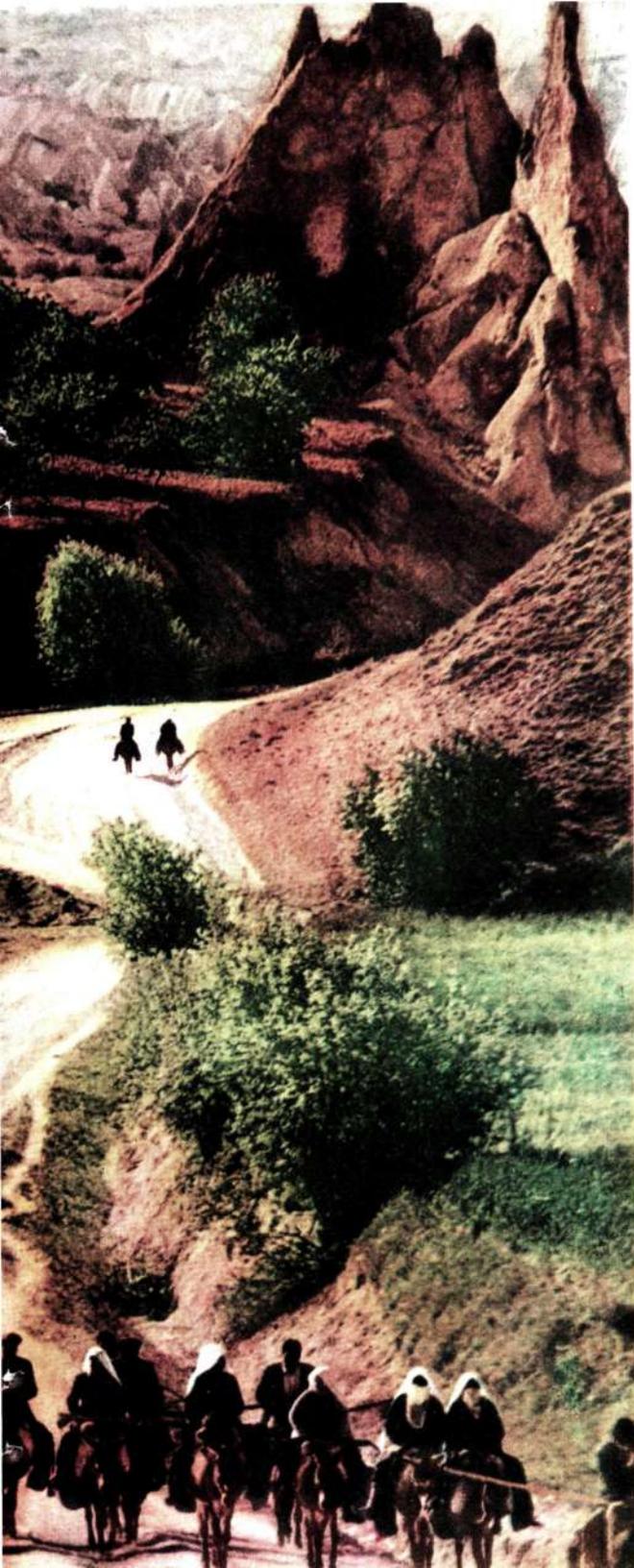
Л. СЕРГЕЕВА

ДЖЕВДЕТ ДЖЕМАЛ

ГОРОД КАМЕННЫХ

ПЕЩЕР

Дэве-Валеди чуть небрежно вел машину, Шоссе на юг было пустынным, погода — прекрасной, не хватало только прохладного ветерка, но тут уж ничего не поделаешь: летом в этих краях всегда жарко.

Валеди еще раз похвалил себя за то, что отправился в эту поездку. Трудно представить район более перспективный для развития туризма. Конкуренты позеленеют от злости — опять Верблюды их обставил. Владелец бюро путешествий Валеди знал о кличке, которой наградили его соперники. Хорошо еще, что его прозвали «Дэве» — Верблюдом, а не Попугаем или Молотилкой, как некоторых. А в «Верблюде» чувствуется национальный колорит — полезный штрих в характеристике человека, занимающегося туризмом.

Дел предстояло немало, и самое неприятное — придется распинаться перед недоверчивыми крестьянами. Так или иначе, а земля-то их... Зато если он приобретет нужный участок и добьется согласия сельской общины на постройку отеля, все хлопоты окупятся сторицей.

Валеди, хоть и был еще сравнительно молод, обладал недюжинной хваткой. «Недаром в народе говорится: верблюд дальше всех ходит», — самодовольно размышлял он...

Пока же владелец бюро путешествий ехал в деревню Учхисар поразведать да поразнюхать.

Перед тем как отправиться в путь, Валеди не один день провел в библиотеке за чтением толстенных трудов об этом районе. Еще с университетской скамьи он помнил, что в долине Гёреме были какие-то каменные пещеры, следы древних поселений. Но нужно было узнать поточнее, и пришлось несколько дней просидеть над историческим описанием жизни и быта Анатолии. Дэве ко всему подходил солидно, особенно когда речь шла о коммерческих планах.

...Оказывается, городок Кайсери — центр вилайета Кайсери в центральной Анатолии — в прошлом назывался Кесареей или Цезареей, от слова «цезарь» или «кесарь» — «царь».

Когда-то давным-давно в Анатолии произошло извержение вулкана Эрджиеш-Дагы, самой высокой горы Малой Азии. Потоки лавы, смешанной с пеплом, хлынули в долину Гёреме. За долгие века дожди и ветры смыли и унесли легкие породы, оставив высокие конусообразные скалы.

Это пустынное и уединенное место и привлекло в V веке монахов-христиан, решивших поселиться в горах и жить в пещерах, что образовались в лавовых конусах. Монашеское поселение постепенно разрасталось, пещер становилось все больше. Монахи усердно долбили пещеры, устраивая в них кельи и церкви, и украшали их стены и своды цветными фресками из жития святых, апостолов и великомучеников.

В XIV веке могущественная Византийская империя пала под ударами турок — на смену христианству пришел ислам. Монастыри в долине Гёреме распались, монахи разбрелись кто куда. Правда, в начале прошлого века в каменных кельях вновь поселились монахи-христиане (их можно было встретить там еще в 1922 году).

Турки-крестьяне переняли опыт монахов. Из-за отсутствия дерева они тоже стали вырубать себе жилища в лавовых глыбах-конусах. Эти дома даже имели некоторые преимущества перед деревянными: они, кроме собственного труда, ничего не стоили, не требовали ремонта, защищали от гра-

бителей. Да к тому же их постоянно можно было расширять, добавляя к основному помещению кладовые, а если семья разрасталась, то и новые комнаты.

Прочитанное дало пищу воображению Валеди. Он уже видел, как через Гёреме и Ургюп по великолепному шоссе мчатся туристы со всего све-

та, в каменных залах вырубленного в скале ресторана звучит джаз, стилизованные свечи-светильники выхватывают из темноты аскетические лики святых. А днем — экзотические пещеры, живописные лавовые конусы и покрытая снегом вершина Эрджиеш-Дагы.

Но сначала надо самому все увидеть и оценить,

да плюс еще добиться согласия властей в Кайсери.

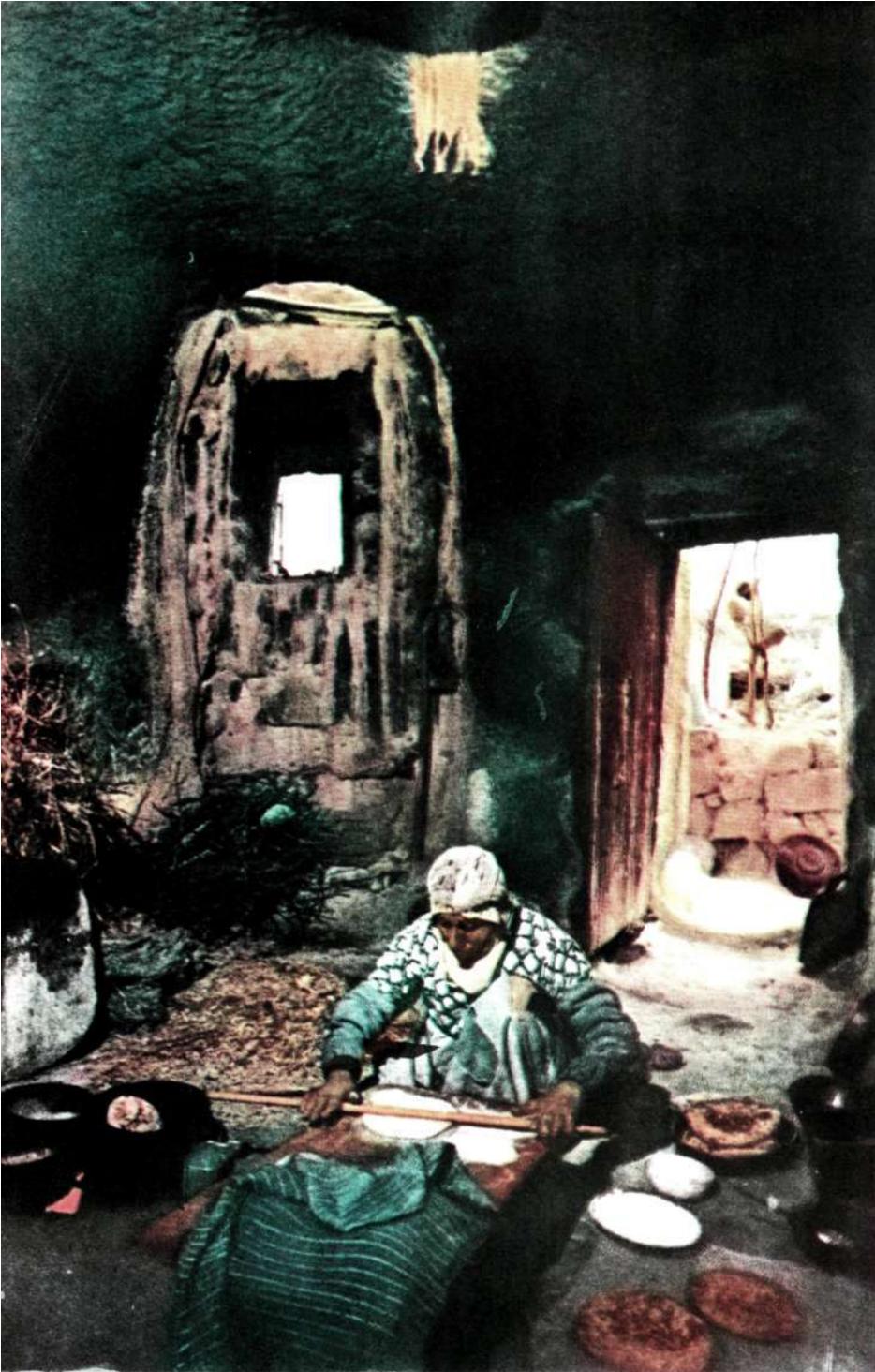
Через сто миль асфальт сменила щебенка, и по крыльям нового «плимута» застучали камни, а еще миль через пятьдесят дорога стала такой, что он вообще пожалел, что отправился в путь на этой машине.

— Тщеславный ишак, — ругал он себя. — Ко-

го захотел удивить «плимутом»? Пещерных медведей? Нужно было взять напрокат «джип»...

Настроение Валеди еще больше испортилось, когда дорога начала петлять между высокими глыб и сузилась настолько, что широкий «плимут» несколько раз царапнул крылом по камням на поворотах.

У Валеди возникло было желание повернуть назад, как вдруг дорога кончилась петлять, глыбы отступили. Долина Гёреме открылась вся сразу, а над ней проглядывала белая шапка Эрджиш-Дагы. Среди серо-седых натеков лавы ярко зеленили пастбища.

Суровая дикость камня, и ласковая теплота солнца, и зелень — вот что такое была долина Гёреме.

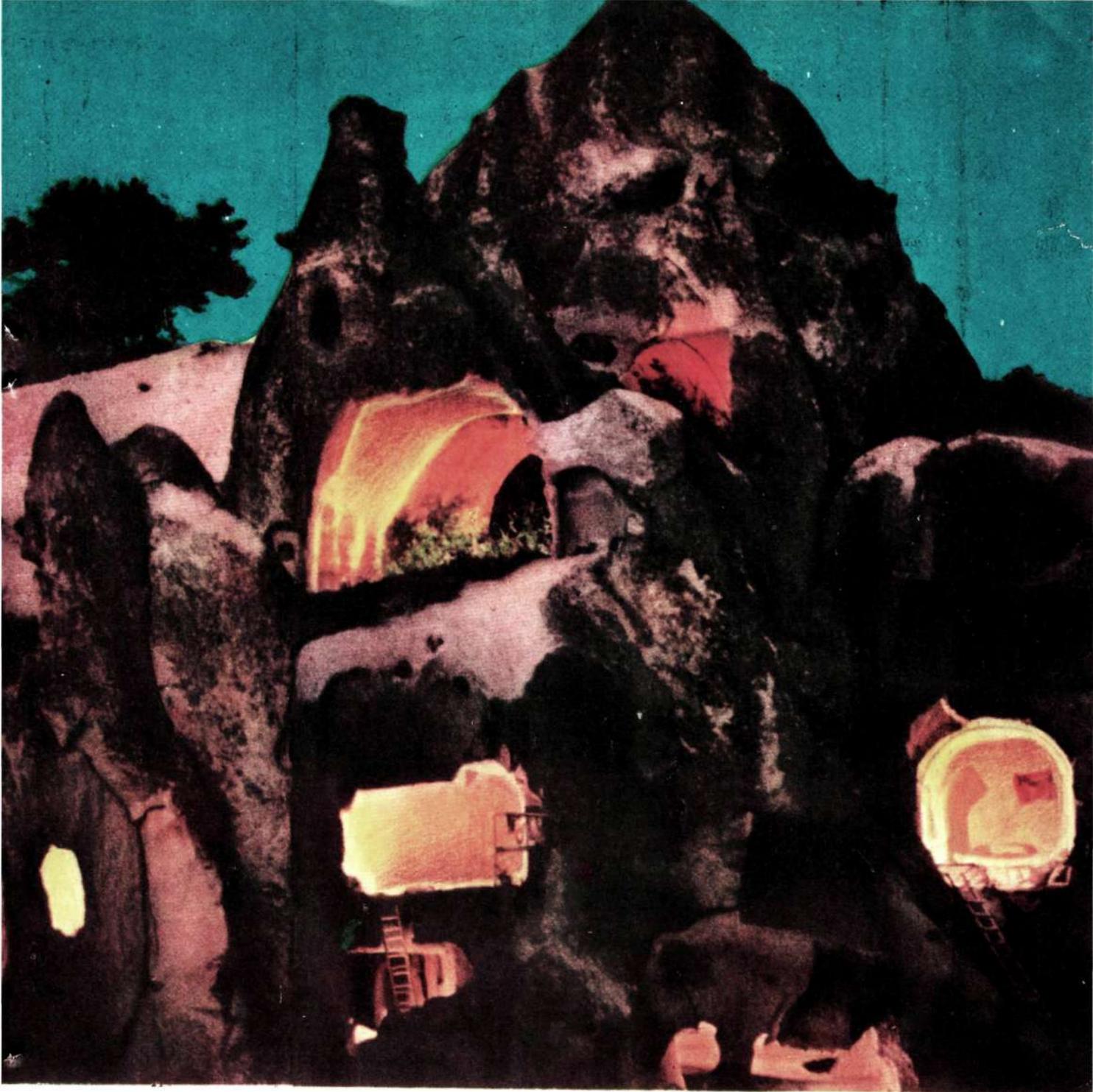
Оглядевшись вокруг, Валеди увидел покосившийся столб с дощечкой-указателем, на которой стояло: «Учхисар».

Деревня Учхисар расположилась террасами у подножья конусообразных скал, и Валеди решил, что осмотр и подготовку общественного мнения начинать нужно с деревни, где, конечно, жителей больше, чем в пещерах, да и должна быть хоть какая-нибудь площадь, где можно собирать народ.

Однако Учхисар встретила Валеди равнодушии, даже собаки не залаяли.

«Вымерли все, что ли?» — подумал Валеди ч, толкнув первую же дверь, вошел в дом.

— Есть кто-нибудь здесь? — спросил он, тщет-

но вглядываясь в прохладный сумрак едва освещенной комнаты.

— Есть, слава аллаху, — раздался старческий голос, и Валеди заметил светлячок самокрутки в дальнем углу. — Что ты хочешь?

Глаза Валеди постепенно привыкли к полумраку, и он разглядел старика в очках, который, опираясь на крючковатую палку, поднимался с ковровой подушки около очага.

— Я хотел бы поговорить со старостой деревни. Я из Анкары, владелец бюро путешествий, ме-

ня зовут Валеди. Я хочу приобрести участок в вашей деревне.

— Староста в поле, бей-эффенди. Кто летом днем дома сидит? Только такие старики, как я, да еще когда джюма¹, слава аллаху.

Деревня поразила Валеди своей бедностью: маленькие, сложенные из камня домишки с единственным подслеповатым окном, залатанные тюфяки, развешанные на солнце.

¹ Джюма - пятница (турец.). — Прим. ред.

Подошедший староста был вежлив, но несговорчив.

— Никто, эффенди, сейчас не будет с вами разговаривать. Сейчас день год кормит, — отговаривался он, нетерпеливо поглядывая вниз, где у дороги ждала его лошадь, запряженная в соху. — Подождите до вечера, бей-эффенди, тогда все охотно придут...

Не дай аллах вызвать у этих мужланов неудовольствие! Договорившись со старостой, что к заходу солнца все соберутся на деревенской площади, Валеди направился к пещерам.

Чертыхаясь и отплеываясь, кое-как вскарабкался он по камням и выбоинам в стене ко входу в одну из пещер и заглянул внутрь. Низкий закопченный потолок, грубый каменный очаг, вязанки хвороста в углу, несколько старых ковров на полу, в каменных нишах — нехитрая утварь. Свет в пещеру проникал через маленькое окно и дверь. Было сумрачно и прохладно.

Неожиданно Валеди услышал над головой звонкие удары и, выглянув, увидел, что над той пещерой, где он находился, на «втором этаже», работал человек. Пришлось снова карабкаться наверх, прижимаясь к стене. В последний момент Валеди чуть не сорвался, но чья-то железная рука успела схватить его за ворот. В следующий миг он очутился на каменной площадке.

Первое, что увидел перед собой, — обсыпанное каменной пылью лицо и рассерженные глаза.

— Если не хочешь сломать себе шею, выбирай место подалеже от моего дома!

— Позвольте представиться, бей-эффенди. Я из Анкары, — пробормотал еще не оправившийся от пережитого испуга Дэве. — Я хотел бы побеседовать... Все в поле... Я услышал, что кто-то здесь работает, и решил подняться...

— Из столицы? А я — Демиркол, недавно вернулся домой из Бельгии. О чем бы вы хотели побеседовать, эффенди?

— Видите ли, — Валеди вынул портсигар и предложил Демирколу сигарету. Оба задыхались. — Видите ли, я владелец небольшого бюро путешествий, и мне хотелось бы, чтобы туристские тропы пролегали через этот край, — привычно заговорил Валеди словами рекламного проспекта, — чтобы люди со всех концов земли познакомились с историческими памятниками нашей родины и увидели, как живет наш народ. Я...

Но в этот момент Демиркол решительно перебил его:

— На что они будут смотреть? На то, как нам негде жить и мы вырубам себе дома в скалах? Или на то, что нам нечего есть, и, чтобы прокормиться, мы от зари до зари гнем спину в долине, а наши жены тратят по два года, чтобы выткать ковер и получить за него гроши на рынке в Ургюпе? Вы сначала посмотрите, как мы живем, Валеди-бей, может, вам и не понадобится беседовать с нами. Вон старуха Килыч возвращается из Ургюпа. Все ее имущество уместится на одном ишаке, а ведь она прожила долгую жизнь. А я? Три года в бельгийской шахте — разве с хорошей жизни я туда поехал? А когда мы потребовали одинаковой с бельгийцами зарплаты, нас выслали из страны как нежелательных иностранцев. Теперь здесь придется целый год махать кайлом, пока вырубешь себе угол...

— Скажите, а в монастыре живут? — спросил Валеди.

Демиркол улыбнулся.

— Мусульманину жить в келье христианского монаха? Вы бы сами стали? Нет. А вот мы живем. Все пригодные для жилья пещеры давно уже заняты, кроме церквей, конечно.

— А много здесь церквей?

— Сколько дней в году, столько и церквей.

— Неужели триста шестьдесят пять? Вай-да-да! Я успею посмотреть их, пока люди в поле? Как мне добраться побыстрее?

— Вон, слева, видите большой конус? Это Каранлы-Килыш — Темная церковь, а еще левее — Эльмали-Кильин — Яблочная церковь. Вот здесь, по тропинке...

...Вход в церковь чернел провалом. Валеди направил луч карманного фонаря на стену и вздрогнул — на него в упор смотрели глаза белобородого старца. «Апостол Петр», — определил Валеди.

Стены были сплошь покрыты изображениями святых. В сухой прохладе они сохранили первоизданную чистоту красок. Монахи писали лики и фигуры прямо по пористой поверхности туфового камня, и краска навечно вьедлась в поры. Лишь кое-где лица святых были иссечены резкими прямыми полосами — следы сабель фанатиков сельджуков. Следы сабельных ударов покрывали и колонны, вырубленные из того же розоватого туфа.

Кое-где поверх ликов красовались автографы любителей увековечивать свои имена. Под одним стояла дата: «1650. А. Д.» — 1650-й год нашей эры.

Остаток дня прошел незаметно. Когда Валеди пришел на площадь Учхисара, его уже ждали, и как только стало известно, кто такой Валеди и зачем он приехал, на него посыпался град вопросов. Будут ли проводить электричество? Исправят ли дорогу? Что может сделать фирма Валеди, чтобы в Учхисаре стало лучше жить? А уже задано: какая цена ожидается на пшеницу?

Что-то, а обещания давать было для Валеди не в новинку. При этом, однако, он был осмотрителен и настолько осторожен, чтобы все выглядело достаточно правдоподобно.

Когда стемнело, Мехмет Кутлук, староста деревни, пригласил господина Валеди к себе. Жил он в одной из пещер, неподалеку от того места, где Мустафа Демиркол вырубал себе жилище.

Дневной жар спал, окна и входы пещеры светились изнутри, придавая поселку какой-то сказочный вид.

Разувшись у входа, Валеди вошел и тут же закашлялся. Пещера была полна дыма. Ему перехватило дыхание, дым ел глаза. Около сложенного из камней очага жена Мехмета раскатывала тесто. Несколько горячих бёреков — лепешек уже лежало на деревянной тарелке, рядом стояла миска с жидким супом и кувшинчик с пекмезом — соусом. «Тут и на одного-то маловато, — подумал проголодавшийся Валеди, — а нас трое».

На ночь можно было улечься в машине на мягком сиденье, но Дэве побоялся обидеть старосту: закон гостеприимства требовал, чтобы гость переспал в доме.

До глубокой ночи столичный гость не мог уснуть, ворочаясь на жестком тюфяке, кляня себя, свою судьбу и нищету пещерных жителей, способную отпугнуть туристов...

¹ Вай-дада — выражение крайнего удивления (турец.).
Прим. ред.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЛЮДИ ДЖУНГЛЕЙ

Их называют «тхак-тхе» — «лесные люди». И, как говорят, обитают они на склонах хребта Чыонгшон в Среднем и Нижнем Лаосе. Видели их и во Вьетнаме.

Мне неоднократно приходилось во время пребывания в разных районах Индокитая слышать о них от самых разных людей — ученых, крестьян, охотников. Вот лишь некоторые из этих сообщений.

...Директор института истории ДРВ Чан Хуэй Льеу: «В лесных и высокогорных местностях Тай-Нгуена, судя по рассказам тамошних жителей, есть человекоподобные животные, которых называют «ань-нак-тань» или «зохатъ»... В 1944-м в горах района Тай-Нгуен на территории общины Едорон уезда Мадорат один юноша убил из арбалета стрелой «ань-нак-таня», когда тот спускался к ручью за крабами и водорослями. Будучи смертельно раненым, «ань-лак-тань» все же пытался скрыться в находящейся поблизости пещере. Когда нашли его труп, оказалось, что это существо женского пола, сильно обволащенное, небольшого роста...»

...Уилфред Бэрчетт, австралийский журналист: «Мой проводник рассказывал, что однажды в 1949 году увидел в горах Нгуена группу человекообразных существ. Одно такое существо мужского пола удалось поймать. Тело этого существа покрывали густые черные волосы; он издавал щебечущие звуки, не напоминающие человеческую речь, ел только сырое мясо, речных крабов и листья пальм, очень боялся людей. Его решили отпустить, но он неожиданно умер».

...Кхамфас Фанеко, лаосский этнограф: «На юге, в районе Саравана, где я часто бываю, местные жители говорят, что в джунглях можно натолкнуться на «лесных людей», «тхак-тхе». Я не вижу в этих сообщениях ничего невероятного, ибо в отдаленных рай-

онах нашей страны есть немало племен, живущих в полной изоляции от внешнего мира в условиях первобытного общества. Что же касается «тхак-тхе», то они, насколько мне известно, не могут говорить и переключаются между собой нечленораздельными звуками. Тело у них покрыто волосами. Рост невелик: примерно как у десяти-двенадцатилетнего подростка. Они любят лакомиться речными крабами. Людей старательно избегают. Бродят очень небольшими группами, и вообще численность их, судя по всему, крайне мала...

Судя по рассказам очевидцев, район обитания «тхак-тхе» охватывает горную местность к югу от плато Боловен».

...Чоунламан Утама, лаосский крестьянин: «Эти существа встречаются изредка в джунглях южнее плато Боловен. Членораздельной речи у них нет. Переговариваются криками. Тело покрыто шерстью. Роста маленького. Чаще всего их видят около водоемов и ручьев».

Часть этих сведений была опубликована в лаосской печати, некоторые рассказы я слышал сам. И, не стовариваясь, очевидцы рисуют один и тот же словесный портрет «лесных людей». Но кто они, эти «тхак-тхе»? Люди, не перешагнувшие порога древнего палеолита или человекообразные прямоходящие обезьяны неизвестного еще науке вида? Ответа на эти вопросы пока нет.

И. АНДРОНОВ

СУДЬБА «ПАВЛИНЬЕГО ТРОНА»

Как повествует летописец, однажды могущественному Шах-Джехану, правителю из династии Великих Моголов, правившему в Индии в середине XVII века, пришла в голову мысль, что огромное количество редких драгоценностей, имевшихся в его сокровищнице, лучше всего использовать на сооружение трона, на котором он восседал бы в ослепительном сиянии. По высочайшему повелению к работе были привлечены лучшие умельцы.

Спустя семь лет трон был готов. Его покрыли эмалью и бриллиантами, густо усыпали сапфирами, изумрудами, агатами. Поддерживали трон двенадцать опор из изумрудов. Над спинкой находились изображения двух украшенных драгоценностями павлинов, а между ними — дерево с листьями из рубинов, бриллиантов, изумру-

дов и жемчуга. Спинку украшал огромный бриллиант, подаренный предшественнику Шах-Джехану. По словам французского ювелира Тавернье, которому довелось осмотреть трон в середине XVII века, он стоит не менее миллиона фунтов стерлингов.

Спустя почти столетие могущественный правитель персов Надир-Шах захватил Кабул — административный центр провинции империи Моголов — и направил главе Моголов в Индии Мохаммед-Шаху ультиматум, в котором были слова: «Я пришел, чтобы взять также из Индии в Персию известный трон Моголов».

Возмущенный Мохаммед-Шах отказался удовлетворить это требование и направил Надир-Шаху оскорбительный ответ. Через несколько недель на пенджабской равнине произошло сражение, из которого победителями вышли персы. Первым условием примирения Надир-Шах поставил передачу ему «павлиньего трона».

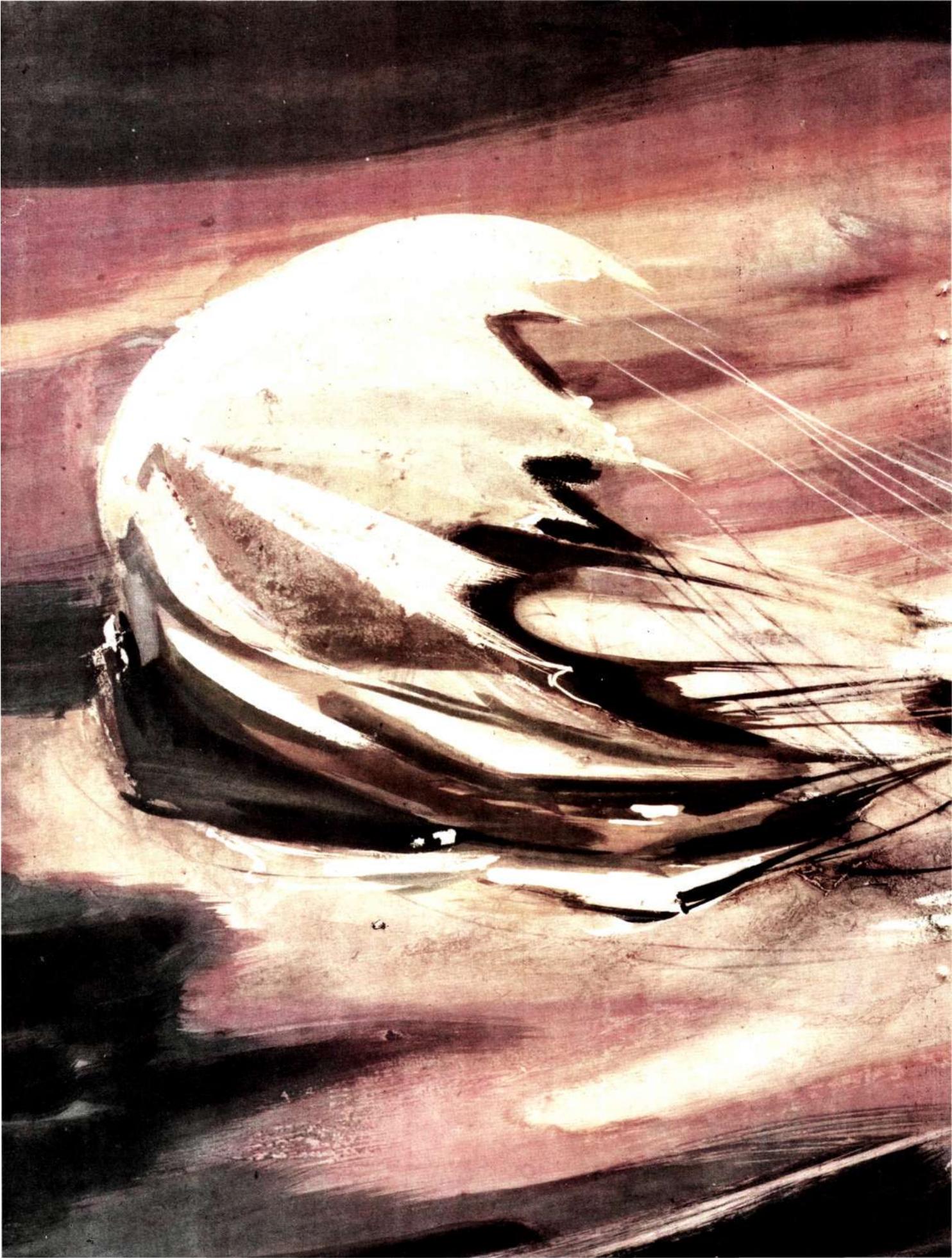
Трон в числе других сокровищ достался Надир-Шаху и оставался у него вплоть до гибели в схватке с курдами. После этого по одним свидетельствам трон был разбит победителями на куски.

Но другие летописи сообщали, что курды захватили и разбили не «павлиний трон», а его искусную имитацию. Оригинал же остался нетронутым. И именно он в конце XVIII века попал в руки англичан, которые решили переправить его в Лондон с первым попутным судном. В строжайшей тайне трон был доставлен в Бомбей, где его перевезли на парусник «Гроусвинер», который на следующий день покинул порт. В конце июня 1782 года «Гроусвинер», на борту которого находились и другие сокровища, награбленные англичанами в Индии, благополучно достиг цейлонского порта Тирикунамала, а затем взял курс на Англию. Однако у скалистых берегов Восточной Африки судно попало в шторм и затонуло.

До настоящего времени было предпринято 16 попыток достать затонувшие сокровища, но все они оказались неудачными. Все же надежда поднять со дна моря одно из величайших сокровищ Востока не оставляет археологов-подводников.

...Правда, многие историки утверждают, что «павлиний трон», похищенный англичанами, тоже был копией, изготовленной из остатков разбитой курдами подделки.

В. ОСИПОВ

В ходе войны гитлеровские воздушные силы были буквально уничтожены советской авиацией. Из всех самолетов, потерянных фашистами, три четверти уничтожили советские летчики. Но был первый день — день вероломного нападения — 22 июня 1941 года...

В этот день фашисты совершили массированные налеты на 66 аэродромов наших приграничных округов. Геббельсовская пропаганда раззвонила на весь мир о якобы полном уничтожении советской авиации. И надо было доказать всему миру — и доказать убедительно! — что это ложь, что наша авиация способна наносить сокрушительные удары.

То, что описано в этом очерке, произошло в семь часов утра второго дня войны...

Я знал об этом боевом вылете давно. Знал о тех, кто участвовал в нем, — трех молодых тогда, отчаянно смелых комсомольцах. Я даже пытался описать этот вылет, но все время ощущал, что мне не хватает каких-то точных, очень достоверных подробностей, которые не хотелось «сочинять», да, на мой взгляд, и не следовало этого делать. Так у меня завязалась переписка с участником того боевого вылета штурманом И. И. Левинсоном...

**ВЛАДИМИР
БУЛДАКОВСКИЙ**

Письмо
из
41
го
года

Владимир Прохорович!
Вы просите, чтобы я сообщил подробности нашего плавания и вообще все, что я помню об этом случае и об остальных членах экипажа... Последующие годы были характерны многими эпизо-

Рисунок А. ГУСЕВА

дамы, которые неизбежно следуют за боевыми вылетами самолетов, особенно в минно-торпедной авиации. Но этот случай остался в памяти до мельчайших подробностей и не изглаживается даже десятилетиями. Видимо, только боевая молодость и потрясения переживания оставляют такой след.

Я не знаю, как это получится у меня в письме. Много легче было бы мне это сделать в непридуманном разговоре. Однако попробую.

Это было в самом начале Великой Отечественной войны. Когда не был еще приобретен достаточный опыт ведения боевых действий, а летчики не имели навыков вождения самолетов над вражескими объектами в условиях интенсивной противовоздушной обороны. Это было то время, когда каждый наш человек и мысленно и действительно перерождался в бойца, еще, быть может, полностью не осознающего, каким тяжелейшим бременем ляжет война именно на его плечи.

Ровно в 7.00 утра 23 июня 41-го года эскадрилья бомбардировщиков ИЛ-4 взлетела с аэродрома Владиславовка с заданием разбомбить склады горючего и фашистские корабли, сосредоточившиеся в порту Констанцы. Нага самолет (хвостовой №3) — я был на нем штурманом — был правым замыкающим в правом звене, которое вел капитан Скориков. Мы несли в локах по десять стоклограммовых бомб. Был ясный солнечный день...»

Далеко внизу в голубой дымке проплыл Симферополь, эскадрилья миновала мыс Лукулл, и теперь внизу расстилалась сияющая поверхность Черного моря. Вскоре показался берег. С каждой секундой он принимал все более четкие очертания, темнел, как бы проявлялся. Справа хорошо был виден огромный золотистый пляж, усеянный человеческими фигурками. Этот берег жил еще мирной жизнью, враг, видно, не ожидал так скоро советской авиации. Впереди на земле курс эскадрильи пересекло полотно железной дороги, а слева виднелась огромная бухта — военный порт. У причалов стояли пришвартованные корабли и транспорты. За бухтой лежал город, а левее бухты — основная цель эскадрильи: замаскированные, но все же отчетливо блестящие под солнцем круглые

пятаки огромных резервуаров с горючим.

Враг молчал, хотя эскадрилья должна была быть хорошо видна в синеве летнего неба, она шла всего на высоте 6 тысяч метров.

Эскадрилья развернулась над сушей. Теперь цель оставалась слева и сзади. Еще перед вылетом был разработан именно такой прием: на цель выходить с суши, чтобы, отбомбившись, не меняя курса, уходить в сторону моря, к своим берегам, чтобы самое минимальное время находиться под огнем противника.

Первыми открыли огонь корабельные зенитки, его подхватили береговые батареи, потом забухали тяжелые зенитные орудия, опоясывавшие город. Взрывы рядов завихрились вокруг эскадрильи, развертывающейся влево для выхода на боевой курс. Огонь усиливался, перешел в шквал. У самолета с хвостовым номером «три» было самое невыгодное положение в строю: его путь был самым длинным по курсу и ему надлежало дольше других самолетов идти под огнем. Рука штурмана уже лежала на кнопке бомбосбрасывателя. Бомболюки открыты. Цель медленно приближалась к перекрестью прицела. Ни пилот Юр, ни штурман Левинсон не заметили, что огонь зениток прекратился.

— Под нами истребители! — крикнул из своей кабины стрелок-радист Кузнецов.

И почти одновременно сзади раздалась первая пулеметная очередь. Застучал и пулемет Кузнецова. Самолет качнулся влево, а в прицеле штурмана все покатило вправо, и он крикнул пилоту:

— Вправо, Вася! Правее!

И. ЛЕВИНСОН: «Я отчетливо помню, как он почему-то ответил мне: «Нь кричи так сильно».

Пилот отвернул чуть правее. В прицеле штурмана все покатило влево, и цель поползла к вертикальной черте прицела. Пули щелкали по фюзеляжу и плоскостям, оставляя черные точки пробоин.

Пулемет Кузнецова продолжал строчить, но ни пилот, ни штурман не видели, с кем он ведет бой: их внимание целиком захватили последние секунды боевого курса.

— Даю! — услышал Юр голос штурмана откуда-то издадека, глухой и неясный.

— Давай, — ответил пилот

штурману, но сам не услышал своего голоса. А может быть, он и не ответил, а только подумал так, но это все равно что ответить.

Левинсон нажал кнопку бомбосбрасывателя. Из люков выпали 10 длинных бомб. Несколько мгновений они летели параллельно самолету, с одинаковой скоростью, затем наклонились и, убывая свое падение, скрылись из глаз. Бомбардировщик качнулся, как бы подпрыгнул вверх, но Юр сразу же удержал его на рулях...

И. ЛЕВИНСОН: «В последний раз ткнулся я в резиновое кольцо окуляра оптического прицела и уже через плексигласовый фонарь возбужденно глядел на огненные вспышки взрывов».

Впереди на большой скорости уходила отбомбившаяся эскадрилья, а внизу полыхали взрывы, взлетали обломки, багрово-красное пламя вперемишку с густым черным дымом огромным столбом взметнулось к небу, огненной лавой упало назад, вниз, разрастаясь сплошным костром. Огненным морем запыхали склады горючего, забушевал пламенем порт.

Юр прилагал все усилия, чтобы не отстать от эскадрильи, уходящей из зоны поражения, но к «тройке» уже привязалась стая «мессершмиттов».

Бой одного бомбардировщика с целой стайей истребителей ничего хорошего не сулит. Бомбардировщик — машина тяжелая, не такая уж быстроходная и поворотливая и представляет собою прекрасную цель для истребителя, самолета маленького, быстрого и юркого. Вести бой одному против эскадрильи «мессеров» было немыслимо. Здесь не выиграешь ни на технике пилотирования, ни на хладнокровии. А избежать боя было невозможно: «мессершмитты» обстреливали бомбардировщик с хвоста, и пулемет радиста Кузнецова строчил без перерыва, но он один не мог отбить атаки целой эскадрильи истребителей, а в зону огня пулемета штурмана «мессеры» не входили.

И. ЛЕВИНСОН: «В это время самолет резко затрясло. Раздалось что-то вроде треска, и передо мной из-под нашего самолета вверх взмыл истребитель. Он очень хорошо уложился в кольцо прицела пулемета, и я нажал на спусковой крючок своего «шка-

са». Раздалась непривычно длинная пулеметная очередь. Истребитель задымил и, оставляя густой черный шлейф, резко и почти вертикально пошел вниз. Дальше наблюдать за ним не было возможности, так как нужно было следить за воздухом».

Это была очень удачная и быстрая победа. Остальные истребители рассыпались в стороны, и только один не отставал от «тройки». Он кинулся в сторону, отлетел далеко, свечкой взлетел вверх, развернулся и, открыв бешеный огонь, сверху вниз помчался в новую атаку. Пули зашелкали по бомбардировщику, прошли по кабине летчика, хлестнули по приборам. Брызнули осколки стекол. Юр пригнул голову к коленям.

Бомбардировщик качнулся. Очередь врага была не смертельной для бомбардировщика, но достаточно точной: пули повредили приборы, вывели из строя правый элерон, прошлись по фюзеляжу, по хвостовому оперению. Самолет кинуло влево, накренило. Не успел Юр справиться с опасным креном, как новая очередь прошла конец правой плоскости, и он, точно срезанный гигантской бритвой, отвалился, повиснув на нижней обшивке.

Самолет еще слушался рулей, и Юр, „спасая бомбардировщик от пулеметных очередей, бросал его из стороны в сторону. Подраненный самолет маневрировал тяжело. Он сбавил скорость, все больше отставая от эскадрильи, и со снижением шел к морю. Видя легкую поживу, «мессершмитты» накнулись на одинокий самолет, ведя поочередно атаку с хвоста. Но больше всех досаждал этот нахальный ас.

И. ЛЕВИНСОН: «Я отчетливо помню его вытянутое лицо с усами и правую руку без перчатки на баранке. Все это было видно очень хорошо, так как истребитель прошел левее нас с большим правым креном и почти рядом...»

Резко отвернув в сторону, ас пошел в новую атаку с хвоста. Фашист попался опытный. Одну за другой он выделывал фигуры высшего пилотажа, умело выходил из-под обстрела, удачно выбирал позиции и снова атаковал израненный самолет, нападая на него снизу, сверху, сбоку. Ас не рисковал, не лез в атаку очертя голову, а выбирал позиции наиме-

нее опасные для себя, пулеметным огнем разрушая самолет. Конец правой плоскости отвалился совсем. От новой очереди что-то треснуло в левом моторе. Машина повалилась на левую плоскость, теряя высоту, завирала влево.

— Левый мотор заклинило! — доложил пилоту штурман.

— Знаю, — ответил Юр.

А «мессер» уже заходил в хвост израненного бомбардировщика. Это самое опасное положение: назад стрелять нельзя, мешают свои же рули. Сзади машина беззащитна. Единственный выход из такого положения — резко отвернуть в сторону, сбить прицел врага и самому перейти в нападение. Но израненный бомбардировщик был неспособен на это. Уцелевший альтиметр показывал триста метров высоты и продолжал, фиксировать падение.

«Мессершмитт» нагнал полуразрушенный самолет и подошел почти к самым его рулям. Он не открывал огня, ас был вполне уверен, что бомбардировщик не уйдет от него и не сможет защищаться. Остальные «мессеры» кружили над местом неравного поединка, тоже не открывая огня, вероятно из опасений подбить своего. Фашист притерся к самым рулям гибнущего самолета. Теперь он мог поклониться с бомбардировщиком в любую секунду — одной пулеметной очередью. Или с ним вообще можно ничего не делать, он и сам сейчас плюхнет в море, без посторонней помощи. Его минуты сочтены...

Фашист не открывал огня, наслаждаясь своей победой, наблюдая агонию гибнущего бомбардировщика. Он шел со скоростью бомбардировщика на расстоянии всего трех-четыре метров от него, и теперь уже стрелок-радист Кузнецов отлично видел улыбающееся лицо пилота с закрученными вверх черными усами. Этот усатый, вероятно, отлично знал систему и вооружение бомбардировщика. При атаках он так умело держал свой истребитель вне сектора обстрела пулемета штурмана и радиста, так точно рассчитывал радиус действия огня бомбардировщика, что сам не входил в него. И даже теперь он отлично знал, что сам остается неуязвимым: стрелок-радист не может стрелять в него, ему мешают свои же рули. Дать пулеметную очередь по нему — это все равно что пустить пулю себе в лоб. Встретившись глаза-

ми со взглядом Кузнецова, фашист поднял над штурвалом руку и, опустив большой палец вниз, показывал на море...

Кузнецов был вне себя. Больше всего его злило то, что этот фашист по своему желанию может открыть огонь или не открывать. Но Юр ничего больше не мог сделать. Истерзанный бомбардировщик был неспособен на какой-либо маневр. Кренясь на одно крыло, он все снижался к волнам, и Юр прилагал все усилия, чтобы только удержать его в воздухе...

— Ты понимаешь, командир! — кричал Кузнецов. — Этот гад пальцем вниз показывает... Смеется...

И вдруг он услышал твердый голос лейтенанта:

— Сбей его!

— Через рули? Но ведь это...

— Я тебе приказываю: сбей его!

Или асу надоела эта игра, или он увидел, как Кузнецов отвернул турель назад, но фашист открыл огонь. Пули огненной струей вонзались в погибающий самолет, прошивая его от хвоста до моторов.

— Бью! — крикнул Кузнецов.

Пули пробивали хвост, стабилизатор и рули своего же самолета...

«Мессершмитт» качнулся...

И. ЛЕВИНСОН: «Помню, как Кузнецов закричал: «Товарищ, лейтенант! Он перевернулся! Он падает!.. Он горит!» И ответ: «Молодец!»

До воды оставалось меньше семидесяти метров.

— Подготовить лодку! — приказал Юр. — Поднадуть пояса!

А до воды уже 30 метров; через несколько секунд — 20, потом 10, 5...

И. ЛЕВИНСОН: «Я глядывался в водную равнину, но на всей акватории по нашему пути не было ни единой точки...»

Юр выключил мотор. Через мгновение продырявленный как решето бомбардировщик упал на воду. Через щели и многочисленные пробоины в самолет хлынула вода. Три летчика выпрыгнули в море. Волны мгновенно накрыли их с головой, но спасательные пояса выкинули их на поверхность, и они поплыли в стороны от захлебывающегося самолета. Покинутый бомбардировщик бурлил вбираемой в себя

водой, начал оседать, качнулся, задрал над волнами хвост и, мелькнув в воздухе большой желтой тройкой, с шумом ушел на дно...

Штурман и радист держали свернутый тюк резиновой лодки, стараясь ее развернуть, а волны вырывали из их рук тяжелый тюк. Но еще хуже было командир. Волны отнесли его в сторону. Не умея плавать, в намокшем меховом комбинезоне, Юр с трудом держался на воде, пытаясь двигаться на голоса товарищей, звавших его. Оставив лодку и помочь ему было нельзя: свернутый тюк камнем ушел бы на дно... Наконец подгреб и Юр. Он был бледен, у него начинался приступ морской болезни. Чтобы его вновь не унесло в море, друзья поясами ляжками надувного пояса привязали Юра и привязались сами к веревке, прикрепленной по периметру лодки. Сюда же штурман привязал и свой парашют. Теперь на воде стало держаться легче.

Левинсон достал мех для накачивания лодки воздухом...

И. ЛЕВИНСОН: «Попробуйте представить себе, как все это происходило, если волны, перекачиваясь через голову, все время разбрасывали нас... Поэтому не удивительно, что с первым «вздохом» мех втянул в себя вместо воздуха воду и больше, кроме вреда, нам принести ничего не мог. Далее выдернулся шланг, предназначенный для надувания, и мы вообще остались плавать наедине с ненадутой лодкой. До темноты мы надували лодку, буквально выдавливая из своих легких ту порцию живительного воздуха, которая оставалась у нас после захлебывания.

Когда резиновый баллон лодки чуть-чуть наполнился воздухом (и водой) мы с трудом подвели его под командира экипажа. Всем нам сразу стало легче: борта поднялись над водой и сидящему в лодке удобнее было ее надувать...»

Стемнело, когда летчики надули лодку и влезли в нее. Далеко на горизонте стояло багровое зарево все еще пылающего фашистского порта и складов горючего... Левинсон выбросил плавучий якорь, привязав к лодке парашют. А тело коченело все больше, холодила прилипшая к нему намокая одежда. Чтобы согреться, надо было что-то делать, двигаться, а штурман сидел на носу лодки и разглядывал звезды.

Юр не вытерпел и спросил, думает ли что-нибудь штурман. Левинсон ответил, что думает. Тогда в разговор вмешался радист и спросил, куда штурман думает плыть. Штурман ответил, что надо плыть и плыть только домой, больше некуда. Он определил направление по звездам, и три летчика, затерянные среди моря, «легли на обратный курс». Гребли руками, погружая их по локоть в волны...

Наползавшие тучи закрыли все небо, подымался ветер.

И. ЛЕВИНСОН: «...Только к вечеру следующего дня ветер несколько стих. Однако дождя мы не дождались. Он прошел где-то за горизонтом, там, где сверкали молнии. Морская болезнь до боли очистила наши желудки. Неимоверно хотелось пить. Все тело щемило от соленой воды. Губы и десны вздулись до того, что невозможно было разговаривать. Так прошла еще одна ночь. На третьи сутки, утром...»

Точка, появившаяся в небе, быстро росла, приближалась, и через несколько секунд сомнений не было — самолет. Он летел от советских берегов на высоте 300—400 метров. Свой или?..

Юр приказал экипажу оставить лодку и сам первый сполз за борт, погрузился по горло в воду и, держась руками за веревку, укрыв голову в тени борта. От тяжести тел лодка накренилась, один борт приподнялся вверх, тень от него увеличилась, надежно укрывая летчиков.

Вскоре ветер донес прерывистый звук мотора, «Юнкерс!» Он быстро приближался, но шел стороной и, кажется, мог пройти мимо. Но самолет неожиданно круто повернул и, снижаясь, пошел к лодке. Трое за бортом лодки еще крепче вцепились в веревку и погрузили головы в воду. Что, если «юнкере» даст по лодке очередь?! Просто так, на всякий случай, одну только очередь...

«Юнкере» прошел низко над лодкой. Летчики подняли из воды мокрые головы и, жадно дыша, с ненавистью смотрели вслед пролетевшей смерти. Вернется или нет?

«Юнкере» не вернулся. Он свернул в сторону и, забираясь ввысь, уходил на запад, становясь все меньше и меньше, и вскоре пропал из глаз.

Только теперь обессилевшие летчики, помогая друг другу,

взобрались в лодку, повалились на ее дно и в изнеможении долго лежали так, без движения, в полудреме, в полузабытии, и неуправляемая лодка одиноко качалась на волнах, то ли двигаясь куда-то, то ли нет, никто не знал...

И. ЛЕВИНСОН: «Руки вздулись оттого, что все время мы ими гребли, удерживая лодку на волне, и тогда родилась идея использования парашюта как паруса... Мы вытащили из воды парашют. Закрепили подвесную систему на носу лодки и выбросили мокрый купол на ветер. Подтягивая и перебирая все время верхние стропы, нам удалось удерживать купол над водой, не давая ему погаснуть. Лодка неслась к своим берегам с завидной скоростью, но перебирать стропы большими руками было истинной пыткой...»

К утру четвертых суток ветер изменился. Купол парашюта погас и лег на воду. Лодку начало относить в обратную сторону. Как парус парашют теперь был уже непригоден, и Левинсон вновь использовал его в качестве плавучего якоря. А экипажу лодки вновь пришлось грести руками...

И снова над морем поднялось солнце, и опять весь день три человека гребли руками, уже не похожими на человеческие руки, а на какие-то бесформенные, побелевшие от соли кровотокающие култышки. Уже непонятно было: движется ли лодка хоть в каком-нибудь направлении от слабых взмахов их рук или только покачивается на волне. Уже несогласованны были движения трех обессилевших людей. Даже руки не поднимались уже из воды. Только взмах в воде, снова наклон тела, снова взмах — и никакой уверенности в том, что каждый гребок приближает их к спасению и земле. Земля — суша, твердая суша,—она была только в памяти, в прошлом, и никакая сила воображения не смогла бы заставить каждого из них поверить, что он когда-нибудь ступит на нее... Только море было кругом. Кошунственно ярко освещенное солнцем, оно переливалось всеми цветами радости и торжества, оно играло бликами, подбрасывая и разбивая их на мелкие осколки света, оно жило и само было жизнью. Но жизнь эта была яркой и безразличной к трем людям, брошенным в него.

ЧАСОВЫЕ ЖИЗНИ

И. ЛЕВИНСОН: «Есть и пить теперь не хотелось... Сонное состояние полубытья обняло нас своим цепким безразличием. Даже самолеты, гудевшие всю эту ясную ночь, нас уже не волновали. А к утру наше состояние еще больше ухудшилось. Видимо, мы подходили к какому-то пределу человеческих возможностей...»

Это случилось днем... Прямо на нас летел морской разведчик

МБР-2. Не верилось... Сделав на малой высоте круг, самолет сел на воду и подрулил к нам. Застрявший в горле комок лишил нас даже стога. Оставшаяся в организме влага затуманила глаза. Двигаться мы уже не могли, но жизнь в нас еще теплилась... 102 забываемых часа были позади.

Я прекрасно помню, как царил борт самолета, стараясь по-

мочь стрелку-радисту втянуть меня в самолет... Я мог бы рассказать вам еще очень много подробностей, о которых здесь не написано. Но оставляю их на нашу встречу.

Искренне уважающий вас

И. Левинсон.

Р. С. Я люблю баловаться карандашами. Поэтому не особенно судите за то, что «древние» рисунки, сделанные мною по своим впечатлениям тех лет, вклеены в это письмо.

Июнь, 19/0 года».

ОТ АВТОРА:

В мае 1944 года в воздушном бою над Румынией погиб стрелок-радист сержант Кузнецов...

Командир «тройки» лейтенант Юр прошел всю войну. Но воевал он не в воздухе — на земле. После описанного полета ме-

дицинская комиссия запретила ему летать. И сразу после этого запрета и всю последующую жизнь Юр стремился летать. Ему это так и не удалось... Не довелось ему и дожить до наших дней, он умер в 1961 году.

Штурман «тройки» Левинсон тоже прошел всю войну. Сейчас он живет в Ленинграде.

Все трое Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 года награждены орденом Красного Знамени.

ЛОРЕНС ВАН ДЕР ПОСТ

Я СЛЫШАЛ КАЗАНИЯ БУШМЕНОВ

Лоренс ван дер Пост родился в Южной Африке в 1906 году. С детства его волновала трагическая судьба бушменов, красота их искусства — изумительная наскальная живопись, поэтические легенды и предания. Чувство вины перед народом, который безжалостно и бездумно истреблял его предки, порой толкает писателя к чрезмерной идеализации первобытного образа жизни бушменов. Но в своем творчестве он выступает решительным противником расизма и колониализма. Нравственный облик бушменов он противопоставляет циничной и расчетливой морали буржуазного «цивилизованного общества» с его «ужасающим ощущением отчуждения, изоляции, бессмысленности существования».

Я знал африканцев с детства. Я родился в Южной Африке в самом сердце страны бушменов. Моя старая няня была наполовину бушменка. Главными участниками моих детских игр были два крохотных старичка, которые чудом уцелели во время карательной экспедиции буров против последних бушменов Оранжевого Свободного государства. Возглавлял экспедицию мой дед. Все коренное население было уничтожено; мой дед привез в свое поместье двух малышей то ли ради забавы, то ли чтобы вырастить из них слуг. Когда я родился, мальчики были уже старичками, и влияние их на меня было огромным. После их смерти я был бе-

зутешен — я думал, что никогда уже не увижу ни одного маленького человечка, похожего на ребенка. Но чтобы утешить меня, мне тогда же сказали, что в пустыне Калахари еще остались бушмены, и я поклялся, что поеду туда, когда вырасту, чтобы просить у них прощения за зло, которое мы им причинили.

Мне удалось осуществить свое намерение только после второй мировой войны — я снова встретился с бушменами, которые живут в каменном веке. Я жил среди этих людей, записывал их легенды и предания, ел их пищу, спал с ними под одной крышей. Я собрал все, что было известно о бушменах, записал свои детские впечатления и воспомина-

ния и постарался воссоздать из всего этого материала общую картину их мироощущения.

То, что я понял, потрясло меня. Впервые я осознал свою кровную связь с землей Африки, где мои предки жили 300 лет. Теперь, когда я приобщился к тому, что воздух и земля Африки породили в воображении ее детей, я ощутил нечто совершенно мне дотоле неведомое; это новое ни в каком случае не погубило то, что было во мне от европейской культуры, — просто я почувствовал себя обновленным.

Каким был человек в далекие времена начала своей истории? Как он представлял себе мир? Этот вопрос очень важен, так как современный человек не пере-

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

стаёт спрашивать себя: что самое главное в жизни? По-видимому, примитивный — если это слово вообще можно употребить — человек хорошо это знал, настолько хорошо, что ему в голову не приходило задавать себе и другим подобный вопрос. Мы же привыкли спрашивать: «Чем занимается этот человек?» Как часто мы оцениваем людей, исходя из их профессии, не придавая значения духовным и душевным качествам.

Как выглядел бушмен? Маленького роста, мужчина-ребенок. Невиданный, неповторимый. Никогда до него не было таких людей и, по-видимому, никогда не будет. В урожайный год живот у него вырастал до размеров арбуза, ягодицы служили ему как горб верблюду — он запасал там жир, который расходовал в голодное время. Считается, что эти люди населяли всю Африку. Человек этот был художником: он любил скалы, любил долбить камень и рисовать, и когда-то Африка была одной большой галереей, сверкающей в лучах солнца.

Он был желтым, а не черным, как будто в нем соединились* не только ребенок и мужчина, но и черный и белый цвет кожи. Он был охотник. Он не возделывал поля, не разводил коров, овец или коз. Он просто вверял себя природе, как рыба вверяет себя воде. И природа была добрее к нему, чем цивилизация, ибо, где бы мы, белые, ни встретили его, мы его убивали.

Это просто не укладывается в голове — убивали, не потрудившись даже узнать, что он такое. Мы знали о нем с 1652 года, и мы уничижали его в Южной Африке, не изучив его представлений о мире, его язык, его самого. Пожалуй, никакую другую расу не отвергали и не презирали столь сильно, как эту.

Первый человек был удивительно близок к природе. Не было такого места, где бы он чувствовал себя чужим. У него не было — и нет, по моим наблюдениям, — этого ужасного ощущения отчуждения, изоляции, бессмысленности существования, которое так свойственно современному человеку на Западе. Куда бы он ни пошел, он был как у себя дома, и, более того, он чувствовал, что он свой. Мы сегодня убеждены, что у нас есть знание, мы — раса всезнаек. Но лишь немногие могут похвалиться, что они обладают тем

животворным ощущением, что они на своем месте. А этого маленького человека знали все вокруг: деревья, звери знали его, а он их, звезды знали его. Ощущение родства было столь велико, что он мог говорить о «нашем брате Грифе». Он поднимал голову к небу и обращался к бабушке — созвездию Пса, или дедушке — Сириусу. Потому что это были самые высокие титулы, которые он знал. Он не имел ни королей, ни предводителей. Он жил как равноправный член небольшой группы людей и не знал деления на нации. Самыми главными людьми для него были дедушка и бабушка.

Жизнь его была свободна от тирании цифр. Мы погружены в цифры, нас преследуют цифры, мы ведем счет жизни на цифры, называя себя при этом «обыкновенными людьми», наша жизнь складывается из статистики. Он, охотник, жил среди тридцати-сорока соплеменников, в группе, где все отношения были предельно четки, так же как и его связи с природой.

Его дух нашел наивысшее выражение в его преданиях. Он — замечательный рассказчик. Легенда — его самая священная принадлежность. Эти люди знают нечто такое, что не дано знать нам: без легенды нет нации, культуры, цивилизации. Без легенды нет прошлого, без прошлого нет настоящего.

Все легенды бушменов полны образов, своего рода иероглифов его души.

Однажды в пустыне мне удалось наблюдать следующее. Я отошел от костра и направился к ближайшему стойбищу бушменов. На полпути я увидел в свете звезд какую-то тень. Это была женщина. Она протягивала к звездам ребенка и что-то шептала. Я спросил у переводчика: «Что это означает?» — «Эта женщина просит звезду там, на небе, взять сердце этого ребенка и дать ему взамен сердце звезды», — последовал ответ. «Почему сердце звезды?» — «Потому что звезды — великие охотники, а она хочет, чтобы из ее мальчика вырос настоящий охотник».

К ветру бушмены тоже относятся с особым чувством близости и родства. Для них ветер — это ребенок; ребенок ложится на землю — поднимается ветер; ребенок начинает баловаться — ветер разошелся не на шутку, все кругом срывается с места и летит; и бог знает что надделало бы это

дитя-ветер, если бы у него не было отца, который построил ему дом, и матери, которая его туда водворила. Другими словами, если бы на свете не было родительской власти и любви, своеволие ребенка могло бы довести его до беды. Не трудно понять, почему ветер ассоциируется с маленьким ребенком и первыми проявлениями духа. Ведь ветер — это дыхание. Бушмены говорили, что когда дыхание человека останавливается и он умирает, это дыхание уносится ветром, который затем сгоняет облака в большие тучи, из которых пойдет дождь.

У бушменов есть не только ветер, который дует, но и ветер, который вьется по земле, а затем спиралью уходит в небо, чтобы прийти снова, — символ обновления.

У этого народа есть очень интересная легенда о человеке, который однажды убил страуса. Перед своим домом он уронил перо с капелькой крови. «Ну все, — подумал бушмен, — теперь вам, страусам, пришел конец». Но вдруг налетел один из этих вихрей, унес перо высоко-высоко и бросил у воды, где росли цветы и тростник. Через много дней это перышко с капелькой крови стало страусенком, который подрос и выбрался из воды на сушу. Здесь интересно то, что этот образ зарождения жизни всегда связан с водой и землей, поросшей тростником и цветами, и то, что хрупкое перышко с капелькой крови через спиралеобразное движение вихря и пребывание в воде снова становится жизнью.

Когда мы отправились в пустыню Калахари, мы взяли с собой бушмена, которого в Африке называют диким словом «прирученный». Это бушмен, который был пойман в детстве семьей африкандеров¹ и не умер в неволе. Он помнил свой язык, умел делать все, что бушмены делают на свободе, но это был совсем другой человек. Он был все время печален, выглядел больным. Но когда он оказался среди своих, а мы, европейцы, не только не презирали его, а горели нетерпением услышать все, что он мог рассказать, он сразу оживился, пел, танцевал — он снова обрел себя.

¹ Африкандеры, буры — потомки первых европейских колонистов в Южной Африке, главным образом голландцев. — *Прим. ред.*

Центральным героем бушменских легенд является страус. Я узнал об этом несколько странным образом: я заметил, что страусиха в пустыне Калахари откладывает яйца в гнезде в виде плотного кольца, но одно яйцо лежит неподалеку от гнезда. Это показалось мне странным, и я спросил Му, моего проводника: «Му, почему одно яйцо страуса всегда лежит около гнезда?» — «А ты не знаешь?» Он посмотрел на меня с упреком, как будто я не знал чего-то самого главного. «Нет, не знаю», — ответил я. Тогда он сказал, покачивая головой: «Ты, наверно, догадываешься, как тяжело самке страуса откладывать яйца. Она ведь так устала и ослабела, что ей нужно положить одно яйцо около гнезда, перед собой. Если она этого не сделает, то вообще забудет, зачем ей гнездо, встанет и уйдет». — «А почему она, скажи мне, стала так забывчива?» — «А вот послушай. Однажды человек заметил, что около гнезда страуса всегда стоит прекрасный запах, и он решил узнать, в чем дело. И он пошел к кусту, спрятался за ним и стал наблюдать за страусом. Вскоре он увидел, что страус поднимает крыло и оттуда появляется язык пламени. Страус готовит себе еду на этом огне — вот откуда этот чудесный запах. И этот бушмен-первооткрыватель подумал: «Мне тоже хочется иметь такой огонь, но как его добыть? И здесь в голову ему пришла замечательная идея. Он вспомнил, что в пустыне есть куст, даже скорее дерево, меренда, а на нем растет чудесная слива. Эту сливу любят все люди и животные пустыни. Итак, человек подошел к страусу и обратился к нему: «Я знаю, где растет чудесная меренда, пойдём, я тебя к ней отведу». Страус пошел с ним, скоро они нашли куст и сразу принялись есть сливу. Человек сказал страусу: «Не ешь плоды, которые растут низко. Выше они намного вкуснее». Страус послушался его. «Нет, ешь те, что растут на самой верхушке». И как только страус встал на цыпочки и слегка приподнял крылья, человек похитил огонь. Страус очень горевал тогда, и с тех пор он никогда не летает, потому что боится поднять крылья и потерять огонек, который у него еще остался».

Итак, и у бушменов огонь, то есть переход от тьмы к свету, есть нечто великое, и исходит он

от самой большой птицы пустыни — страуса.

Еще один важный образ — Луна.

Бушмены говорят, что когда-то давно Луна увидела, что люди очень боятся смерти. Тогда Луна обратилась к самому быстрому зверю, которого она знала, зайцу, и сказала ему: «Беги и скажи людям на Земле, чтобы они не боялись. Скажи им, пусть берут пример с меня — ведь я умираю и потом воскресаю, и они тоже будут умирать и воскресать». Заяц так торопился, что убежал прежде, чем понял, что ему нужно передать людям. Он спустился на Землю и сказал: «Луна сказала, что она умирает и воскресает, а вы, наоборот, умрете и не возродитесь вновь». Луна, услышав это, так разозлилась, что ударила зайца по губе. Вот почему у зайца до сих пор раздвоенная губа.

И наконец, о главном герое бушменов, исконных жителей Африки. Это Кабу, жук-богомол. Мне кажется просто чудом, что бушмены выбрали именно богомола для передачи идеи целостности, изменчивости, преобразования и возрождения. Ведь Африка была и остается самым крупным в мире заповедником диких животных. Только антилоп в Африке более 130 разновидностей! Ведь есть там и слон, и буйвол, и лев, и леопард. Чем плохие кандидаты в божества?! Но почему же выбран богомол, это малюсенькое насекомое? Мне этот выбор кажется мудрым, потому что в каком-то смысле затронут секрет всего живого: огромная роль малого, крошечного, едва видимого. Помните «огромный мир — в зерне песка» Блейка¹? Итак, бушмен выбрал богомола, потому что он понимал, что все началось с малого, из одной точки, чего-то имеющего положение, но лишенного сначала размера, величины, формы, веса — ведь в каком-то смысле богомол тоже начинается из ничего. Сначала — крошечное яичко, которое превращается в червя, а червь — в богомола, чудесного маленького богомола, который имеет крылья и может летать.

¹ Строфа из стихотворения английского поэта и художника Вильяма Блейка (1757—1827):

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.
Перевод С. Я. Маршак. — *Прим. пер.*

Еще одна важная вещь: у этого насекомого занятая головка, он похож на бушмена — у него высокие скулы, острый подбородок и глаза бушмена. Когда он сидит, он как бы молится, за что и получил свое имя — Богомол.

По бушменской легенде, когда-то давным-давно земля была залита большой водой; тогда-то и появился Богомол — его принесла на своих крыльях пчела — символ мудрости. Она летела и летела над водой, пытаясь отыскать клочок суши, чтобы посадить на нее Богомола. Пчела устала, поэтому летела все ниже и ниже над водой, наконец, потеряв последние силы, опустила свою ношу на цветок — так появился Богомол.

У него есть семья. Его жена Кауру — кролик-пищуха. Крольчиха — символ женского начала, близости к земле, ибо во всей Африке нет другого животного, так крепко стоящего на земле на своих длинных ногах. Она хорошая мать, дети у нее плодятся легко, она хорошо за ними присматривает, любит запастись продуктами, строить гнездо. Но в ее образе есть что-то грустное, потому что, несмотря на ее положительные качества, у нее не хватает воображения. Богомол делит с ней гнездо и воспитывает детей, но его сердечная привязанность отдана другой.

Это его приемная дочь — Дикобразиха. Она замужем за Кваммангой; это не животное и не насекомое, это Радуга. Радуга — это сознательный, критический аспект человека.

Согласно библии, радуга появилась на Земле после потопа, как знамение свыше. Богомол ведь тоже пережил наводнение, как Ной.

Итак, Квамманга-радуга женат на Дикобразихе, которая олицетворяет положительное начало. В бушменских легендах у нее та же роль, что у греческой Ариадны, золотая нить которой вывела Тесея из критских лабиринтов после того, как он победил Минотавра. Сам выбор дикобраза продиктован тем, что ни одно животное не движется в темноте с такой уверенностью и так бесшумно, как он. Дикобраз выходит из норы только ночью, и питается он не падалью, а растениями, которые шепчутся под лунным светом. У него большие блестящие черные глаза и очень сильное обоняние. Бушмены всегда говорят о дикобразе с ка

ким-то особым чувством. Этот образ представляет собой как бы интуицию Богомола. И так же как у Ариадны был отец Минос, который настаивал на том, чтобы все лучшие юноши Афин были принесены в жертву, у Дикобразихи тоже есть отец, имя которому — Пожиратель.

У Дикобразихи и Кваммангирадуги есть два сына. Один — милый, беззаботный. В случае опасности он прыгает в свою норку и прячется там. Второй сын, наоборот, выходит из своего дома, чтобы лицом к лицу встретиться с врагом. Вот вам самое общее и самое древнее разделение человечества на две категории — домоседов и исследователей.

Роль Богомола в бушменских легендах столь велика, что считается, что он дал всем вещам имена. Итак, сначала был Богомол, потом было слово. Бушмены говорят также, что Богомол дал всем вещам их окраску. Он дал каждой вещи цвет вместе с медом, — так он сделал сразу нечто мудрое и приятное. Самое главное в Богомолу — это любовь ко всему малому, крошечному. Эта идея проходит через все легенды.

Одна из самых чудесных историй — рассказ о том, как Богомол встретился с детенышем газели. Он пошел с ним в пустыню, нашел там мед, дал его газели, сказав: «Ешь, маленький!» — а сам спрятался в ямке. Вдруг свет закрыла какая-то огромная тень. Испуганный Богомол выполз из ямки и увидел огромного слона, который стоял прямо над ним. Слон съел маленькую газель. У индусов и вообще на Востоке слон — всегда символ силы и мудрости, но в Африке, где слон никогда не был приручен, он олицетворяет то же самое, что одноглазые титаны в легендах Древней Греции. И Богомол в ужасе понимает что малое отступает перед огромным. Он не может снести этого. Он поднимает с земли иглу дикобраза, прыгает в рот слону, колет его желудок иглой — и слон вырывает газель. Так Богомол спасает Малое от варварски Большого.

Интересна также бушменская легенда о том, как Богомол вел войну с бабуинами.

Однажды Богомол сказал своему юному сыну: «Сын мой, пойди в поле и срежь мне палочек; я сделаю из них стрелы и начну войну с бабуинами».

Что такое бабуины? Бушмены называют их «сидящие на своих пятках». Это олицетворение рациональности, устойчивости. Это животные как бы без интуиции, инстинкта. Это интеллектуалы, великие критики. Они любят смеяться над другими животными и не любят, когда смеются над ними. Они до такой степени развили свой разум, что эмоции их находятся в зачаточном состоянии, как у всех критиков. Они очень заняты собой и мало обращают внимания на чувства других, как все интеллектуалы. Они очень обидчивы.

А Богомол знает, что его сын — его будущее — должен прежде всего научиться побеждать в споре; и он посылает его на переговоры с бабуинами; переговоры — архаическое олицетворение войны. Бабуины видят юного Богомола в поле, им любопытно, что он там делает. Любопытство — это привилегия интеллектуалов, ленивых умников, в сущности, это их вклад в жизнь общества. Они обращаются к юному Богомолу со словами: «Поведай нам, дитя, что ты здесь делаешь?» И он отвечает со всей наивностью юности: «А я собираю здесь палочки по поручению моего отца, потому что он хочет вести войну с теми, которые сидят на пятках».

«Что! — вскричали бабуины. — Послушайте, что говорит этот ребенок! — И они позвали еще много-много бабуинов и снова обратились к юному Богомолу: — Скажи, что ты здесь делаешь?» И он повторяет: «Я собираю палочки, чтобы мой отец сделал из них стрелы и пошел войной против бабуинов». — «Что?!!» — снова закричали бабуины. И они бросаются на маленького Богомола и бьют его, бьют вместе, пока он не умирает; но странным образом: глаза его падают на землю.

Бабуины хватают глаза и начинают играть ими как мячом. Они играют до тех пор, пока между ними не начинается драка за глаза — символ видения, понимания мира.

А Богомол тем временем видит сон. Он видит во сне все, что происходит с его сыном. «Это уж слишком, — подумал он. — Они ведь так могут все погубить».

И он собирает все свои стрелы, складывает их в колчан, набрасывает на себя шкуру антилопы и несет ее во всю прыть на поле битвы так, что стрелы в его колчане д-р-р-рожат от ярости.

Он врывается в толпу бабуинов, но их слишком много. Богомол отнимает у них глаза и, почувствовав, что ему не справиться с такой тьмой врагов, говорит своему волшебному плащу: «Унеси меня отсюда». Он подлетает к озеру, где растут цветы и тростник, и кладет глаза в воду среди тростника. Потом он каждый день приходит на это место и наблюдает, как растет среди листьев нечто, что через определенное время становится маленьким Богомолу, целым и невредимым. И мой бушмен сказал: «Когда Богомол увидел свое дитя, он подошел к нему, совершил над ним помазание и нежно спросил его: «Почему ты боишься меня? Я — твой отец. Я пришел к тебе, и ты — мой сын. Я — Богомол. Я, чей сын ты есть, есть твой отец». Малыш ожил. Не так ли был найден в нильских камышах Моисей? Так передается в легендах бушменов идея возрождения.

А вот еще рассказ о Богомолу и прекрасной антилопе. Антилопа в представлении бушменов — самое красивое и благородное животное. Если им случилось убить антилопу, они всегда потом исполняли танец благодарности. Это сильное животное, но сила его скрыта и никому не угрожает. Это очень аккуратное животное с большим чувством долга по отношению к своей многочисленной семье. Во многих бушменских легендах Богомол любит сидеть у копыта антилопы, как бы говоря: «Все, что делает это животное, я считаю правильным».

И это очень важная деталь, потому что считается, что это животное имеет магическое копыто. Когда южноафриканская антилопа идет по песку пустыни, половинки копыт расходятся, и антилопа не проваливается в песок. Когда она поднимает ногу, половинки сходятся вместе со шелчком. И приближение антилопы в пустыне всегда можно узнать по легкому пощелкиванию: шелк-шелк-шелк, напоминающему электрический разряд.

И вот Богомол решает сотворить антилопу. Именно антилопу, как нечто большее, чем он сам, как культуру, цивилизацию. И он принимается за дело очень странным образом: он делает ее из сандалии. Это очень интересно, потому что бушмены — единственные люди в Африке, которые носили обувь, это было нечто вроде греческих сандалий. Он делает антилопу из сандалии, которую выбросила Квамманга-радуга, или персонаж, олицетворяющий его сознание. Это тоже интересный момент, потому что в Новом завете камень, которым пренебрегли строители, стал краеугольным камнем здания.

Богомол берет кусок кожи от этой сандалии и относит его к воде, где растут тростник и цветы. Он приходит к этому месту каждый день и следит за тем, что происходит с куском кожи. И глубоко-глубоко в воде постепенно появляется маленькая-маленькая антилопа, прекрасная, как мечта. И вот настал день, когда антилопа стала плескаться в воде, как бы желая выбраться на берег. Богомол поет для нее, и она выплывает на берег. Богомол натирает ее всю, ребра, кожу, голову, медом, то есть дает ей свою мудрость, чтобы сделать ее красивой и сильной. Через несколько дней она превращается в настоящую большую антилопу, выходит из воды, и земля колыхается у нее под ногами. Между тем семья Богомола, Кауру-крольчиха, Квамманга-радуга и все его дети все это время тайком наблюдали за антилопой, и, когда Богомол отлучается куда-то по своим делам, они ловят антилопу и убивают ее: убить зверя в понимании примитивного человека — это значит покорить его, установить свое превосходство, превосходство человека над природой.

Они убивают антилопу и съедают ее. Съесть — значит сделать своим до конца. Возвращается

Богомол. Сам факт убийства антилопы его не очень беспокоит, ему досадно, что он при этом не присутствовал, не сделал до конца своим собственное творение. Его горечь бесконечна, как горечь творца, потерявшего нечто такое, во что он вложил душу. Богомол здесь напоминает библейского Моисея, который привел свой народ на обетованную землю, куда ему самому войти не суждено. Все его чувства великолепно переданы в простых словах легенды: «Тогда Богомол остался один, все-все ушли домой, и Радуга и Крольчиха, — все ушли, а он был один там, где они убили антилопу, и только желчь ее осталась с ним».

Желчь — это единственное, что бушмены не едят. Другими словами, Богомол остался один на один со своим горем. И тогда он хочет уйти, но не может. Он не может уйти от своего горя-горечи, он должен что-то с ним сделать. Но что? И он говорит: «Я тебя проколую». А Горечь отвечает: «Попробуй только, Богомол, я тебя тогда покрою с ног до головы, и ты станешь слепым». Богомол не знает, что ему делать, он снова хочет уйти, и снова Горечь его не пускает. Тогда он все-таки прыгает на нее и протыкает ее — и желчь исполняет свою угрозу: теперь бедный Богомол слеп, он с ног до головы покрыт тьмой и горечью. Он пытается освободиться, шатается, и — о счастье! — его рука нащупывает перо — перо страуса. Это страус дал ему огонь. Он хватается перо и вытирает горечь с глаз своих. Вне себя от радости, он бросает перо в небо, приговаривая: «Перо, теперь ты должно осветить небо. Ты будешь луной. Ты будешь светить ночью и давать людям свет в темноте, пока не взойдет солнце и темнота не исчезнет совсем. Мужчины будут охотиться под луной. Ты будешь светить им, а потом ты будешь исчезать с восходом солнца».

Однажды я услышал легенду, в которой Богомол не принимает непосредственного участия. Это рассказ о Юноше и Льве. Вот она...

Однажды Юноша пошел на охоту. Вскоре он захотел пить и направился к источнику. Вдруг он почувствовал, что очень хочет спать. Желание спать должно было насторожить его, ибо, в понимании примитивного человека, это животные насылают сон на охотника, пытаясь защитить

себя от его стрел. Сон у них — это символ неприсутствия, неосознанного, как, впрочем, и у нас: как часто мы говорим кому-нибудь соню: «Вставай, а то все на свете проспай». Итак, Юноша уснул, перестал осознавать себя на пути к «воде жизни». Здесь-то его и повстречал Лев, который тоже шел на водопой. Почему именно Лев? Дело в том, что у каждого другого животного есть определенный отличительный признак и он ведет себя в народных преданиях в согласии со своей основной характеристикой. У Льва есть все сразу: острое зрение, тонкое обоняние, прекрасный слух, сила, ловкость. Лев — это символ цельности. И вот Лев находит спящего Юношу, он впиается в него зубами и думает, что он убил его. Он поднимает тело Юноши и несет его к дереву с острыми суками, а сам думает: «Я не могу есть одно мясо без воды, меня мучает жажда. Пойду-ка сначала напьюсь». Он кладет тело Юноши в развилку между ветками и идет за дюну, чтобы напиться.

Между тем Юноша не умер. Страдая от мучительной боли, он приоткрывает глаза и с ужасом видит, что Лев обернулся. Лев думает: «Что-то там неладно. Наверно, я плохо укрепил его на дереве».

И он возвращается, берет тело Юноши и с такой силой ударяет его о дерево, что, хотя Юноша не издает ни звука, а глаза его закрыты, слезы градом кажутся по его лицу. И здесь происходит нечто совершенно удивительное. Лев видит слезы и слизывает их с лица Юноши. Яркий пример возникновения чувства сострадания у примитивного человека. Обратите внимание на то, что Лев и Юноша, охотник и жертва, совсем не враги. Вот тут бы Юноше надо открыть глаза и заговорить. Но он думает: «Я должен притворяться мертвым и дальше».

Слизав слезы, Лев все-таки уходит к ручью, за дюну. Юноша встает и, едва держась на ногах, бежит домой, крича: «Сейчас за мной придет Лев, потому что он слизал мои слезы. Спрячьте меня». Его родные быстро собирают все шкуры антилопы, которые у них есть, заворачивают в них Юношу и прячут его в одной из своих хижин. Появляется Лев. В него летят стрелы и копыя, но он говорит: «Вы все зря стараетесь.

Я недостижим, потому что я пришел за тем, чьи слезы я выпил». Тогда, посоветовавшись, все жители деревни говорят Льву: «Хочешь, возьми себе эту девушку. Это самая прекрасная девушка в нашей деревне». — «Не нужно мне прекрасной девушки. Дайте мне Юношу, чьи слезы я выпил», — говорит в ответ Лев.

Жители деревни в растерянности. Но они не могут позволить льву, голодному, сильному зверю, остаться среди них. И они отдадут ему Юношу.

Лев убивает его, то есть покоряет, овладевает. Затем он обращается к людям: «Теперь я в вашей власти. Я нашел того, чьи слезы я испробовал». И люди убивают его, покоряют его. Мертвый Юноша и мертвый Лев лежат рядом.

Что хотел выразить в этом рассказе первый человек? Что у каждого своя судьба и что нельзя ее переключать на плечи других? Что трудно порой понять, где жертва и где палач?

И последняя, как мне кажется, самая мудрая легенда бушменов о Богомоле и Великом Пожирателе.

Эта легенда, по всей вероятности, возникла в критический период истории бушменов, это одна из поздних легенд. Откуда это следует? Дело в том, что это единственная бушменская легенда, где появляется овца, животное, связанное с цивилизацией. Истории Богомола и Великого Пожирателя предшествует рассказ о том, как Богомола укусил черный жук, у которого была овца. Богомол сидит один, страдает от обиды и боли, и кланяется на чем свет стоит всех тех, у кого есть овцы: «Вы, которые кусаетесь так подло, — говорит он им, — подождите, вы будете как клещи, что присосались к коже ваших овец. Вы будете питаться кровью друг друга». Как мог предвидеть, предчувствовать маленький человек, какая судьба ждет людей, принесших ему смерть?

И все-таки Богомол раздобыл себе несколько овец и показал их Дикобразу, которая никак не может прийти в себя от удивления. Он говорит Квамманг-радуге: «Эй, Ква, что делают здесь эти овцы?»

По-видимому, это очень важное событие, потому что в действии участвуют все: Кауру-крольчиха, Квамманга-радуга, Дикобразу, Богомол-сын и сыновья Квамманги и Дикобразу. Внук Богомо-

ла, тот, что любит солнце и землю, Мангуста тоже здесь. Все в сборе, и сейчас в первый раз появится некто очень значительный и важный — отец Дикобразу, Пожиратель.

Богомол говорит Дикобразу: «Дикобраз, я болен. Я больше не могу есть это мясо. Оно слишком твердое».

Это не простое утверждение, потому что для бушмена телесная болезнь всегда связана с каким-то духовным недугом, страданием.

Мясо, о котором говорит Богомол, — это мясо зебры. Образ зебры у бушменов означает побег, уклонение. Овца — это смирение: ведь она не борется даже тогда, когда ее закалывают. И Богомол обращается к Дикобразу: «Сходи к Пожирателю, пусть он явится сюда, и мы будем есть мясо овцы!»

Дикобразу в ужасе. Она лучше, чем кто-нибудь другой, знает привычки своего отца. Она знает, что даже целой овцы будет мало. «Что ты придумал, Богомол? — говорит она. — Если Пожиратель придет сюда, его не остановишь, он съест все».

Богомол продолжает настаивать. Тогда Дикобразу берет часть своего собственного обеда и закапывает его в землю — есть вещи, о которых не забывают даже в самый напряженный момент. Затем Дикобразу отправляется через пустыню и дюны к Пожирателю. «Богомол хочет, чтобы ты пришел и разделить с ним трапезу», — говорит она.

И они начинают ждать, эти маленькие древние боги. И вдруг меркнет день, и тьма заполняет небо.

А Пожиратель приходит и съедает овцу, затем в его пасти пропадает вся другая пища и горшки, затем Кауру-крольчиха, Радуга, Мангуста, юный Богомол и Богомол-отец. Только свою дочь Дикобразу, пошадил Пожиратель. Она грудью защищает своих сыновей и горько рыдает, оплакивая потерю всего знакомого ей мира. Но нельзя терять время. Она вырывает у

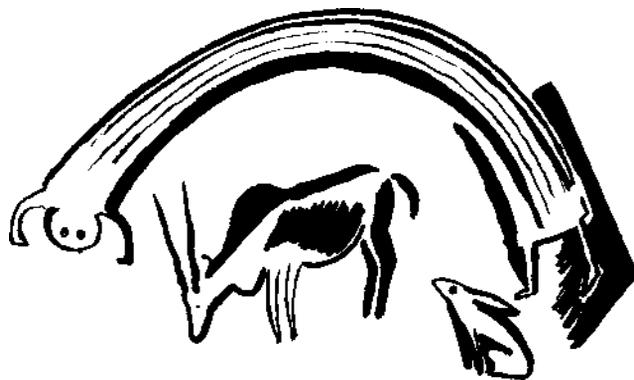
себя иглу и накаляет ее докрасна в пламени. Затем она кладет ее в ухо своего младшего, нежной души, сына. Слезы брызнули из глаз малыша. «Ах, какой из тебя, неженки, толк!» — говорит она. Но она не презирает его за слезы — и им есть место в этом всеобщем горе, — а снова накаляет свою иглу и тычет ее второму сыну сначала в ноздри, потом в ухо. И чем сильнее жжет игла, тем яснее взгляды и грознее лицо этого мужественного отпрыска, ибо гнев тоже уместен в такое время. И она вздыхает с облегчением: «Слава богу, этот, кажется, смелый!»

И она велит второму, смелому, сыну, олицетворяющему мужественную решимость, проколоть правый бок Пожирателя, а младшему, нежному, сыну — левый. По ее знаку они вспарывают брюхо Пожирателя, и из него выходят: Кауру-крольчиха, Квамманга-радуга, Богомол, Мангуста и овца — все в целостности и сохранности. Дикобразу дает им ту самую еду, которую она, помните, незаметно закопала, — надо же с чего-нибудь начинать, причем это всегда часть старой жизни в новой. И повела их Дикобразу далеко-далеко от этих горестных мест в новые земли.

Вот, пожалуй, все, что я услышал от моих маленьких друзей. Другие народы, другие цивилизации создали иные легенды, может быть, более красочные, но вряд ли более трогательные. Кто знает, что еще могли бы рассказать эти люди, если бы их не истребили так безжалостно.

Когда я был в Калахари, в нашем отряде умер бушмен. Его похоронили лицом к востоку — оттуда приходит новый день. В могилу были положены скорлупа страусиного яйца, наполненная водой — идти надо далеко, — лук, стрела и копье. Яму забросали красным песком, а у основания могилы положили ветки и зажгли их: «Там у него темно, а ему нужен свет костра, чтобы указывать путь в новый день».

Сокращенный перевод с английского Т. ХЕЙФИЦ

В. ДЕМИДОВ, наш спец. корр.
Фото автора

Человек любит землю, на которой живет, ее леса, поля, реки. Но бывают обстоятельства, когда природа становится враждебной человеку: черными бурями налетает на плодородные поля; весенними разливами грозит селам, городам, дорогам... И тогда человек должен противопоставить стихии свой ум, выдержку, организацию и умение. О таком противоборстве, развернувшемся прошлой весной на берегах обычно тихой Оки, рассказывает наш корреспондент.

ЛЕД ИДЕТ

Выбежало шоссе из Рязани, спустилось с пригорка, а дальше и пути нет. Вода. Глинистый разлив Оки. Видно, как на том берегу асфальт выходит из мутных потоков. Да не попасть туда. Плашкоут — наплавной мост — полон водой от земли отбило, сжало рыхлым весенним льдом.

Отрезан левый берег. Теперь в Солотчу или Спас-Клепки добираться — километров четырёхста в объезд, через Егорьевск. Да что Спас-Клепки! Вон заречные деревеньки — Шумошь, Заокское — рукой подать, а выходит, что и к ним те же полтысячи верст кружного пути...

Человек десять переминаются у реки, глядят на вожделенный левый берег. Густая стывлая вода плещет о сапоги. Не уходят. Пока плашкоут реку перегораживает, пока не вывели его из ледяных полей, есть еще надежда.

Чуть в стороне костенеет на пронзительном ветру (с самого рассвета здесь) милицейский патруль — старшина с мотоциклом и приземистый плотный офицер Василий Иванович Поляков.

Поднимет Василий Иванович мегафон, крикнет для порядка металлическим голосом: «Нету переезда! Нету! Катера пустим через три дня...» А власть применить не торопится, не гонит людей от воды, хотя и не полагается сейчас здесь стоять посторонним. Куда ж им деться — дом-то за рекой.

На льду у моста взрывники суетятся. Долбят лунки, таскают взрывчатку. Готовятся лед дробить, освобождать путь для отвода плашкоута. Надо поторапливаться. Не успеешь вовремя — утащит Ока плашкоут, лови его потом!

— Толм рвать будут, — авторитетно говорит кто-то из зареченских. — Рванут — эхма! — рыбу мешками собирай...

— Рыбу, рыбу... — неодобрительно косится на говорившего пожилой железнодорожник. — Ты бы так вот побегал там, со смертушкой рядом.

Вода в Оке прибывает на глазах. Только что мотоцикл старшины стоял в пяти метрах от реки, и вот уже волны лижут колеса. Отодвинет свою машину старшина подальше и опять смотрит, что выделывает подъехавший сержант Сарычев.

Сарычев вспотел, милицейская фуражка чудом на затылке держится. Вместе с одним добровольцем из зареченских сержант загоняет мотоцикл на лодку. Лодка скрипит жалобно, кренится под необычной тяжестью. «В объезд бы надо...» — думает Сарычев.

— Ты бы в объезд, через Егорьевск, — советует Поляков. — Там глубина метров десять с гаком...

— Да мы, мы... — задыхается в возмущен-

ном крике добровольный помощник сержанта, — хочешь знать, вот на этой же целый «Москвич» везли! На нее хоть пять тонн грузы — ни-почем!

С надеждой глядят зареченские на Сарычева. Переедет сержант, смотришь, и они следом...

— Ну, прощай, Сарычев, — повторяет Поляков. — В Шиловском районе-то один, говорят, утонул.

— Отваливай! — негромко командует сержант лодочнику. — Давай, давай! — Он и сам не рад, что задумал такое. Стоит, вцепившись в люльку, меряет глазами расстояние до плашкоута, ногой дырку от гвоздя в борту прижал — чтобы фонтанчик не бил. Посматривает на помощника: крепко ли тормоз держит? Держит. Ну, пошли...

Из-за спин зареченских выворачивается бабка с новенькими ведрами, с кошелками через плечо. Черпая голенищами воду, исподтишка кидается в корму: «Ох ты, господи, успела!»

Лодка крикает, начинает оседать.

— Куда?! — рычит сарычевский помощник и трясет кулаками. Освобожденный мотоцикл с грохотом срывается с подложенных досок, передним колесом падает в лодку, заднее — в воде.

— Наза-а-ад! — в отчаянии кричит Сарычев. Но лодочник и без того старается вовсю.

На берегу сержант отирает пот. Зареченские на чем свет стоит клянут бабку. Смеются на плашкоуте бабы и мужики, те, что чудом сумели просочиться на мост, поближе к родному левому берегу. Но смех смолкает, когда выплывает на середину разводья кто-то из плашкоутного начальства.

— Не будет переезда! — высоким плачущим голосом кричит он. — С моста и берега всем уходить! Всем! Мне взрывать надо... — и, видя, что никто не трогается с места, зло и непонятно грозит: — Ну, погодите, сейчас приедет Стариков, он вам сразу все объяснит! Бы-ыстренько ОБЪЯСНИП!

— Кто такой Стариков? — настороженно переговариваются на берегу. — Полковник, что ли?

Но и без таинственного Старикова все встает на свои места. Поляков отправляется на плашкоут и возвращает на рязанскую сторону всех, кто прорвался на мост. Плашкоут теперь стоит пустынный, безлюдный, точно покинутый в беде корабль. Посреди ледяных полей странно торчат на его палубе высокие столбы с молочными шарами фонарей — как будто кусок улицы унесла Ока.

Вот возле моста, балансируя шестом, пробежал последний взрывник — не поскользнулся бы!

Сейчас ударит взрыв...

Стариков — главный инженер областного управления строительства и ремонта автодорог — не успел открыть свой кабинет, как подошла секретарша: «Пахомов просил приехать. Срочно».

Значит, опять что-то приключилось на воде. С Пахомовым, председателем паводковой комиссии, Стариков в эту напряженную неделю виделся ежедневно, случалось, и по несколько

раз. Оправдывались прогнозы: паводок в этом году выдался необычайно грозный.

Сначала тревожные известия стали приходить из соседних областей. Говорили, что в Орле подтопило завод, много жилых кварталов. У Калуги Ока поднялась на одиннадцать с лишним метров — на три метра больше, чем при катастрофическом паводке 1908 года. Бушевал верхний Дон — у Задонска уровень реки повысился на двенадцать с половиной метров. Под Воронежем сорок километров ЛЭП оказались в воде.

В Рязани с тревогой глядели на Оку — газеты сообщили, что в верховьях, у Белева, паводок превысил все максимальные уровни за последние девяносто лет. Но первыми проявили беспокойный нрав окские притоки: Проня, Мокша, Вожа.

Три дня назад Старикова срочно вызвали в Рыбное — вздувшаяся Вожа грозила бедой. Она двинула ледяные поля-монолиты полутора-метровой толщины на дамбу, по которой проходила дорога Рыбное — Кузьминское. Пришлось громить ледяной панцирь взрывчаткой — крошево не могло срезать дамбу. Успели.

Позавчера преподнесла сюрприз Проня. Возле села Студенец стала громоздить заторы. И без того высокая вода — метров на восемь повысилась уровень речушки за последние дни — перед заторами стала походить на морской прилив: пузырилась, со страшной быстротой пожирала берег, подбиралась к телятнику, к домам села. Долго сидели у Пахомова вместе с Виктором Николаевичем Корчагиным, заместителем начальника УВД, ломали голову — что предпринять? Взрывников на машине не доставить, дорога превратилась в черную жидкую трясицу. Вездеход и то не пройдет. Оставалось одно: взрывать заторы.

Обошлось! Паводок на Проне вдруг сам по себе резко пошел на убыль. Но спокойнее не стало. От шоферов в дорожном управлении Стариков слышал, что Рязкж уже двое суток без света — снесло опоры. Здесь, под Рязанью, сводки сулили уровень паводковых вод на полтора-два метра выше среднего многолетнего уровня.

Стариков глядел, как пробегают за окном машины чистенькие рязанские улицы, и прикидывал, где нужна будет помощь и какая, если и эти прогнозы подтвердятся. Торговый городок поплывет — факт! Вода и на площади Свободы будет. А там рядом текстильная фабрика. Пригород Борки, конечно, подтопит...

Вчера вместе с Пахомовым Старикову вновь пришлось гнать в Рыбное, Во-первых, Вожа, приток Оки, продолжала куролесить. Теперь уже не лед — полая вода наступала на дамбу. А во-вторых, Пахомов прослышал, что будто бы загубили в Рыбном на пищеводе пятьдесят тонн сахара, не убрали вовремя — затопило на заводском складе.

Сначала отправились на дамбу.

Вожа, вобрав в себя воды другой речки — Мечи, разлилась километра на два-три. Она не успевала проскочить в узкий проход под мостом и начала переливаться через подпиравшую ее насыпь автодороги. Там, где потоки перехлестывали шоссе, насыпь таяла на глазах, размывалась, зияла кавернами, оползала.

На дамбе шло сражение. Двадцать пять самосвалов сбрасывали на обочине одну к другой груды щебня. Бригада дорожников равняла их, трамбовала. Быстро поднималась защитная бровка. Поднималась и вода. Она находила лазейки, кремовыми змеями струилась по асфальту... Потоки ширились, полнели, пока наконец в прорыв не падала из гремящего кузова очередная порция дробленого камня.

Неожиданно самосвалы стали приходить реже, полупустые.

Узнав Старикова, один из шоферов на ходу крикнул:

— Щебень кончается! Несколько машин всего осталось...

В райкоме партии Пахомов, и Стариков, и сам секретарь втроем «сели» на телефоны. В Рыбинском районе щебня не нашли. Был карьер недалеко от Спасска, но пока оттуда перебросили камень — от дамбы рожки да ножки останутся. Пахомов нервничал, грыз карандаш.

Дождаясь междугородных звонков, услышали, что приключилось в Рыбном накануне.

Вовсе мозглявая речушка Дубянка устроила вдруг настоящий потоп. Залила центральную улицу. Вода разгуливая старушка — глубиной и все поднималась. И это в разгар дня, когда взрослые на работе, дома одни старики, дети. Вызвали милицию, нашли лодки, принялись спасать людей...

«Проклятая пора — половодье», — думал Стариков. Слушал, что дальше рассказывал очевидец.

— А Евгений Зараев (есть у нас такой участковый уполномоченный) — вот человек! Подплыл к одному дому. Заходит. В комнате на столе сидит полуживая старушка — глаза круглые, от страха пальцем шевельнуть не может. Вода ей подол уже мочит. По комнате мебель плавает, а среди нее колыбель с двухгодовалым младенцем. Тот лежит себе, улыбается — что ему! Так этот Зараев — вот человек! — нет чтобы просто вынести бабку и мальчишку, и дело с концом. Он еще прикинул, что на улице ветер, холодно. И значит, парень простудиться может. Тогда он его закутал, как на прогулку, и даже валеночки на печке нашел...

Щебень, наконец, отыскали на одном из заводов, на окраине Рязани. У всех отлегло от сердца — дорога спасена.

На обратном пути Пахомов придирчиво рассматривал встречные самосвалы — с полными ли кузовами идут? Стариков видел — повеселел председатель. Наверное, еще и оттого, что сам убедился: сахар-то не пропал, успели-таки перетасить на верхние этажи, вода не достала.

Показалось здание облисполкома. В последний раз Стариков попытался представить, что и где могло случиться. Может, что-нибудь с плашкоутами?

В кабинете у Николая Ивановича Пахомова сидел начальник мостотряда Алексей Дмитриевич Потапов. Стариков знал — Потапов строил огромный железобетонный мост под Рязанью. Опоры уже стояли в воде, и паводок этого года должен был впервые проверить их прочность. «Значит, что-то с мостом приключилось», — решил Стариков и ошибся.

— Земснаряд у моста затерло, — сказал Пахомов, — там люди сидят. И баржа рядом во льду. Поторапливайтесь, а то раздавит посудины... Вертолет я вызвал.

МИ-4 шел низко над залитыми полями. Когда внизу оказывалась деревушка, потоки воздуха от винта сдували кур, лохматили волосы восторженно скачущих ребят. На Оку вышли у села Константинова. Потапов и Стариков успели разглядеть знакомый дом-музей Есенина, башню церкви, галок на старых берегах.

Потом пошли бесконечные водные пространства — окская пойма. Здесь на реке не было льда, проплывали лишь отдельные глыбы. Лед показался ниже по течению. В темных пойменных водах собственно Ока отмечалась широкой грязно-белой литой полосой — без трещинки, без промоины. «Куда же девался верховой лед? — удивился про себя Потапов. — Слово его растворили...» Но тут он увидел свой мост и сразу забыл обо всем.

Еще не достроенный, мост был все равно красив, и Потапов с удовольствием впервые рассматривал его сверху, представляя, каким он будет через год-два. Спихватился, когда внизу промелькнул затертый земснаряд, трое людей на палубе.

— Вот он, справа! — крикнул Стариков. Но тот и сам уже заметил, кивнул, не отрываясь от иллюминатора.

Земснаряд с трех сторон был окружен полями темного льда. С четвертой подступал топкий островок. Да, гидромеханизаторы выбрали неудачное место для зимовки своей машины. Осенью, как видно, ничего не сулило беды. Теперь же, случись сильная подвижка, лед мог в любую минуту либо выбросить земснаряд на берег, либо раздавить его. Надо было аккуратным, точным взрывом околоть земснаряд и соседнюю баржу, а уж потом попытаться выводить их на чистую воду.

Вертолет трижды прошел над сжатыми судами. Стариков с Потаповым и третий — шеф взрывников Уланов — определили, где находится замок наступающего льда, откуда удобнее высадить десант, и махнули командиру экипажа: «Можно садиться!»

Пилот Лекарев покрутился над строительной площадкой мостотряда, но навстречу опускающейся машине поднялся песчаный смерч, и вертолет снова ушел вверх. В другом месте сесть мешали опоры электропередачи. Наконец Лекарев, виртуозно развернув машину, сел на единственно сухой «пятачок», оставшийся от затопленного шоссе.

До стройплощадки добирались, шлепая по воде.

— Представляете, — рассказывал Потапов, — вчера мне сообщают: вода поднимется до отметки 101—102 метра. А у меня все механизмы на сто первом метре стоят. Вот они, — он повел рукой. — Думал, что уже конец. На дамбу все не затащишь!.. Примчался, гляжу с опаской издали — не затопило? Нет пока. Вот ведь паводок на нашу голову...

Уланов, не останавливаясь, прошел к грузовику взрывников. Грузовик был пуст. Уланов постучал в кузов, как в дверь:

— Алло, Аленушкин?

За бортом показалась ушанка, под ней смуглое лицо, чуть удивленное.

— Как дела, Аленушкин, справляешься?

— Заряды готовлю, — недовольно пробурчал парень. — Килограммов по пятнадцати, как договаривались.

— Давай поскорее. И, смотри, детонаторы пока не вставляй. Понял?

— А то я не знал! — удивился Аленушкин и похлопал глазами. — А спешка нам ни к чему, — добавил он важно и снова пропал за бортом — торчала только шапка.

Пачки аммонита в промасленной бумаге, спеленатые шпагатом, он не доверил даже Уланову, сам перенес в вертолет. Взяли с собой и двух здоровенных ребят-гребцов: на лед предстояло высаживаться с лодки.

Лекарев тихонько опустил вертолет на остров, возле заброшенного дома бакенщика. Здесь же стояла черная железная лодка. Земснаряд сиротливо темнел метрах в трехстах, за целинным ледяным полем. По левую руку лед за островом разом исчезал, ярко светилась чистая вода. Туда и надо было спроводить окружившие земснаряд льды. Далеко-далеко, за Ореховым озером, вставали прозрачно-голубые соборы Рязани...

Так вот, оказывается, для чего так тщательно Уланов отбирал гребцов. Когда Аленушкин, подпалив бикфордов шнур, ввалился на ходу в ожидавшую лодку, вся надежда была только на них. И они, красуясь, показывали, на что способны. Перед первым взрывом, работая как машины, они сумели отогнать лодку на добрых полкилометра.

Первый взрыв ничего не дал. Лишь пробил узкую трещину, да у самого острова на абсолютно чистой воде вдруг тяжело вывернулась из неизвестности, плеснула зеленым боком одинокая толстая льдина.

После взрыва над Окой повисла теплая тишина. В вышине свистел ранний жаворонок.

Уланов с Аленушкиным осторожно, с шестью в руках перебегали по льду. «Правее, правее!» — показывал Стариков с берега.

— Да не попасть туда. Кисель та-ам! — протяжно кричал Уланов и в подтверждение протыкал шестом раскисший лед.

Ударил второй фонтан, потом третий — самый высокий и пыльный. Когда вода осела, стало видно, как треснувшие поля медленно тронулись с места и начали обтекать земснаряд, не причиняя ему вреда.

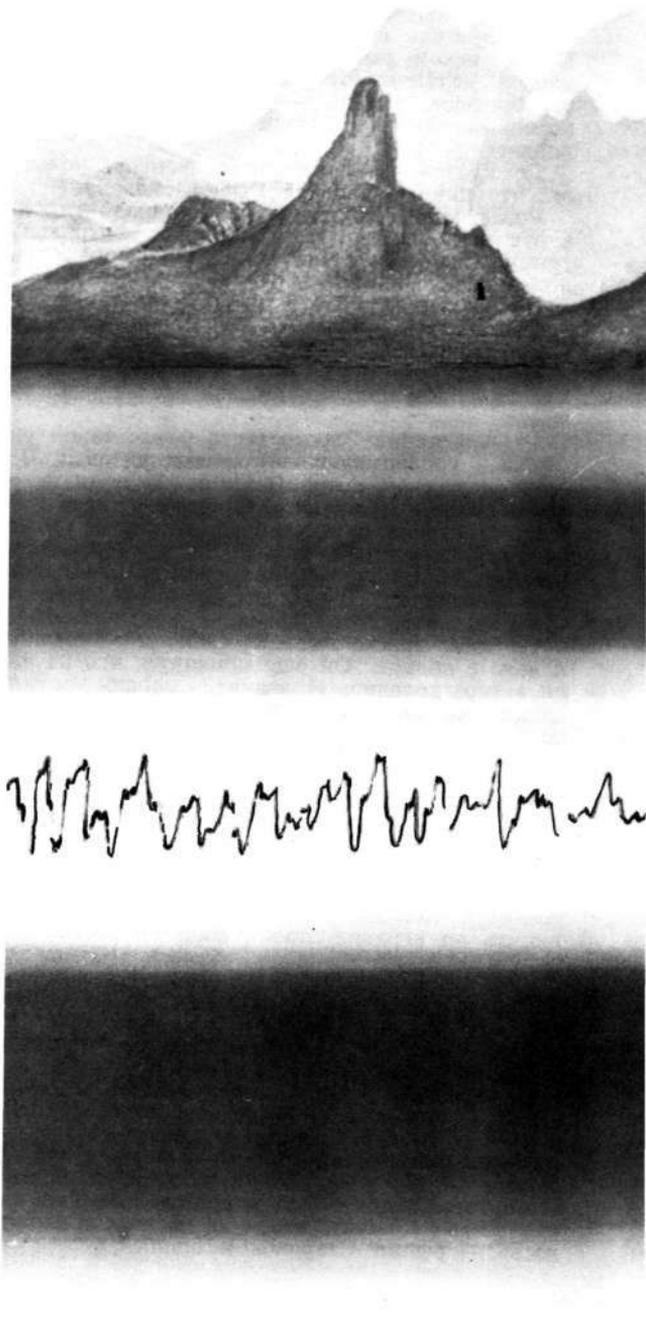
— Пошел, пошел! — улыбнулся Потапов и в восторге хлопнул по плечу Аленушкина.

Аленушкин стоял невозмутимо, отставив ногу — король королем! Глядел вдаль.

Вертолет поднялся над островом и заложил круг. Наверху все припали к иллюминаторам. Лед рассасывался. С палубы махали шапками гидромеханизаторы.

Теперь лед шел и сверху по течению — взрывы раскачали мертвые поля. Стариков смотрел вниз, на рукотворный ледоход. Паводок, конечно, еще не кончился, и бог знает, что он еще преподнесет, но сейчас было хорошо глядеть на отливающие веселой весенней зеленью проплывающие льдины.

СЛУЖБА ЗЕМНЫХ НЕДР

Море не раз брало приступом города, волны заливали еще недавно многолюдные площади и улицы, под воду медленно, но неотвратимо уходили гордые башни дворцов, исчезало все, даже память о некогда кипучих центрах торговли и культуры.

Об этих катаклизмах мы знаем из легенд и преданий, скупых строк летописей и исторических хроник. Но в наши дни море точно так же наступает, теснит многомиллионные Бомбей и Токио, грозит затануть в свои пучины жемчужину мировой культуры — Венецию...

Чтобы успешно бороться с врагом, его надо знать.

НАУКА, СТАРТОВАВШАЯ В СССР

Двадцать два года тому назад выдающийся советский геолог В. А. Обручев ввел в научный обиход новое слово — неотектоника. Новая наука, изучающая современные движения земной коры, получила имя и права гражданства.

Наука эта имеет долгую предысторию, но то, что «крестным отцом» неотектоники стал видный представитель нашей отечественной науки, не было делом случая.

В 20-х годах XVII века финский епископ Эрик Соралайнен занялся делами, с точки зрения религиозных догматов не совсем похвальными: в течение нескольких лет он замерял на береговых скалах уровень моря, а затем заявил, что земля под нашими ногами далеко не «вечная твердь».

Подобные же измерения в первой половине XVIII века привели знаменитого шведского исследователя Цельсия к выводу об усыхании океана, на что его современник Михаил Ломоносов возразил: «...Произошел вопрос от некоторых ученых, куда вода морская убывает и теряется? Однако, напрасно: ибо в других местах, напротив того, берега со временем уходят под воду...»

Медленные изменения лика Земли, впервые замеченные на берегах морей, были метко названы Ломоносовым «нечувствительными землетрясениями».

В XIX веке ближе всех к разгадке тайн развития земной поверхности подошел русский сейсмолог Александр Орлов. Им были разработаны первые в России программы широких исследований «динамических явлений твердого земляного черепа»; он доказал, что наблюдать за жизнью земной коры надо не только на побережье, но и на территории материков, что и землетрясения, и медленные колебания земной поверхности имеют общую природу. (Для новых точных измерений Орлов предлагал, в частности, наклонмерные наблюдения и повторное нивелирование — методы, которыми широко пользуются современные исследователи.)

Но, несмотря на работы А. Орлова и австрийского геолога Э. Зюсса, который высказывал сходные взгляды, до самого конца прошлого века существовало мнение о четвертичном — современном с геологической точки зрения — периоде как о времени планетарного тектонического покоя. Планета как бы отдыхала после создания Гималаев, Кавказа, Тянь-Шаня, Альп, Анд, Кордильер.

На рубеже нашего века произошло еще одно очень важное в предыстории неотектоники событие. Русские геологи, работавшие на изыскании Транссибирской магистрали, и прежде всего

В. А. Обручев, обратили внимание на странные тектонические нарушения, «разрывы» горных пород. Характер их показывал, что они произошли с точки зрения геологии совсем недавно, хотя бытовало твердое убеждение, что весь район сформирован в весьма отдаленную эпоху. В. А. Обручев продолжил исследования в других районах Азии и накопил огромный фактический материал, доказывающий тектоническую «молодость» Сибири. Это открытие заинтересовало геоморфологов и геологов разных стран. Следы новейших движений земной коры стали находить и изучать на всей материках. Были высказаны предположения о сильном влиянии процессов неотектоники на формирование современного рельефа, многих месторождений, бассейнов подземных вод. Были даже замечены первые признаки влияния современных неторопливых подвижек земной коры на хозяйственную деятельность человека.

Известный средневековый арабский путешественник и географ Аль Бируни в книге «Индия» писал, что жители островов Ад-Дабаджат «покидают этот остров, который дряхлеет и начинает погибать, и переселяются на молодой и свежий, час поднятия которого над океаном приблизился».

Люди все более освобождались от представлений, будто пространства равнин и древних гор из века в век остаются неподвижными, коль скоро в их глубинах не стучит молот землетрясений. Факты и примеры современных движений земной коры вошли даже в школьные учебники. Точку над «и» поставил все тот же В. А. Обручев. Как уже говорилось, в 1948 году он предложил выделить неотектонику как самостоятельную науку.

Но масштаб влияния неотектонических процессов стал ясен только в последние два десятилетия, после того как сформировалась изучающая их наука.

РАСТУЩИЕ ГОРЫ

К пятилетию своего существования молодая наука пришла с открытием повсеместности неотектонических движений. Планета в сознании людей как бы вдруг ожила. Дряхлые горы оказались совсем не такими уж дряхлыми, устойчивые равнинные платформы оказались далеко не столь уж незбылемыми.

Образцом дряхлой и разрушающейся горной системы всегда считался Урал. Только недавние исследования показали, что в течение всех последних двадцати пяти миллионов лет (именно этот отрезок времени находится под наблюдением неотектоники) Урал растет со средней скоростью два миллиметра в столетие, что в геологических масштабах очень немало. В некоторых же местах скорость современного поднятия Урала достигает четырех-пяти миллиметров в год.

Еще более впечатляющими оказались результаты исследования Памира. На Памире, в районе долины реки Маркансу, на высоте 4200 метров специальный отряд по изучению каменного века под руководством душанбинского археолога В. А. Ранова открыл следы поселений людей каменного века. Там, где сейчас скалы и снег, десять тысяч лет назад росли деревья и зеленели травы, водились медведи, кабаны и рыси. Комплексные исследования вскрыли причину: всего десять тысяч лет назад долина реки Маркансу находилась на высоте всего лишь трех тысяч метров. Горы, можно ска-

зять, на глазах человека выросли самое меньшее на километр!

Долгое время казалось, что горы на Земле если и растут, то только вверх. Ничего подобного! Новейшие исследования показали, что напряжения — предвестники землетрясений — возникают в горных породах от воздействия не вертикальных, а горизонтальных сил. Это было так неожиданно и странно, что первым измерениям не хотели верить. Но поверить пришлось. Многие горные системы, судя по всему, ползут в небо, словно взбираясь по крутому склону.

Все это оказалось не просто интересным.

ПОЧЕМУ ТОНЕТ ВЕНЕЦИЯ!

Сотни лет главной бедой Венеции считалась разрушительная сила приливов Адриатического моря. И начиная со средних веков строители возводили земляные и каменные набережные, специальные стены и волноломы, надеясь, что система заграждений «выстоит дольше, чем бронза», спасет город.

И только в последние годы выяснилось, что главная опасность, угрожающая Венеции, — это погружение ее в воды Адриатики со скоростью три сантиметра в десятилетие.

По мнению многих итальянских исследователей, погружение города вызвано усиленной откачкой пресных подземных вод. К такому же выводу относительно Токио еще раньше пришли японские специалисты. В 1961 и 1963 годах японским парламентом были даже приняты специальные законы, ограничивающие бурение скважин и сооружение колодцев в некоторых районах Токио. Однако, несмотря на принятые меры, скорость опускания токийского побережья доходит сейчас до двадцати сантиметров в год!

В давнее время ацтеки, не выдержав наступления моря, перенесли свою тонущую столицу в глубь материка. Современные города с огромным населением и комплексом промышленных предприятий утратили способность к переездам. Да и нужды в этом нет, потому что современная техника может не только оградить город, как в свое время была ограждена Голландия, но даже и отвоевать у моря, если потребуется, изрядный кусок суши.

Спора нет, интенсивная откачка подземных вод может вызвать некоторое оседание поверхности, — человек в данном случае как бы воспроизводит неотектонические процессы опускания. Для Венеции сейчас разрабатывается проект нагнетания под землю морской воды. Но что, если, будучи осуществленным, он не даст ожидаемого результата? Ведь очень может быть, что главная причина опускания Венеции — это процесс общего движения Апеннинского полуострова на тот блок земной коры, который залит сейчас Адриатическим морем. Направленное к северо-востоку движение Апеннинских гор, их рост, быть может, и вызывает прогиб не только района Венеции, но и всей Венецианско-Падуанской низменности. Эту гипотезу подтверждает то, что размыв и выветривание Апеннин ускользает: такое наблюдается именно при «росте» гор.

Если эта гипотеза верна, тогда закачка морской воды под землю не даст желаемого результата. В этом случае нужны другие меры.

Казалось бы, выяснить истину не так уж сложно. Но дело все в том, что неотектонические движения во многих случаях настолько замедлены, что

соизмеримы с ошибками самых точных приборов, — в таких ситуациях замеры надо делать в течение многих лет. А для этого, в свою очередь, нужна специальная неотектоническая служба, сеть станций, непрерывно следящая за движениями земли. Службой, которая бы отвечала этим задачам Италия не располагает.

ТЕКТОНИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Воздействие человека на природу становится все более значительным. Все, что сооружается, стоит на земле. На той самой земле, которая, как выяснилось, подвижна в каждой своей точке. Ее колебания, порой даже самые ничтожные, так или иначе отзываются на стоке рек, подземных бассейнах воды, городах, крупных гидросооружениях, водохранилищах. Не всегда эти изменения растягиваются на века, не всегда ими можно пренебречь. Тем более что, кроме медленных вековых движений, нередко происходит и мгновенное опускание или поднятие больших масс земли. Так более ста лет назад изменилось очертание Байкала: возник залив, в котором свободно бы уместилось государство Андорра.

От процессов неотектоники зависят и подземные выработки. Иногда думают, что кровлю выработок удерживает от падения рудничная крепь. Но это не так — крепь, в сущности, удерживает от падения лишь обнаженные проходной глыбы рыхлой породы. Саму же толщу скрепляют в основном горизонтальные тектонические силы. Измерения в скважинах, рудниках и шахтах свидетельствуют, что внезапные выбросы угля и газа являются своеобразными искусственными землетрясениями, возникшими при нарушении напряженного состояния горных массивов.

Знание истинных причин внезапных выбросов породы из стенок выработок позволяет искать и находить более надежные, чем прежде, методы борьбы с подземной стихией. В перспективе видится разработка месторождений не только с помощью машин и механизмов, но и с помощью самих тектонических сил, когда управляемые искусственные землетрясения будут выбрасывать, дробить нужные блоки пород. Такие исследования сейчас проводятся, они уже в недалеком будущем обещают удачные практические решения.

Сейчас, кроме обычной сети сейсмических станций, в нашей стране действуют свыше двадцати геофизических полигонов, оснащенных оборудованием, которое позволяет всесторонне и систематически наблюдать за движениями земной коры, за изменениями геофизических полей планеты. Очевидно, пройдет немного времени, и в один ряд со службой солнца и службой погоды встанет тектоническая служба. Под наблюдение будут взяты все движения земной коры, как быстрые, так и медленные. Данными этой службы будут пользоваться строители при проектировании новых крупных сооружений, геологи при поиске новых месторождений, метеорологи и климатологи при расчете долгосрочных прогнозов. Возможно, не так уж далеко и то время, когда заблаговременные сообщения о землетрясениях и вулканических извержениях станут столь же привычными и обоснованными, как прогнозы погоды.

Л. БАНЬКОВСКИЙ, В. БАНЬКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР КАТИН,
корреспондент АПН — для «Вокруг света»

ЧЕРНЫЙ ШАТЕР

Э

тот случай произошел со мной в Мавритании. Записывая его, я только изменил имена. Точнее — одно имя.

В Нуакшоте, столице Мавритании, тротуаров нет. Освещения на улицах тоже нет, и по ночам стоит крошечная тьма. В Нуакшоте много чего нет, потому что построен город совсем недавно, когда в 1960 году мавританцы добились наконец права создать свое государство.

С заходом солнца появляется что-то похожее на свежесть. Чувствуется близость Атлантики — до океана километра четыре. Хорошо бы сейчас пройтись, подышать ветром. Густая темнота, однако, заставляет держаться поблизости от отеля. Здесь, на освещенном «пяточке», я и познакомился с горным инженером англичанином Крайсом. Он тоже жил в отеле.

После прогулки вокруг гостиницы мы ужинали вместе. Крайсу, вероятно, за пятьдесят. Может, и больше. Худой, остролицый. Внимательные серые глаза, выцветшие брови. Кожа на руках и щеках воспаленно-розовая, в мелких морщинах.

— Морозы Аляски, — сказал он, вытягивая большие красные руки. — Я долго работал на тамошних рудниках. Дикий холод и ветры, острые как бритва. Ветры режут, секут кожу. На морозе обветренная кожа трескается, потом слезает, как от ожога. Новая же кожа тонкая, очень нежная и ужасно болит на ветру.

Крайс потер руки, как бы согреваясь.

— Но, откровенно говоря, я тепло вспоминаю этот промерзлый край! Там здорово платили.

Крайс говорит о Перу, Индии и еще каких то

странах, где работал по контрактам с горнорудным концерном, который занимается разведкой полезных ископаемых, строительством шахт и эксплуатацией залежей. Крайс — строитель шахт и рудников. Закончив объект и передав его в эксплуатацию, он подписывает с концерном новый договор и перебирается в другую страну (как правило, в самые неудобные места). В Мавритании он должен наладить добычу меди. Возле поселка Акжужт в Сахаре обнаружена отличная медная руда.

Крайс рассказывал мне о своей семье. У него трое взрослых детей.

— Все уже пристроены. Кроме нас с Нэнси... Нэнси — это моя жена... Ей уже тяжело, бедняге, бродить со мной по свету. А вот своего угла у нас так и нет... Все мечтаю купить дом где-нибудь на Ямайке и там в тепле доживать свой век. Но Ямайка Ямайкой, а завтра мне опять тащиться в пустыню.

Крайс объяснил, что хочет проехать до медных месторождений Акжужта по маршруту будущей трассы. Дорога еще не проложена, поэтому поездка наверняка предстоит нелегкая.

— Если вам, журналисту, это интересно, то место в кабине найдется. Я еду один.

Я согласился. Дела в Нуакшоте я закончил, очередной рейс самолета ожидался через неделю. Ну, а уж о заманчивости путешествия в глубь Сахары говорить не приходится.

Ранним утром тронулись в путь. «Лендровер» выглядел внушительно: вместительная кабина, подвешенная над мощными узорчатыми шинами, сверху торчат антенны. Радиосвязь, говорит Крайс, на случай аварии или если, не дай бог, заблудимся в пустыне.

Выехали за город, и сразу же кончилась до-

рога. Плотный песок, колючая трава... Километров через пятьдесят песок исчез. Плоская пустыня густо усыпана мелкими черными камнями. На ярком солнце они блестят антрацитовым блеском. Перевернешь такой камень, а он с обратной стороны светлый. На сахарском солнце даже камни загорают, обугливаются.

Ориентируясь по компасу и подробной топографической карте, мы без приключений ехали целый день. Стало смеркаться.

— Остановимся у того черного холма. До него километра полтора, там и переночуем, — сказал Крайс, беря правее.

То был не холм, а черный шатер.

— Странно, — удивился Крайс. — Кочевники обычно в одиночку не бродят, а здесь один на всю округу...

Послышался чей-то вздох и чавканье. Обойдя шатер, мы увидели лежащего в тени верблюда. Он жевал пучок колючей травы.

— Салям алейкум, — сказал я, раздвигая занавеску у входа.

— Алейкум ас-салям, — отозвался слабый голос.

На потертом ковре лежал обложенный пестрыми подушками старик. Лицо безжизненное, взгляд тусклый, отрешенный. Синяя чалма сползла с головы, обнажив незагорелый лысый череп. Вид у старика был жалкий. У кочевников считается неприличным показаться гостю с непокрытой головой. Старик из последних сил пытался пристроить чалму на темени, но руки уже не слушались. Я плотно обернул ему голову синей тканью, заправил концы.

— Храни тебя аллах, — прошелестел старик.

Мы разложили холодный ужин, предложив поест и старику. Он отказался, попросил только приготовить чаю.

— Там, — он показал в угол, — есть дрова.

Дров оказалось достаточно, чтобы развести у входа в шатер хороший костер. В безветренной ночи пламя горело медленно, ровно, словно декоративный огонь на сцене.

Старик выпил стакан сладкого чая, немного ожил, заговорил.

— Мой караван ушел, а я остался. Я не мог больше идти с караваном. А они не могли ждать: я, может, еще не скоро умру.

— Неправда, — возразил я. — Ты остался не умирать, а переждать болезнь. Думал, отпустит. Иначе зачем тебе верблюд?

— Ты прав, — ответил кочевник из темноты. — Пожалуй, я так хотел... Думал переждать, пока пройдет болезнь, и догнать своих. Но, видно, не суждено...

— Пойду посмотрю машину, — поднялся Крайс, — стучит что-то в моторе...

Мы со стариком остались вдвоем. Оба молчали... Вдруг он попросил спалить все дрова. Я попробовал его отговорить: чай готов, и нет нужды попусту жечь дрова. Их ведь трудно собирать в пустыне. Но старик настаивал. Я бросил в огонь все поленья и хворост, и костер запылал. Старик тем временем чем-то шуршал в своем углу. Потом протянул газетный сверток.

— Здесь мои деньги, положи их в огонь. Я хочу так... Пусть сгорят.

Я высунулся из шатра и бросил пакет в огонь. При ярком свете я увидел, как старик цепким взглядом следит за мной. Крайс все еще копался в моторе.

— В пакете не было никаких денег. Так, бумажки, мусор. Я хотел испытать тебя... Теперь довольно... Слушай! — И неторопливо, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух, старик начал рассказ.

В молодости Абу Дада (так звали кочевника) разбойничал на караванных путях. Полвека назад через Мавританию шла торговля золотом, серебром, солью, краской индиго. Банков в тех местах не было, и все ценности купцы возили с собой. Абу Дада с товарищами грабили караваны, а купцов убивали либо продавали в рабство. Но мало-помалу жизнь в Сахаре стала меняться. Отошли в предание разбойничьи набеги. И тогда Абу Дада вернулся к своему племени, чтобы снова стать мирным кочевником. Не думал он умереть вот так, в пустыне, но раз уж настало его время, раз судьба привела к его одинокому шатру путника, он решил доверить мне тайну: в горах возле Акжужта есть пещера, где хранятся награбленные им в былые дни сокровища... Раскаявшийся перед смертью разбойник завещает сокровища мавританскому государству. Пусть строят на них что хотят. Лучше бы, вздохнул старик, мечеть... Где клад спрятан, запомнил? Повтори...

К утру Абу Дада умер. Мы сняли шатер, завернули в него тело и похоронили в неглубокой яме. На могиле торцом поставили плоский камень, как это принято у племен Сахары.

— Крайс, мне выпала почетная миссия обогатить мавританскую казну, — сказал я своему спутнику, когда мы тронулись дальше. И я рассказал о завещании старика.

Крайс остановил машину и уставился на меня, словно пытаюсь выяснить, дурачу я его или нет. Убедившись, что я не шучу, он спросил безразлично:

— И хорошо вы запомнили место?

— Отлично, это было нетрудно.

— Тогда полный вперед! Может быть, засветло доберемся до Акжужта и успеем найти пещеру.

— Но не забудьте, что старик завещал клад своему государству, а вовсе не нам.

— Э, да бросьте вы, в самом деле! Клад наш, черт побери! Если старик не наврали, то... Я ни минуты не останусь в этом пекле! Наплевать на концерн, на контракты. Сразу же махну на Ямайку. А вы, что вы сделаете с этими... сокровищами?

Я снова повторил, что клад не наш и что скрывать это от официальных властей я не собираюсь.

Но Крайс не обращал уже на мои слова никакого внимания. Он балагурил, смеялся, кричал что-то про свою Ямайку и все прибавлял газу. Я перестал его переубеждать. Это его насторожило, и он тоже притих. О чем-то сосредоточенно думал.

— Надеюсь, делить будем поровну? Хотя вам полагается чуть больше, так сказать, надбавка за знание арабского. Иначе бы мы не узнали тайны...

— Крайс, нам нечего делить. Я уже сказал. Некоторое время ехали молча.

— Вы, может, совсем не хотите со мной делиться?

— Вы рассуждаете нелогично, Крайс: если

бы я хотел все взять себе, то вообще бы вам ничего не сказал.

— Верно. Тогда не понимаю. — Он затормозил. — Выходит, вы действительно намерены поступить так, как завещал этот полоумный бродяга?

— Да, Крайс.

— Отдайте их мне. Хватит с меня скитаний. Я же старый... А?

— Крайс, я поступлю так, как хотел старик.

— Но его нет, этого старика, ему все равно! А я есть! Я не хочу больше здесь торчать, мне надоело. Отдайте мне клад!

— Не отдам, Крайс, не просите. Не могу отдать вам то, что не мое. Поедем!

Он умолк. Сидел неподвижно, обхватив жилистыми руками руль. Потом медленно, почти торжественно повернулся ко мне.

— Ну ладно. Я сдаюсь. В конце концов встречи со стариком могло и не быть, не так ли? Меня беспокоит только одно: не одурачил ли вас мавр? Представьте, мы поднимаем на ноги местные власти, начнутся поиски клада, шумиха, а клада-то никакого и нет... Как-то мы будем выглядеть, а? Хуже того, у нас могут быть серьезные неприятности... О, вы не знаете здешние нравы! Мавританцы пристанут с ножом к горлу, будут требовать, чтобы мы искали и нашли им то, чего, может быть, давно уже нет или не было никогда вообще. Давайте сперва убедимся, что это не мираж... Поехали!

Молча ехали целый час. Я задремал. Проснулся оттого, что машина встала.

— Что такое?

Крайс неопределенно пожал плечами.

— Кажется, спускает заднее правое колесо. Взгляните, пожалуйста.

Я выпрыгнул из машины, отошел назад, ткнул ногой в гулкое колесо.

— Все в порядке!

И тут «лендровер» рванулся, ударив пулеметной очередью мелких камешков, и не успел я опомниться, как машина была уже далеко. Я не побежал, не позвал Крайса. Это было бесполезно. Куда идти — на запад, на восток?

А, все равно! Пошел наобум, примерно в ту сторону, куда умчалась машина. Шел и думал, что скоро придет жажда, потом настанет ночь, а с ней — холод...

Шел я долго. Удивительное дело — не хотелось ни есть, ни пить. Идти было легко. Ровная пустыня, усыпанная мелкими черными камнями, оказалась очень удобной для ходьбы. Голову обвязал майкой.

Наступили сумерки. Кончилась твердая почва. Начались пески, и сразу стало тяжело идти. Зыбкие крутые скаты дюн осыпались при каждом шаге, и, сколько ни взбирайся, все остаешься на том же месте, глубже увязаешь в песок... Пытаюсь обойти одну дюну. На смену ей встает другая. Одинаковые песчаные холмы громоздятся вокруг. Хотел вернуться назад, туда, где Сахара каменная, но не смог найти пути: песок не оставляет следов...

Ночь провел в какой-то яме. Никогда не думал, что мягкий песок ночью так жесток и холоден. Словно цементный пол. Кажется, я спал. Или впал в забытие. С первыми лучами солнца я принялся карабкаться по оползающим дюнам, забирался на высокие гребни, чтобы разглядеть горизонт. К полудню добрался до скалы, торчавшей среди дюн, и решил остаться на этом утесе. Обшарил расщелины, но ничего съедобного не нашел. Даже ящериц не было. Забрался на самый верх скалы, откуда проглядывались просторы Сахары. Ни звуков, ни ветра.

На скале я провел весь день и следующую ночь. Утром третьего дня мимо проходил караван кочевников, перебирающихся на новые пастбища. Они заметили меня и взяли с собой.

Акжужт, как выяснилось, был недалеко от моей скалы, и в тот же день я уже шел по поселку. Префект выслушал мой рассказ об исповеди Абу Дады, и в сопровождении должностных лиц мы отправились на розыски пещеры. Названную стариком гору нашли без труда. На горе шли работы — закладывались шахты для добычи медной руды. Пещеры не было. Ее взорвали всего несколько дней назад...

Крайса я больше не встречал.

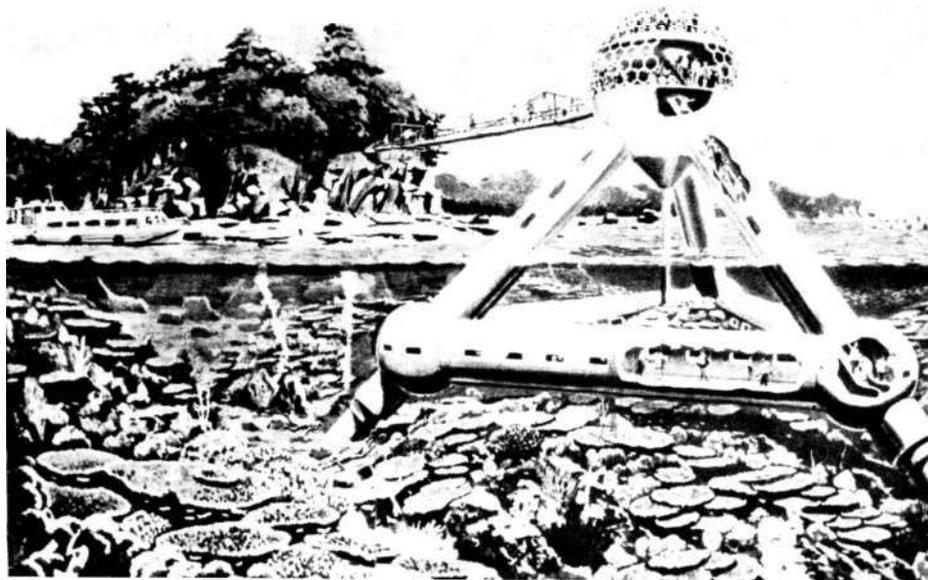
ЗАГАДКИ

ПРОЕКТЫ

ОТКРЫТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ПОД ВОДОЙ

На фотографии — проект научно-туристского подводного комплекса, созданного японскими океанологами. Этот проект уже начал претворяться в жизнь: в 30 метрах от берега у города Осаки заложены первые опоры гигантского полого треножника, который будет держать двадцатиметровой высоты круглую башню. И в башне, и в полых «ногах» ее разместятся лаборатории, просмотровые залы, научная аппаратура. Самая глубоководная лаборатория этого комплекса будет отделена от «дневной поверхности» океана двадцатиметровой толщей воды.

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО,
соб. корр. Всесоюзного радио
в Бразилии — для «Вокруг света»

Алейжадиньо

История жизни отверженного мастера

САН-ЖОРЖИ ЕДЕТ ПО ГОРОДУ

Солнце нешадно печет, обволакивая Вилу-Рику тягучим зноем. Бранясь себе под нос, что его отвлекают от дела, торопливо взбирается по узкой улочке к дворцу губернатора низкорослый мулат. Грозный сеньор Бернардо Жозе де Лорена — повелитель громадного бразильского капитанства Минас-Жерайс, снабжающего заморскую Португалию золотом, топазами, аметистами, алмазами и прочими драгоценностями, — не любит ждать. Потому-то так спешит, обливаясь потом, мулат, спешит, спотыкаясь об округлые бока булыжника, — подъезд к губернаторскому дому был вымошен совсем недавно, и подковы лошадей еще не успели стесать камни.

У дверей мулата останавливает стража. Из прохладного салона выходит адъютант губернатора Жозе

Роман, увитый аксельбантами и остро пахнущий пряными лиссабонскими духами. С высоты своего роста он окидывает мулата ленивым взглядом и морщится: «Ну и урод же ты, любезный...»

Но пришедший, видать, не робкого десятка. Он резко вскидывает широколобую голову и, покатав желваки под небритой щекой, спрашивает: «Меня звали только для того, чтобы сообщить это?»

Хитрец, он прекрасно знает, зачем его звали: губернатор хочет заказать ему какую-то новую работу. Проект храма или алтарь. Но он знает себе цену, и нежеже позволять каждому попугаю оскорблять себя. Мулат поворачивается и собирается уходить, но в этот момент на балконе появляется сам губернатор. Шурясь от яркого солнца, он кричит:

— Появился? Ну, входи, входи!

В конце беседы губернатор хлопает его по плечу:

— Все ясно? Сан-Жоржи должен быть достаточно

Фигуры евангельских палачей Алейжадиньо ваял с португальских гвардейцев.

большим, чтобы его можно было везти на лошади, посадив верхом! Не забудь, кстати, раздвинуть ему ноги в коленях. Но самое главное — рост. Маленький святой оскорбит людей. Сделай его в натуральную величину... — И, скользнув взглядом вокруг себя в поисках надлежащего сравнения, губернатор заключил: — Не меньше, чем он... — И кивнул головой на застывшего за креслом Жозе Романа.

— Будет сделано, ваша светлость, — сказал мулат, внимательно поглядев на адъютанта. Потом он, как положено, попятился к дверям, и, прежде чем поклониться, снова задержал взгляд на благоухавшем офицере.

— Будет сделано, — пробормотал он сквозь зубы. ...Спустя несколько недель под звуки колоколов длинная колонна текла через город. Колыхались хоругви, испуганно вспархивали голуби. Сопровождаемая оруженосцами в красных плащах, ангелами-хранителями — мальчишками, наряженными в белые рубахи до пят, охраняемая специальным конвоем на увитых лентами конях, плыла, покачиваясь над Вилой-Рикой, статуя Сан-Жоржи — святого Георгия. Замерли перед губернаторским дворцом шеренги солдат почетного караула. Вышел при полном параде губернатор со свитой, в которой выделялся гигант Жозе Роман.

Показалась процессия. И гомон повис над толпой: удивление, негодование и — прости, господи! — даже смех! Статуя святого, чинно восседавшая на хребте лучшего скакуна из губернаторской конюшни, была точной копией этого расфуфыренного блюдолиза Жозе Романа! И ладно бы еще копией! Мулат изваял его с коварством: выпятил острые скулы, удлинил нос и широко расставил глаза, такие пустые, такие безнадежно остекленевшие, какие только и могут быть у холоуя.

Так отомстил обидчику Антониу Франсиско Лисбоа, по прозвищу Алейжадиньо, что в переводе с португальского означает... впрочем, об этом и пойдут речь в нашем рассказе.

СЫН ЧЕРНОЙ ИЗABELЬ

Сначала вас убаюкивают сухой зной, шелест шин по мягкому асфальту, ритмичные повороты. Все, что бежит навстречу ветровому стеклу машины, через несколько секунд уже проносится мимо: влево... вправо... влево... вправо... Красный срез горного склона, роища голых скользких эвкалиптов, буйная бамбуковая поросль. Стремительно наплывают предупредительные желтые квадраты знаков: «Поворот налево»... «Крутой поворот направо»... «Осторожно, юз!» И вдруг за каким-то сотым поворотом взгляд проваливается в обнажившуюся справа пустоту. И в следующее мгновение вы видите окруженную зелеными горами долину. А на дне ее и по склонам — россыпи домов, белых и серых, среди которых высятся строгие башенки храмов. Вы приехали в Ору-Прету, а еще точнее — в Вилу-Рику, как она называлась раньше, старинную столицу капитанства Минас-Жерайс. За последние три века здесь ничто не изменилось... Если не считать того, что жизнь в этом бразильском городе замерла. Остановилась.

А было время, когда все здесь кипело! В склеротические вены Португалии Минас-Жерайс делал живительные и губительные впрыскивания золота. На это золото была отстроена за морем чванливая столица Лиссабон после землетрясения 1755 года. На это золото задыхающийся от тщеславия король Португалии дон Жоан V отгрохал фантастический

дворец, в котором было 4525 окон и дверей, 114 колоколов и 880 комнат. Еще бы! Одна только шахта «Конго-Соко» в Минас-Жерайс давала в день до пятнадцати килограммов золота! А центром этого сказочного горного края была буйно растущая столица с гордым названием «Вила-Рика-ди-Носса-Сеньора-ду-Пиларди-Альбукерке». Португалия, да и вся Европа, знала тогда, в начале XVIII века, только один город в Бразилии, достойный называться городом: Вилу-Рику. Прежняя столица страны — Баия — медленно дряхла. А новая столица — Сан-Себастьян-ду-Рио-де-Жанейро? О ней толком никто ничего не знал, кроме того, что этот самый Рио-де-Жанейро служит портом, через который Вила-Рика вывозит свое золото и драгоценности в Португалию. Вила-Рика! Это магическое слово влекло со всех концов Португалии тысячи авантюристов и романтиков, путешественников и разжалованных зашурстеров офицеров, художников и плотников, которым трудновато было устроить свою жизнь в родной Коимбре или Брагансе. Десятки кораблей уходили через Атлантику к берегам Бразилии. На одном из них и отплыл в Бразилию Мануэль Франсиско Лисбоа, небогатый португальский архитектор.

Почти одновременно от берегов Африки отвалило забитое невольниками судно, в трюме которого, задыхаясь от зноя и вони, лежала закованная в цепи черная Изабель. Они встретились в Виле-Рике — Мануэль Франсиско Лисбоа и рабыня Изабель. И в 1730 году у них родился сын — Антониу Франсиско... Сын свободного человека и рабыни должен стать рабом. Но Мануэль в день крещения своего наследника подписал грамоту, дарующую ему волю. Против этого закон не возражал. В конце концов, ведь архитектор Мануэль Франсиско Лисбоа был собственником рабыни Изабель и имел полное право решать судьбу своего сына.

Мальчишка рос. Сначала он таскал за отцом инструменты, потом стал выполнять несложные поручения: обтесать заготовку из кедра, набросать контуры будущего алтаря, отполировать статую мадонны, законченную отцом. И в один прекрасный день Мануэль не без смятаения обнаружил, что шестнадцатилетний мальчишка уже режет по дереву лучше его самого! Слава богу, мальчик вроде бы росмышленным, и это радовало Мануэля: как-никак сын.

Когда мальчишке шел восьмой год, Мануэль женился на достойной белой женщине, тоже из Португалии, по имени Антония Мария де Сан-Педро, и быстро нажил с ней еще четверых. Но вот дела: первенец Антониу, рожденный черной Изабель, рос куда умнее и талантливее своих законнорожденных братьев.

Правда, примерным поведением он похвастать не мог: любил гулянуть со сверстниками, любил плясать до рассвета. И на женщин смотрел, едва стали проглядывать усы. Глядя на проделки своего чада, Мануэль сокрушенно качал головой: это, конечно, материнская кровь гуляет в жилах... Бог с ним, разве виноват он в этом!

ВИЛА-РИКА

Конечно, не только авантюристов, мастеров горного дела и умельцев привлек в Вилу-Рику певучий звон золота. Сюда спешили и слуги господни за своей долей: иезуиты и бенедиктинцы, францисканцы и доминиканцы. И каждая церковная община, каждое «братство», каждый орден воздвигали храмы, монастыри и богадельни один пышнее другого.

Смерть отца Антониу Франсиско Лисбоа встретил, когда ему было тридцать семь лет. То был период его творческого расцвета, когда заказы сыпались со всех сторон, а цены за исполняемые работы росли из года в год... Он работал с упоением и восторгом, жил весело и буйно. Он знал, что его имя называют далеко за пределами Минаса, что знаменитые португальцы, приехавшие строить храмы на богатую землю Вилы-Рики, с завистью и недовольством смотрят на дьявольски преуспевающего и — увы! — бесспорно талантливого мулата-высочку, в жилах которого течет половина «дикой» африканской крови.

Показное великолепие и процветание Минаса раздала раковая опухоль сегрегации.

Мулат Антониу Франсиско Лисбоа, достигший вершин славы, оставался все тем же полубелым, полунегром. Такие, как он, не могли быть избраны в муниципальный совет, заниматься политикой или стать судьей. Он мог строить храмы, но не мог в них войти: почти все церковные общины имели уставы, преграждающие доступ «евреям, маврам, мулатам, квартеронам или прочим поганым нациям...», Он был лишен даже права надеть изысканный костюм или украсить себя драгоценностями, потому что в 1749 году король Жоан V, тот самый, что на золото, добытое неграми Вилы-Рики, воздвиг свой сказочный дворец с 880 комнатами, издал декрет, гласящий: «...Неграм, мулатам, сыновьям и дочерям нег-

Знаменитые пророки Конгоньяса —

ров и мулатов, или детям черных матерей, ЗАПРЕЩАЮ — будь они в состоянии рабства или родившись свободными — носить одежду из шелка, бати́ста, тонких шерстей и прочих дорогих тканей, равно как пользоваться драгоценными камнями, золотом, серебром и другими дорогими украшениями, какими бы маленькими они ни казались!.. А те, кто ослушается этого декрета, должны быть наказаны «по усмотрению местных властей — заключением в карцер или битьем батогами на площади города. А в случае повторения — сосланы пожизненно на острова Сан-Томе...»

Антониу бесцеремонно шагнул в это сонное благополучное царство канонов и регламентации, где ты-

сячелетиями все было заранее известно: сколько вершков росту определил господь святому Себастьяну, какого цвета глаза были у святой девы Марии, сколькими гвоздями был приколот к своему кресту Иисус Христос... Фронтоны выстроенных им церквей, алтари и фрески, скульптуры, барельефы и медальоны, его ангелы и дьяволы, святые и пророки разорвали пропахшую сладким ладаном тишину регламентированного чопорного барокко.

Мир, оживающий под резцом Антониу, был иным, неведомым ранее миром. Заплывшие жиром святые отцы видели, что происходит что-то необыкновенное: ангелы и пророки, святые девы и великомученики сходили с отполированных тысячелетиями пьедеста-

мудрые, страдающие, неистовые...

лов и становились людьми. Их бесплотные фигуры наливались кровью, хотя и не всегда голубой! Теряя свою опостылевшую им самим непорочность, святые обретали способность не только страдать, но и мыслить. Не только смиряться, но и спорить. Не только кротко верить в добро и справедливость, но и требовать их торжества. И негодовать, не находя их в этом безумном, безумном, безумном мире...

БОЛЕЗНЬ

Так жил и работал Антониу до сорока семи лет. Затем пришла болезнь. Начали болеть суставы. Сначала глухо, потом все острее и острее. Появились какие-то странные язвы на теле. Пальцы рук и ног становились непослушными. Стало трудно держать молоток и резец... Однажды утром, пытаясь побраться, он со страхом увидел, что судорога искривила шею и смяла рот в дикой гримасе. Охваченный ужасом, он бросился к медикам, знахаркам и шарлатанам. Те полезли в свои пыльные фолианты, где были указаны снадобья для любых видов немощи. Против раннего польсения незаменим был жир медведя. От «дурной болезни» помогал порошок, изготовленный из высушенной и истолченной гадюки. Нервные расстройства лечились окуриванием дымом от перьев куропатки, либо человеческих волос, либо старых подметок, либо ослиных копыт... От всего были средства в старинных книгах. Беда только в том, что не помогли они Антониу.

Болезнь прогрессировала. Шептались старухи по завалинкам Вилы-Рожи, что это господь ниспослал кару на грешника за его беспутство в молодости. Вздыхали и крестились испуганно женщины, некогда плясавшие с ним до утра и обнимавшие на рассвете неотразимого и неутомимого мастера, а некоторые плакали горько. Народ прозвал Антониу «Алейжадинью», что означает «Несчастненький», «Отверженный», «Убогий».

Трудно сказать, что его мучило больше: страдания физические или боль, поразившая душу. Люди стали сторониться его. Когда шел он по горбатым переулкам Вилы-Рики, закутанный до пят в голубой плащ, захопывались ставни, и матери торопливо звали детишек. Он стал ходить к месту работы — в храм, где рождался очередной алтарь, — до восхода солнца, чтобы избежать испуганных взглядов соседей и случайных встреч. А возвращался затемно, когда город засыпал. Он понимал, что люди боятся его, потому что подозревают проказу. А прокаженный должен быть изгнан из города и страны. Таковы были законы предков: прокаженных не могли даже хоронить на общих кладбищах...

Потом он лишился возможности ходить: сгнили и отвалились пальцы на ногах. Трое его слуг — Маурисио, Агостиньо и Жануарио — старались не глядеть на своего хозяина. Жануарио, которому пришлось таскать Антониу на своей спине, пытался покончить с собой. Потом смирился. Приспособил мула, куда можно было усаживать хозяина. Потом сколотил для него носилки...

Прошел еще год, и случилось самое страшное: стали мертветь и отваливаться пальцы рук. И кто-то из немногих, наблюдавших развитие этой трагедии, рассказывал потом, что в ярости Алейжадинью рубил себе пальцы. Он клал их по очереди на кедровое полено и кричал Жануарио: «Руби!» И тот рубил...

Губительный недуг разъедал тело Антониу. Но дух его, неистовый и непокорный, не сдавался. Лишившись пальцев на ногах, он стал ползать на четвереньках. Потеряв пальцы на руках, он заставил

Маурио привязывать к культикам молоток и зубило. Молоток — к правой, зубило — к левой... И продолжал работать, скрываясь от людей. Загораясь в храмах и богадельнях специальным пологом, чтобы никто не мог видеть его. Что это? Отчаяние? Одержимость? Или великая сила духа? Все эти слова, впрочем, кажутся немощными, чтобы передать истинный смысл случившегося. Немного в истории искусства таких примеров одержимости, гордости и мужества.

37 лет продолжалась эта неравная схватка. 37 лет длился поединок Антониу Алейжадинью с болезнью. 37 лет медленно умирающий зодчий ваял скульптуры, барельефы, конструировал храмы и расписывал фрески инструментами, привязанными к изуродованным кистям рук. Именно так, с помощью молотка, привязанного к обрубку правой руки, и зубила, прикрепленного верным Маурисио к остатку левой кисти, он создал главное дело своей жизни, величайший памятник, который не занял в учебниках и монографиях по истории искусства места рядом с бессмертными творениями мировых мастеров лишь потому, что ученые мужи еще не открыли его. Потому, что мир еще почти ничего не знает об этом поразительном взлете человеческого гения.

Речь идет о мало известном за пределами Бразилии храме в городке Конгоньяс-де-Кампо.

ПРОРОКИ КОНГОНЬЯСА

От Ору-Прету до Конгоньяса — около сотни километров. У столбика, отмечающего 389-й километр, если отсчет вести от Рио, — поворот налево. Вскоре после поворота мы увидели перед самым капотом машины некую фигуру в сером мундире, строго вздернувшую вверх руку. Взвизгнули тормоза, машина послушно остановилась. Фигура приблизилась к водителю.

— Вы хотите посетить Конгоньяс-де-Кампо?.. — в голосе звучал металл, но на подбородке предательски вздрагивал редкий, еще не тронутый бритвой пух.

— Да...

— Тогда разрешите представиться. Я — член местной организации бойскаутов — Жозе Кейрос Фильо. Наша организация помогает туристам: показываем дорогу, объясняем, что непонятно... И все такое прочее. Если вы не возражаете.

Мы не возражали. Отодвинув ногой сумку с бутербродами, розовошекий лоцман уселся рядом с водителем, вздохнул озабоченно и распорядился:

— Пожалуйста, прямо.

Пока «аэровиллис» нервно вздрагивал на окраинных ухабах и опасно перебирался через скрипучие мостки, Жозе беглыми мазками рисовал портрет Конгоньяса: «Около двенадцати тысяч жителей, две газеты, госпиталь на девять коек, одна «синема» и четыре телефонных аппарата... Основан в 1700 году...» Насчет этого ни у кого сомнения не возникали: крохотные домишки с осыпающейся черепицей, покосившимися оконными рамами и потрескавшимися скрипучими дверьми действительно выглядели на двести семьдесят лет, никак не меньше.

На высоком холме, высившемся над городком и окрестностями, виднелся храм «Бон Жезус де Матосиньос». Скромный и строгий, ничем не примечательный храм...

Пока машина по петляющим боковым улочкам взбиралась на вершину холма, Жозе Кейрос Фильо вводил нас в курс дела: «Храм был построен группой архитекторов, в их числе Мануэль Родригес

Коэльо, Жоан де Карвальяс, Иеронимо Феликс... Однако своей славой он обязан в первую очередь статуям двенадцати пророков, установленным при входе. Эти статуи, — закончил монотонно, словно читая текст по бумажке, наш гид, — принадлежат резцу известного скульптора. Алейжадиньо...»

Тут мы выехали на площадь перед храмом, и «представитель организации бойскаутов» взмахнул рукой, указывая на место возможной стоянки автомобиля, а затем поглядел на нас с необычайно довольным видом, словно это он, а не Алейжадиньо высек из серого «педра-сабана» — «мыльного камня» — двенадцать скульптур, расположенных вдоль лестниц и террас, сооруженных у главного входа.

Двенадцать пророков: Исайя, неистовый старец, бросающий в лицо каждому, кто проходит мимо, гневные слова. Молодой красавец Даниил, погруженный в какую-то вечную думу. Абдиас, властный и гордый, предупреждающий о близости страшного суда. Страдающий Иеремия, рассудительный и уверенный в себе Барух. И все остальные — согретые жарким сердцем больного художника — усталые и грустные, гневные и мятежные, они словно ведут нескончаемый, длящийся веками спор друг с другом. О смысле жизни, о ее жестокости, о людской несправедливости, о неизбежности, неотвратимости конца и о том, что, несмотря на все это, на несправедливость и жестокость этого мира, придет когда-то час справедливости. И пусть бояться этого часа, этого дня дьявольские силы, живущие в людях и среди людей...

Двенадцать пророков... Кажется, что больной художник, собрав последние силы, вложил в них свою душу, отдал им гаснущее в собственной груди тепло.

Но это еще не все. По аллее, ведущей к храму, стоят шесть маленьких часовен. Внутри их во влажном, пропахшем плесенью и гнилью полумраке находятся еще 66 деревянных, вырезанных из кедра скульптур Алейжадиньо, объединенных в семь сцен, изображающих «страсти Христовы»: весь печальный путь «Жезуса» (так по-португальски произносится имя Иисус) от тайной вечери до распятия. Вот он, Иуда Искариот. На его деревянном теле — следы ножей и застрявшие пули: истеричные паломники уже 150 лет сводят с ним счеты, вымещая на безответном куске кедра древнюю, как мир, ненависть и презрение к предателям и шкурникам. «Жезус»... Вероятно, миллионы раз художники всех эпох, народов и цветов кожи воплощали эту евангельскую фигуру в бронзе и гипсе, на холсте и в камне. Алейжадиньо был одним из первых, если не первым, кто сохранил страдальческое, скорбное, классически-смирненное выражение лица Иисуса, наделил его мускулистым телом атлета. Почему? Зачем он это сделал? Много таких вопросов можно задавать Алейжадиньо. Почему он часто сознательно менял положение стоп у своих скульптур, как это видно, например, у пророков Исайи или Иеремии?.. Правая нога неестественно вывернута вправо, а левая — влево, словно пророки спутали башмаки, надев правый на левую ногу, а левый — на правую...

Почему во многих своих работах Алейжадиньо, прекрасно знавший анатомию человека, вдруг разрушал привычный рисунок кисти руки, делая все пять пальцев параллельными, не выделяя большой палец? Почему у некоторых пророков, например у Исайи, обнаруживаются дефекты в изображении рук? Что это: своеобразная «подпись» мастера, желającego таким образом навечно удостоверять подлинность своих работ? Или, быть может, страдаю-

щий художник сознательно наделил свои творения своими личными муками, болями, недугами?..

Впрочем, главная тайна его творчества, секрет его необычайной выразительности кроется, конечно, не в деформации рук или ног пророков и ангелов, апостолов и святых дев, а в удивительной мягкости всего того, что выходило из-под его резца. И не было ли бунтом его неистовое, почти еретическое страстное искусство?.. Бунтом против тысячелетних неприкасаемо-святых догм «красоты», «благолепия», «благочиния», прикрывавших розовыми облатками фресок и алтарей столь же древние, терзающие мир язвы фарисейства, жестокости и предательства? Ведь он — этот мулат, потомок африканцев — все это испытал на себе: и фарисейство святых отцов, и жестокость власть имущих, и предательство друзей, отвернувшихся от него в трудную минуту.

На эти и десятки других вопросов никто еще не ответил. Потому что творчество Алейжадиньо остается до сих пор столь же плохо изученным, как и его жизнь. Возможно, «просвещенный мир» продолжает пребывать под воздействием суждений первых европейцев, столкнувшихся с этим феноменом. Один из них — немецкий барон Эшвег, посетивший Минас еще в 1811 году, то есть при жизни Алейжадиньо, писал с хладнокровным высокомерием о пророках Конгоньяса: «...их одежды и фигуры иногда безвкусны и лишены пропорций. Но все же не следует игнорировать достоинств художника, который был самоучкой и никогда не видел подлинно великих произведений искусства».

Сами бразильцы лишь сейчас начинают осознавать истинное величие этого мастера. Только начинают... Большинство историков, журналистов и искусствоведов едва ли не основное внимание уделяют выяснению загадочной болезни Алейжадиньо. А между тем до сих пор выявлена лишь небольшая часть его произведений, масса неопознанных работ рассыпана по сотням церквушек, монастырей, часовен, богadelen и частных коллекций Минас-Жерайса. А те, что опознаны и внесены в каталоги, — шедевры, способные украсить залы лучших музеев, медленно гибнут, разрушаясь под действием солнечных лучей, убийственной тропической влажности и истеричных богомольцев и зевак-туристов, варварски обращающихся с безнадзорными скульптурами, барельефами, фресками.

...В последние годы жизни ему стало совсем плохо. Чувствуя приближение конца, он перебрался в дом к племяннице, престарелой повитухе Жоане. Вместе с ней за умирающим ухаживала соседская старушка Елена, заставлявшая его глотать новые и новые снадобья... Увы, не помогло.

После этого страдания продолжались еще около двух лет. Все это время он лежал на грубом топчане в темной каморке, моля бога о ниспослании смерти как избавления. Он погибал в муках, но разум не покидал это изуродованное, парализованное тело до последней минуты. До 18 ноября 1814 года, когда он умер в возрасте 84 лет двух месяцев и двадцати дней.

...Я хотел поставить здесь точку, но, прочитав написанное, подумал, что жаль расставаться с художником на такой грустной ноте. Поэтому закончу высказыванием одного из директоров Лувра, приехавшего недавно в Бразилию договариваться об издании во Франции альбома работ «Убогого Мастера»: «Перед нами достижение человеческого духа, которое ждет еще своего эпоса».

Ору-Прету — Конгоньяс —
Рио-де-Жанейро

РОБЕРТ БЛОХ

КОШМАР НОМЕР ЧЕТЫРЕ

Фантастический памфлет

Мы решили, что это розыгрыш, прочтя в вечерней газете заметку о каком-то полоумном изобретателе из Джорджии, который будто бы придумал способ печатать на воздухе.

Не дымовые сигналы и не телевидение, а новый аппарат, печатающий слова прямо на воздухе, да так прочно, что ветром не сносит.

Так было написано в газете. Но что такое газетная заметка, чтобы принимать ее всерьез? Только что посмеяться. Или сказать жене:

— Интересно, что они выдумают в следующий раз!

Большинство читателей, наверно, даже и не обратило на нее внимания. Тем сильнее все были огорочены, когда рекламодатели ухватились за эту идею.

Помню, как я, выглянув утром в окно, увидел висящие в воздухе слова (представляете себе, висят буквы — черные, жирные!) и прочел:

«Ты не забыл купить сегодня хорошее слабительное, приятель?»

Помню, я зажмурился.

Буквы словно напечатанные типографской краской, но совсем твердые. И не сдвинешь.

Так это началось. А когда я вышел из дому, направляясь на службу, то на улице увидел еще рекламы:

«Мыло «муке» самое целебное для кожи!»

«Вы сдали ваши меха на летнее хранение?»

«Смените сегодня масло в коробке скоростей!»

Пассажиры в автобусе удивлялись. Но и только.

Поначалу буквы были небольшие, всего каких-нибудь полметра, черные на белом фоне:

«Для молодых — коскен-кола!»

Вскоре можно было среди бела дня увидеть людей с большими шприцами, из которых они выдавливали буквы. Народ собирался в кучки и смотрел, как они это делают.

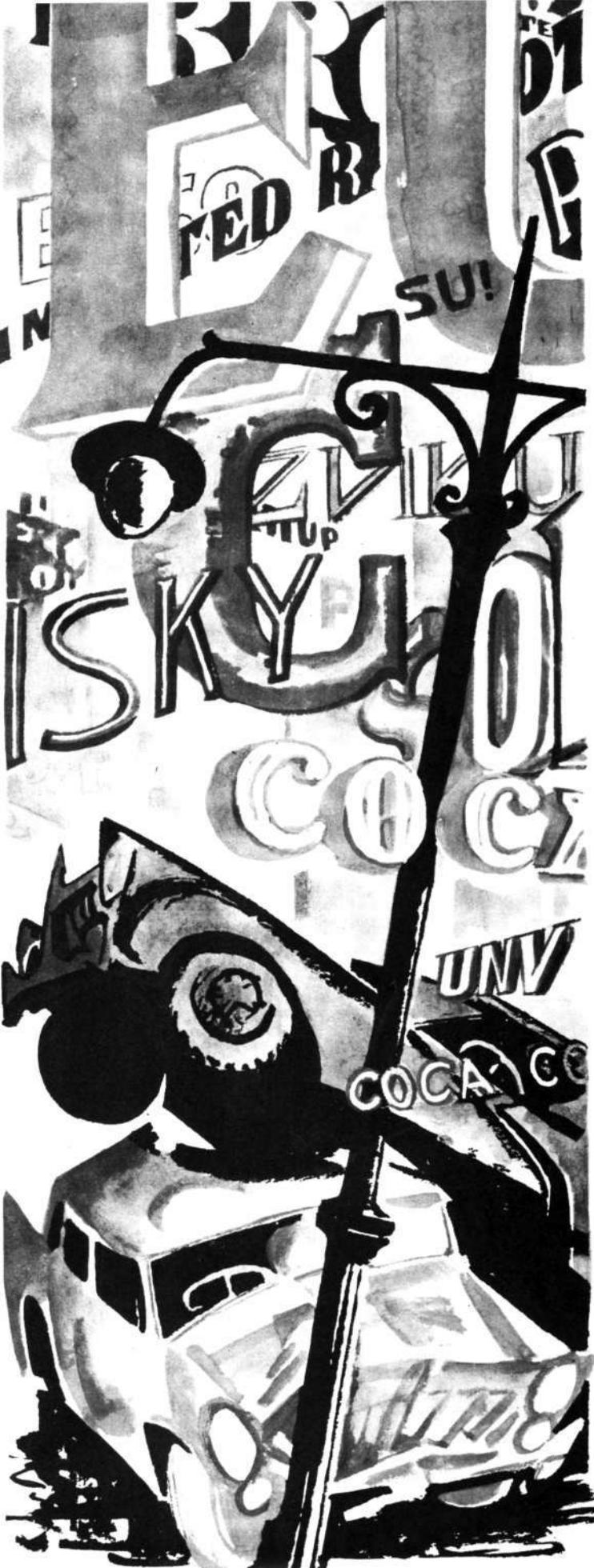
Новая реклама стала предметом эстрадных шуток и фельетонов, о ней сочиняли песенки.

Но еще никто не писал негодующих писем в газеты.

А текстов становилось все больше, они появлялись

над газонами,
над дорогами,
над домами,

Рисунок Н. ГРИШИНА

и улицы начали задыхаться от нескончаемых объявлений.

Куда ни повернешь — всюду чернеют слова. Домовладельцы подавали в суд на рекламодателей, но ведь воздух никому не принадлежит! Решили судьи.

Водители машин жаловались, что не видят дороги из-за реклам. Резко возросло количество несчастных случаев.

Гибли люди, но рекламы оставались. Чтобы больше покупали хлеба. Чтобы покупали средства, помогающие переваривать хлеб. Чтобы покупали слабительное, помогающее очистить кишечник от хлеба. Когда он будет переварен. После чего, само собой, опять нужна реклама хлеба.

Так и шло, и мы бы, наверно, привыкли со временем, если бы буквы не начали становиться, больше и толще. Сперва полметра. Потом метр. Затем два метра, при толщине в полметра. Воздух почернел, его совсем загадили.

Пошло в ход какое-то секретное вещество, от запаха которого людей мутило. Правда, вреда оно не причиняло.

И появилась новая реклама:

«От тошноты принимайте понарол!»

На всякий недуг находилось лекарство — на всякий, кроме слепоты, помешательства и зрелища этих вечных реклам, от которых нигде не было спасения. Они извивались среди бельевых веревок в трущобах, парили над плавательными бассейнами в садах, перегораживали улицы, черной тучей висели над городом...

«Мягчайшая туалетная бумага!»

«Неделя, усиленного потребления!»

«От угрей можно избавиться!»

«Худейте с удовольствием!»

Потом рекламы сделали цветными и световыми, чтобы их было видно ночью. И сразу резко участились случаи слепоты и помешательства. Все обычные рекламы исчезли, ведь новый способ был дешевле и прибыльнее.

Вот только слова начали цепляться друг за друга. Посмотришь в окно — все небо в смазанных буквах...

А тут еще придумали использовать насеко-

мых. Не знаю уж, то ли им привинки сделали, то ли натаскали их каким-то способом, чтобы они писали слова. Во всяком случае, шприцы исчезли. Теперь буквы выходили из насекомых. Не иначе их откармливали в каком-нибудь рекламном бюро.

Изобретение очередного гения...

Разумеется, была сделана попытка ввести новые законы — как всегда, когда поздно что-либо предпринимать. И теперь было поздно. Насекомые уже распространились повсюду. Черные рои, тучи насекомых извергали буквы из толстых брешек. Соблюдалось разделение труда: одна козявка делает черточку, другая — запятую, третья — точку.

Сами понимаете, это было началом конца.

Слишком много насекомых.

Слишком трудно их обучать, слишком трудно контролировать. И они начали размножаться безудержно.

Размножаются, всюду летают и всё пожирают. Они гнездились в ящиках со слабительным. Точили всякую тару. Сверлили дыры в картонках с понаролом.

Теперь уже не было никакого резона сдавать меха на летнее хранение.

Все равно насекомые их пожирали, размножаясь еще больше.

Небо вконец почернело. Черным-черно от насекомых. Поздно что-либо предпринимать. Начались эпидемии, голод. Вызвали войска.

Но что сделаешь штыком против насекомого? К тому же очень скоро, когда эпидемии и голод сделали свое, не осталось потребителей.

Не осталось даже — лучше поздно, чем никогда! — рекламодателей.

Только насекомые беспорядочно летали в загаженном воздухе между словами, потерявшими всякий смысл теперь, когда их некому было читать!

Глаза насекомых оглядывали сверху пустой мир, где не осталось ничего, одни слова...

Хорошо еще, мне удалось уберечь несколько слов, чтобы записать этот рассказ...

который перевел с английского
ЛЕВ ЖДАНОВ

ГОСТИ ИЗ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Во время раскопок на месте старинного французского аббатства Сандра были обнаружены прозрачные слепые креветки. Их биологический возраст, как показали исследования, 15 тысяч лет; иными словами они относятся к ледниковому периоду. Креветки живут в колоде на глубине 30 метров. Попадая на свет, они немедленно погибают. Как предполагают французские исследователи, существование креветок объясняется тем, что на дне колодца, видимо, сохранился микроклимат ледникового периода.

МАТЕМОРФОЗЫ КАПЛИ ВОДЫ

Группа советских исследователей провела ряд экспериментов с водой, пропуская ее через магнитное поле. Результаты оказались совершенно неожиданными. Изучая физико-химические свойства воды, испытавшей действие электромагнитного поля, заметили, что у подобной воды меняется плотность, поверхностное натяжение, электропроводность. Было решено проверить свойства так называемой униполярной воды — воды, прошедшей через северный или южный полюс магнита. Оказалось, в отличие от диполярной воды

униполярная сохраняет вновь приобретенные свойства не двое-трое суток, а несколько недель. Кроме того, установили исследователи, прибавление униполярной воды, в рацион питания некоторых животных вызывает значительное увеличение потомства и веса.

Меняются некоторые свойства «намагниченной» воды при низких температурах.

**Загадки
Проекты
Открытия**

**И. ГОРЕЛОВ,
Л. СЕРЕГИНА**

КОГО

Речь пойдет о том, как поймать дикого зверя. И о тех, кто этих зверей ловит.

Один из профессиональных ловцов животных, Карр Хартлей, о себе и своих коллегах говорит следующее:

«Широкая публика считает наше занятие куда менее опасным, чем охоту. Где нам до прославленных героев сафари! А в сущности, какая между нами разница? Мы, как и охотники, выслеживаем дикого зверя. Правда, дальше мы не палим по нему из всех калибров. Наоборот, мы стараемся, чтоб со зверя ни одна шерстинка не упала. Понятно, что любому животному рандеву с нами куда приятнее встречи с охотниками. Стоит ему наткнуться на охотника, и он через час уже лежит налегке, освобожденный от шкуры. Мы же открываем перед зверем новую жизнь. Не такую, конечно, привольную, как прежде, но все же достаточно экзотическую: зоопарк, цирк, а то и роли в кино».

О том, как ловят некоторых зверей, мы и собираемся здесь рассказать.

БЕЖИТ ЛИ ЗВЕРЬ НА ЛОВЦА?

На этот вопрос ловцы в принципе отвечают отрицательно. Скорее им приходится бегать за зверем. Однако прежде всего надо выяснить, какого зверя следует ловить.

В начале века предпочитали зверя большого, матерого, в особенности если речь шла

И КАК ЛОВЯТ

о хищнике. Оно и понятно: ведь на зоопарки тогда смотрели прежде всего как на своего рода цирк, балаган, где «почтенную публику» потешают представители редкой фауны. Зверь должен был угрожающе скалить зубы, устрашающе реветь, пугающе кидаться на толстые прутья клетки. В общем, он должен был шекотать посетителю нервы и напоминать ему, что пока он тут прохлаждается да прогуливается у себя в городе, где-то там в джунглях кипит и бурлит таинственная, полная опасностей жизнь. А такому стандарту удовлетворял лишь взрослый зверь.

Добавим к этому, что зрелый возраст зверя был гарантией его здоровья. И с воспитанием не надо было возиться: из западни он попадал прямо на борт корабля, а с корабля — в клетку.

Конечно, при этих условиях зверь долго не протягивал. Никакие правила карантина и акклиматизации не соблюдались, хотя о важности их еще в середине прошлого века писал Альфред Эдмунд Брем.

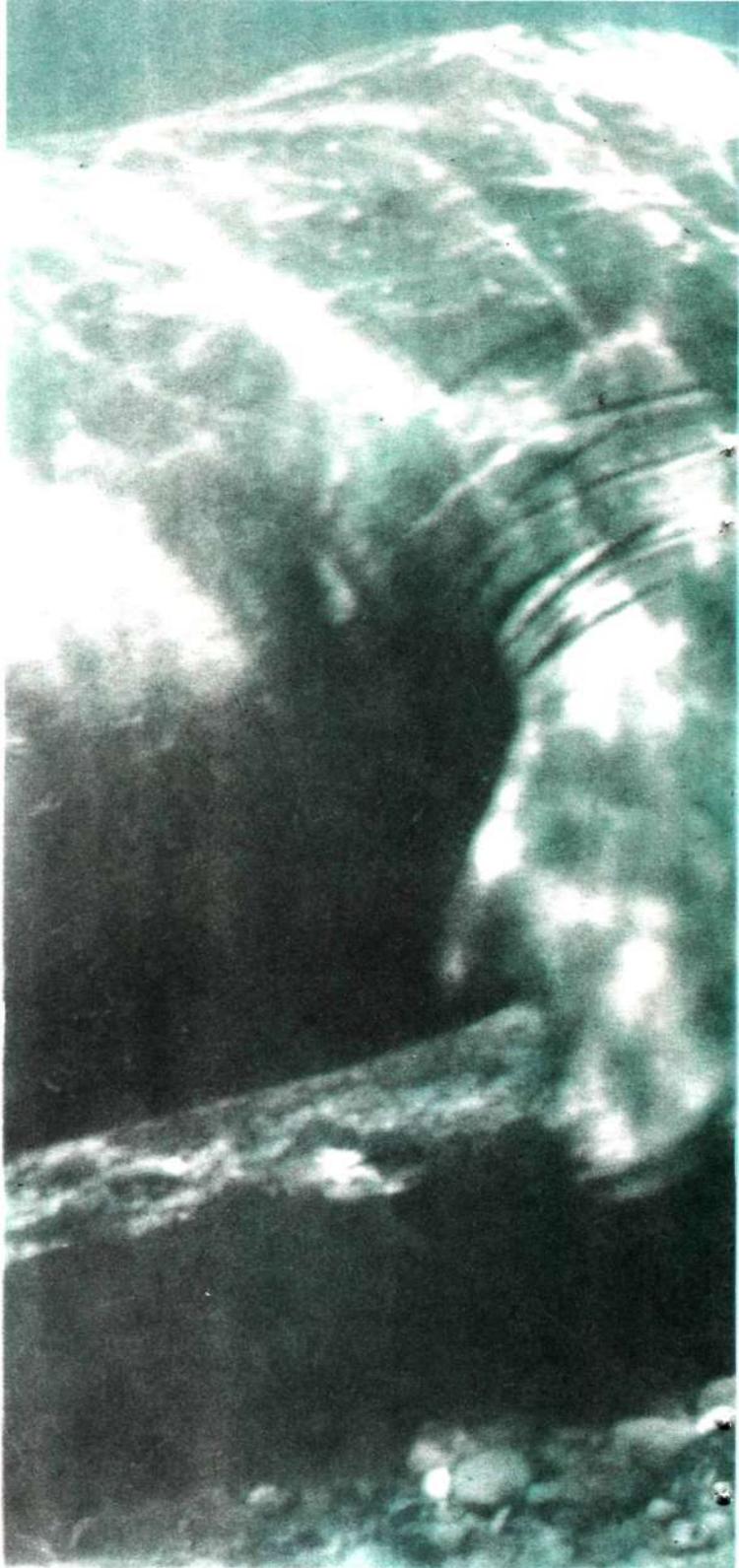
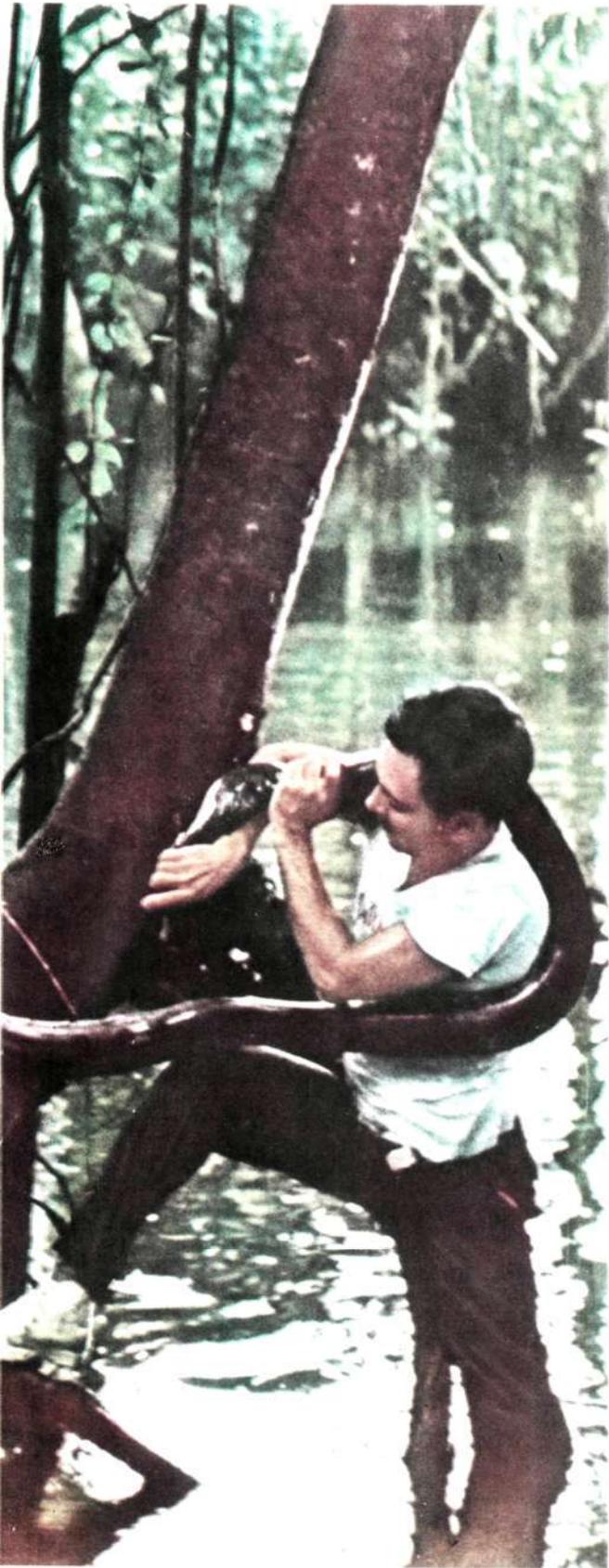
Один из первых парков для акклиматизации зверей создал под Парижем Поль Берголе. Там впервые европейцы увидели забавных львят и потешных тиграт. Зверюшки вскоре даже вошли в моду, на них (вернее, на их продаже) сделал себе карьеру некий торговец из Ливерпуля по фамилии Роджерс.

В наше же время из пяти отлавливаемых крупных млекопитающих трое — совсем малыши, а двое — едва вступили в юношеский возраст...

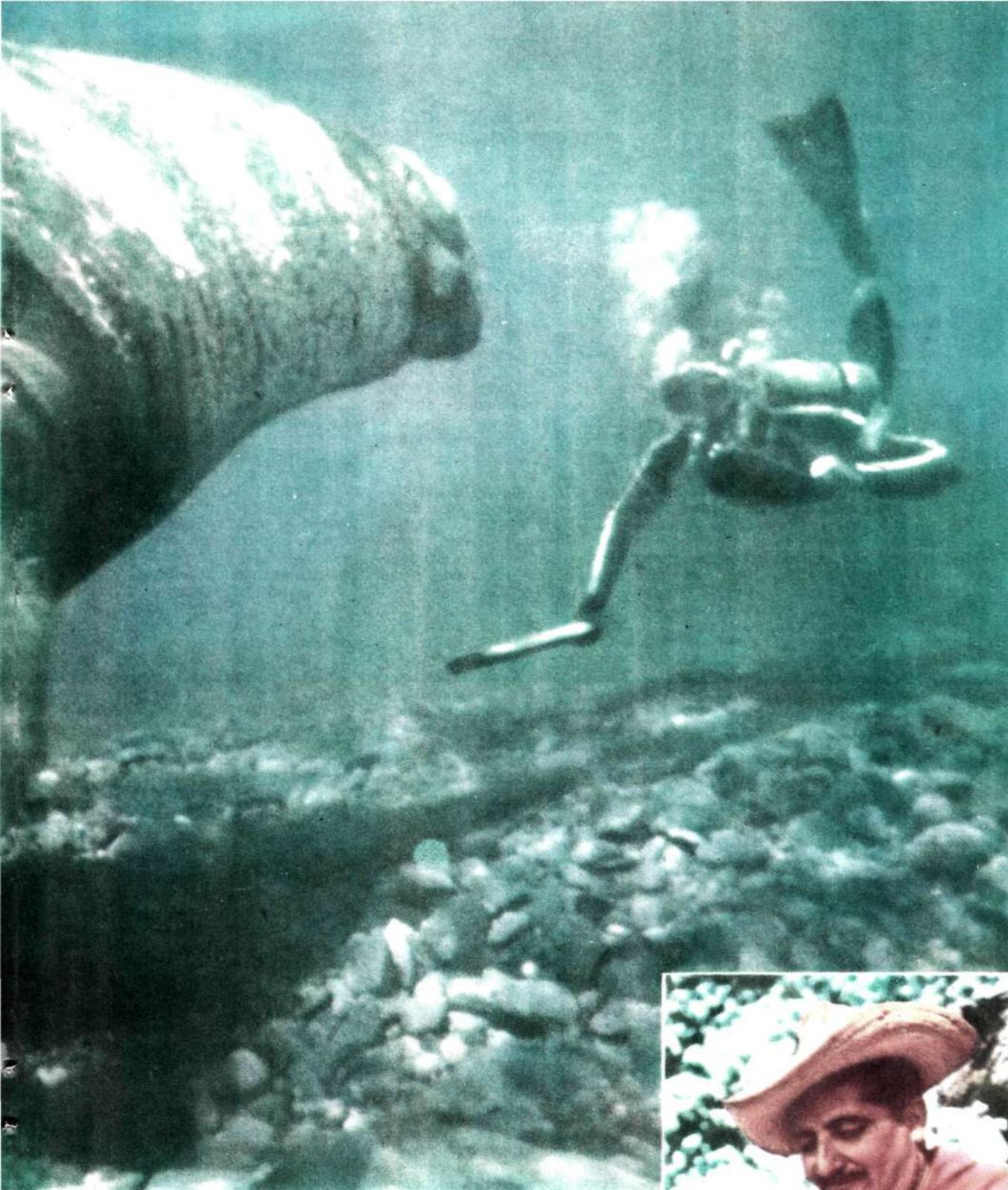
КОПАТЬ ЛИ ЯМУ ДРУГОМУ?

Да, отвечают специалисты, копать. Эта ловушка до сих пор наиболее популярна среди ловцов зверей. Называется она западня. Как ее делать? Вырой на тропе, ведущей к водопою, хорошую яму, замаскируй ее и, набравшись терпения, жди, когда в нее свалится зверь. Сейчас, правда, эта западня модернизировалась: под предательским настилом из хрупких ветвей укрепляется нейлоновая сеть. Это чтобы зверь не поранил себе при падении лапы и чтобы облегчить его изымание из ямы. Конеч-

Бразильский ловец анаконд объясняет свои профессиональные хитрости: змею надо хватать за голову, тогда она сразу станет покладистой. Только хватайте, не мешкая, пока анаконда не обвила вас своими стальными кольцами. Иначе это будет ваша последняя добыча.

Большая охота на морского слона у берегов Гваделупы. Если сравнить размеры человека и морского слона, то человек здесь сильно проигрывает. Это обстоятельство приводит четырехтонного гиганта в состояние полного благодушия, он тут же и весьма охотно вылезает вслед за аквалангистом на берег, чтобы получше рассмотреть эту «малявку». На берегу, однако, слона поджидают все участники киногруппы Филиппа Кусто-младшего, тотчас набрасывающие на будущего киногероя лассо.

Еще один бразилец — Рауль Вейра да Сильва специализируется на ловле паукообразных обезьян. Ниже следует краткая инструкция, составленная да Сильвой для любителей этой охоты. «Осторожно подойти к ветке, на которой развалилась ленивая обезьяна. Незаметно опустить руку в карман и резко выхватить пистолет. Можно, впрочем, и не пистолет — выхватывайте что угодно, лишь бы это «что угодно» блестяло. Будьте уверены — обезьяна тут же уставится на этот предмет, она будет тарачиться на него как загипнотизированная. Можете смело снимать ее другой рукой с ветки и отправлять в мешок».

но, прежние сетки, сплетенные из «прочной пеньки» или «упругих лиан», куда романтичнее, но зато нейлон не сохраняет запаха человека. Кроме того, в арсенал ловцов включены новинки техники, скажем система радиооповещения: как только нейлоновая сеть «заполняется», в комфортабельной «засаде» ловца раздастся рев сирены и зажигается лампочка, извещающая, что зверя пора вынимать.

В Азии придерживаются пока традиционного способа лова. Там набрасывают на тигра сеть сверху, с деревьев, или, растелив ее предварительно на земле, подтягивают вместе с тигром наверх. К сожалению, традиционны при этом способе и «профессиональные травмы».

Теми же сетями отлавливают обезьян и птиц. Поль Берголе, о котором у нас уже шла речь, за сорок лет поймал двадцать четыре гориллы. Для того чтобы достичь такой производительности, Берголе был вынужден приобрести фабрику, производящую рыбацкие сети. Ничего в этом удивительного нет — одна горилла, попавшая в его ловушку вместе с детенышем, разорвала больше километра «прочных пеньковых сетей».

Различаются и засады. Есть, например, пивная засада. Пользуясь терминологией рыбаков, можно сказать, что на пиво хорошо идет шимпанзе. Шведский профессор Моландер, большой специалист по пивной ловле, поступает так: заметив на дереве шимпанзе, он ставит на землю у ствола пару кувшинов с прохладным, достаточно крепким пивом. О любопытстве обезьян известно настолько широко, что, похоже, лишь сами обезьяны не знают о нем. Ни одна из них не может удержаться от того, чтоб не попробовать содержимое кувшинов. Дальше все до смешного просто. Просто — потому что после того, как обезьяны отведают пива, их можно брать голыми руками, а до смешного — потому что шимпанзе в этот момент ведут себя как клоуны.

Наконец, еще одна разновидность ловли в ловушку — индийский способ «кхедда». Он состоит в том, что диких слонов заманивают в загон с помощью слонов прирученных. Впрочем о кхедде наш журнал уже писал не так давно...

КАК БЫТЬ СО ЗВЕРИНЫМИ ИНСТИНКТАМИ?

Ловцы прежде всего различают зверей по реакции — что сделает зверь, когда увидит человека: бросится на него или от него. Допустим, от. Допустим, это носорог. Тогда ловец вскакивает на вездеход и мчится за удаляющейся огромной и чертовски ловкой четырехтонной тушей. Когда спидометр покажет 70 километров в час, туша начинает понемногу приближаться. Один из ловцов, стоящих в кузове, еще раз тщательно проверяет кольцо лассо и берет в руки длинный шест. До схватки осталась минута...

Люди охотились на носорога еще в четвертичный период — тогда это занятие было и опасным, и благородным, и необходимым. До наших дней дошли мифы о гигантских единорогах, таскавших по лесам и долам по три-четыре слона, низанных на рог. Шло время, и охота на носорога стала больше походить на истребление. В Азии и Африке, например, белые колонисты чуть не извели под корень носорожье племя. (Последний раз массовое истребление носорогов произошло в Конго в 1963 году, когда отряд наемников ворвался в заповедник Гарамба и расстрелял пулеметными очередями девятьсот носорогов!) Первый парк-заповедник был основан на юге «Черного континента» в 1894 году. С тех пор, особенно после того, как страны Африки обрели независимость, сеть заповедников все больше расширялась; они появились в Восточном и Центральном районах Африки. С увеличением заповедников прибавилось работы и профессиональным ловцам. Работы сложной, даже опасной, но все более необходимой людям: ведь важно «переселить» этих «танков саванны» в безопасные места, под надзор.

Чтобы остановить такого гиганта, как носорог, каждый член группы должен точно и в совершенстве знать свое дело. Не много бы стоило мастерство, с которым ловец управляется с лассо, не будь его напарник настоящим асом-водителем: 70 километров в час — это немного, но 70 километров в час между деревьями, колючим кустарником, акациями и,

главное, между ямами, вырытыми муравьями и гиенами, — это уже класс.

Самое важное — не дать носорогу добраться до плотных зарослей кустарника. Там-то он наверняка уйдет. Едва вездеход приближается к носорогу, ловец поднимается в кузове и оттуда бросает поверх роговой головы носорога свое лассо. Новая фаза охоты — бешеная скачка в носорожьей упряжке. Лассо должно быть все время натянутым и в то же время готовым в любую секунду ослабнуть, если носорог от испуга вдруг рванется вперед или в сторону. Мягко, не торопясь, как подводят на леске крупную рыбу, сдерживает ловец бег четырехтонного пленника, постепенно подтягивая носорога к машине (или, может, машину к нему?). Как только носорог выдохнется, из кузова выскакивают десять ловцов, связывают поверженного зверя «по рукам и ногам» и запеленатого поднимают в кузов.

С лассо охотятся и на животных помельче — зебр, крупных антилоп, жираф. Но это вовсе не означает, что всякая охота с лассо походит одна на другую: к каждому животному — свой подход, для ловца это аксиома. Даже ежа или дикобраза просто так, голыми руками не возьмешь. Посмотрите, например, как последовательно опытный ловец использует слабости страусиной натуры.

Как известно, страус, хотя и весит полторы сотни килограммов, — классный бегун, догнать его не легко даже на автомобиле. Но вот вам первые его слабости: страус не боится человека, а потому спокойно подпускает машину метров на восемьдесят, и второе — его стартовая скорость относительно невелика. Начинается гон. Ловец, выбрав из стада экземпляр получше, отгоняет его от товарищей. Как только страус начинает выдыхаться, ловец накидывает на него лассо (со страусом нужно быть особенно осторожным — шея у него хрупкая) и постепенно замедляет его бег. Едва машина поравняется с «семенящей» по саванне птицей, ловец прыгает ей на спину и валит на землю. Далее следует абсурдная, на первый взгляд, операция — ловец вынимает из кармана платок и плотно завязывает

глаза пленной птицы. Вот вам классический пример использования в сугубо практических целях «страусиной политики»! С завязанными глазами пленный страус чувствует себя так же спокойно и уютно, как в тех случаях, когда он зарывает голову в песок. Трогательная вера страуса в то, что теперь, когда он ничего не видит, все опасности позади, избавляет его от неминуемого шока, способного остановить биение сердца.

Дальше просто: связанного страуса грузят в машину и везут к новому месту жительства.

КТО КОГО ЛОВИТ?

Акул, этих «тигров океана», в море предостаточно — 350 видов. Однако «морских тигролов» на земном шаре считанные единицы. К их числу, бесспорно, относятся американцы Джил Соули и Джон Маклолин, работающие голыми руками. И дело не в том, что они такие уж отчаянные храбрцы. Просто их улов должен отвечать жестким требованиям: ведь они поставляют акул научным и коммерческим океанариумам, а раненые экземпляры нещадно бракуются.

Их метод ловли акул при всей своей кажущейся фантастичности исходит из строго проверенных фактов. Во-первых, «тигры океана» не отличаются острым зрением. Зато у них развито «шестое чувство» — своеобразная комбинация сонара и радара, позволяющая воспринимать создаваемые рыбой или человеком звуковые и механические колебания на значительном расстоянии. Наконец, еще одна важная особенность: акула получает необходимый ей кислород из воды, только при быстром движении и, следовательно, не может длительное время оставаться неподвижно на одном месте. Эти три момента и составляют теоретическую базу ловли «тигров океана». Сама же охота, в сущности, сводится к довольно простым приемам, которыми при желании может овладеть почти каждый.

Сначала на крючок насаживается наживка — для этого можно использовать даже старую шляпу, но лучше кусок ры-

бы, — и забрасывается в воду безразлично в какой точке океана, лишь бы там водились акулы. «Не бойтесь, они не заставят вас долго ждать, — гарантирует Соули. — Минут через пятнадцать, когда вы с облегчением убедитесь, что не вылетели за борт после сильнейшего рывка, можете считать, что рыбка клонула. Полдела сделано. Теперь нужно часика два-три поводить акулу на крючке, чтобы сбить с нее пыл. При этом постарайтесь не вывихнуть плечевые суставы, так как позднее они еще понадобятся вам. Если это удастся, можете минут пять передохнуть, прежде чем приступать к заключительной фазе».

Сами Соули и Маклолин делают это так. Надежно закрепив канат с попавшейся на крючок акулой и надев акваланги, они ныряют в воду и осторожно подплывают к притомившейся пленнице. Затем они вцепляются в грудные и спинные плавники, стараясь лишить акулу всякой мобильности. «Помните, что подплывать следует сзади, так как даже у усталой голубой акулы хватает сил, чтобы лишить вас любой из половин вашего тела, — рекомендует Маклолин. — Сколько бы акула ни трепала вас, бога ради не выпускайте пленницу. Через какое-то время из-за кислородного голодания акула станет похожа на вашу милую старую тетушку, когда та выпьет рюмочку портвейна, опьянеет и обмякнет. Тут уж не теряйтесь. Берите рыбку под плавники и не спеша, деликатно тащите в заранее приготовленную клетку».

«Морские тигроловы» не скрывают, что ловля океанских людоедов порой сопряжена с неприятностями. Так, однажды, когда они пытались «заарканить» четырехметровую акулу-молот, та сорвалась с крючка. О том, чтобы удержать акулу на месте, пока она не «опьянеет», нечего было и думать. «Мы оказались на каком-то взбесившемся «чертовом колесе», — вспоминал позднее Соули, — и были заняты только тем, что отчаянно старались удержаться на нем. Дело в том, что незадолго до этого мы получили кредит от флоридского океанариума и не хотели отправляться на тот свет с неоплаченными долгами, чтобы не подрывать нашей деловой

репутации. К счастью, на мгновение раньше, чем нас оторвало от этой подводной карусели, Джон ухитрился двинуть акулу по носу налитой свинцом дубинкой».

Если не считать подобных неприятных, но, увы, неизбежных мелочей, Джил Соули и Джон Маклолин убеждены, что профессия «морского тигролова» ничуть не опаснее, скажем, профессии охотника на зайцев. Единственно, что, по их мнению, обязательно нужно усвоить начинающему ловцу, так это то, что если вы даже держите акулу в руках, еще неизвестно, кто кого поймал...

МНОГО ЛИ ЗВЕРЮ НАДО?

Такой вопрос встает каждый раз, когда на ловлю отправляются последователи наисовременнейшего способа ловли — химического. Этот способ довольно прост и внешне напоминает обычную охоту. Только из дула особого ружья в животное летит не свинец, а капсула с наркотиком. Способ этот хорош при отлове любого животного, которое подпускает человека на близкое расстояние (вспомните хотя бы, как отлавливали диких животных участники операции «Гвамба», спасавшие их от наводнения в Гвиане, — об этом рассказывалось в «Вокруг света» № 8 за 1969 год). Однако он просто необходим в тех случаях, когда животное невозможно преследовать — попробуй погоняйся, к примеру, за птицей или бегемотом, который при первой опасности норвит нырнуть в спасительную воду.

Самое важное и самое трудное в этой охоте — рассчитать дозу наркотика в зависимости от физиологических характеристик животного. Излишняя доза может загубить зверя, да и недостаточная в некоторых случаях тоже может оказаться фатальной. Представьте себе, что произойдет, если усыпляющий наркотик начнет действовать на бегемота после того, как тот погрузится в воду!

Так, вкратце, и ловятся звери. Как видите, способов много и если что и объединяет их, то это, несомненно, обязательная и глубокая подготовка самих ловцов. И заметьте: подготовка не только физическая...

Иннокентич сердился, если его называли охотником. «Промысловик!» —правлял он и скрипел зубами. Но вообще-то он злился и по всякой другой причине. В войну его контузило, и с тех пор, чуть что не по нем, он, как говорится, лез в бутылку.

И я уже подумывал, что зря связался с контуженым — так его за глаза называли мои дружки.

После войны он никогда не брал с собой в тайгу товарища. Промышлял один. И в поселок, к жене, приходил только по праздни-

под левым глазом красовался, что было, то было. Так вот, когда я поздоровался с Иннокентичем, он остановился. Раньше-то словно и не замечал меня! И я уже подумал, сейчас он прочтет какую-нибудь лекцию. Ну, о вреде алкоголя, и все такое. Промелькнуло в его волчьих глазах что-то «отеческое»: так я называю то выражение, с которым человек готовится учить тебя уму-разуму. Сколько уж у меня было таких «отпов»! И я собирался послать его куда подальше, но он молчал.

ваться мне не у кого. Ни начальства, ни родителей. Отчего ж не пойти, если заработать можно. Мотоцикл хочу.

Старик ухмыльнулся.

— По первому льду и двинемся.

Была осень. Дни холодные, прозрачные. Река стала, но снег еще не лег. И хорошо было дышать осенним холодом, вкусным, как огурец.

Во дворе Иннокентича кипела работа. Дни и ночи из трубы избушки валил дым. Жена варила

АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН

МОЛЧА, В ТАЙГЕ

Рассказ

кам. Детей у него не было. Жил, правда, с ним еще отец, старичок, который только и делал, что улыбался и соглашался со всеми. Вообще-то он ничего не слышал. Отца Иннокентич считал мудрым человеком, хотя тот уже несколько лет ничего не говорил, кроме «да-да».

Той осенью Иннокентич однажды ни с того ни с сего остановил меня на улице. Я тогда только что завалил экзамен в институте. У меня появились утешители, и я входил во вкус «взрослой» жизни. После вчерашнего голова у меня раскалывалась, да еще синяк

— Поступил в академию? — наконец спросил он.

— В институт, — поправил я, — зарезали, черти.

— Пойдешь со мной в тайгу?

Такого поворота я никак не ожидал и стал бормотать несвязное.

— Нет у меня ни ружья, ни собаки.

— А сердце у тебя хорошее?

— Я не доктор. Может, у меня и сердца-то нет никакого.

— Вот и хорошо. Ты молодой. Тебе и одеться нужно. И вообще. Вот в тайге и заработаешь. Если сможешь.

— Пойду, — сказал я, — спраши-

щи, разливала по мискам и замораживала на улице. Иннокентич складывал ши в мешки.

Собаки поняли, что к чему, и чуть с ума не сходили от радости: скоро в тайгу, на работу.

У Иннокентича вначале была только сука Чара — длиннотелая, умная и спокойная. Она никакого баловства не терпела, очень серьезная собака. А теперь появились еще собачки. Шельма — веселая, ласковая, улыбочивая, похожая на добрую женщину. Потом Ральф и Соболь. Ральфа оставил на зиму биолог из Красноярска, которого все звали Николай. В го-

роде Ральф ездил на «Москвиче», жил на балконе и ненавидел всех, кроме «папы Коли». Бедный пес тайги и в глаза не видел. И биолог попросил Иннокентича маленько натаскать собачку. «Весной приеду, заберу», — сказал он.

А мамаша у Ральфа была знаменитой соболятницей, и ее хозяин никому из местных не продавал щенков — боялся конкурентов. Только приедем кое-кому дарил.

Ральфу было семь месяцев от роду, и на собачьей выставке он бы взял какую-нибудь медальку, это уж точно. Был он черным, только на груди белый фартук и сзади уголок, словно косынка у девочки. И морда светлая, с желтыми очками. Он все время сидел на привязи, и я считал его полудурьем, хотя мамаша и знаменитая.

Лучшим псом был, по-моему, Соболь. Везде по Сибири что ни кобель, то и Соболь. Но такого красавца, как наш, я не видывал. Даже у Ральфа обнаруживались недостатки, когда рядом проходил Соболь. А ведь он тоже был молод. Единственным его пороком я считал гордость.

Теперь я дневал у Иннокентича. А Ванька, ну тот, что украсил меня, самый модный в поселке парень, сказал мне:

— Старик зверь. Убьет. Спорим. Оставь трешку. Выпью на могиле. Упокой души. У него справка, что псих. Сам видел.

— Авось обойдется, — пробормотал я, раздувая грудь колесом, — хочу мотоцикл. «Яву» Красный.

Был вечер. Над поселком взошла луна, и дым из труб стоял, как тайга, до самого неба. И так было ясно кругом, что, если встать на четвереньки, видно, как снежинки блестя.

Ударил такой мороз, что даже женщины сделали усыатыми: иней обозначил каждый волосок. Снег лег до весны.

— Завтра выезжаем, — сказал Иннокентич, — переночуй у меня.

После ужина я спросил у него, понимают ли собаки человеческий язык.

— Понимают.

Я оглянулся на Чару, которая лежала у двери с закрытыми глазами.

— Может, они понимают не сами слова, а каким голосом говорится?

— Некоторые и слова понимают. Собаки, как люди, разные бывают.

Иннокентич тоже глянул на Чару. Она открыла глаза, ее брови дрогнули, она осторожно застучала хвостом по полу.

— Ну заговори о ней, — продолжал Иннокентич, — только по имени не называй. Говори ровно. К примеру, об ее недостатках.

Старичок, отец Иннокентича, заулыбался и закивал головой. Он, казалось, прислушивался к разговору и все понимал.

Чара мрачно поглядела на меня.

— Не вижу никаких недостатков. Очень хорошая собака. А то, что у нее тело длинное, как у ящерицы, — это совсем хорошо. Легче бегать по глубокому снегу.

Чара улыбнулась и веселее застучала хвостом. Потом поднялась, подошла и положила голову мне на колени. И стала коситься на Иннокентича.

— Впрочем, я ошибся. Не такая уж она и хорошая собака, — сказал я, — собака так себе. Средняя. Бывают лучше.

Хвост Чары остановился, она отошла, толкнула лапой дверь и вышла в соседнюю комнату.

— Ты думаешь, она ушла? — спросил Иннокентич. — Стоит за дверью, подслушивает, что о ней говорят.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Точно.

— Да, да! — заулыбался старичок.

— Удивительно умная собака! — сказал я и в этот момент услышал, как Чара бодро застучала хвостом по полу.

«Может, Иннокентич не так страшен, как мне расписали».

Из раскрытой двери повеяло холодом. Я проснулся.

Это вошел с мороза Иннокентич и засветил свечу.

— Долго спишь, — проворчал он.

Я вскочил, оделся. Было слышно, как за окном вздыхает лошадь и глухо бьет копытом. И сани поскрипывают.

Дорога бежала по реке. По крутым берегам росла лиственница, и солнце мигало из-за стволов. Река шла извилисто, берега поднимались все выше и выше. А деревья становились все тоньше и тоньше, наконец сделались они совсем как ледяные иголки. Лошадь покрылась инеем. У нее тоже ледяная борода выросла. Спина окуталась паром, бодро подпрыгивала, из ноздрей выстреливались в стороны струйки пара.

Лицо Иннокентича было красно и по-прежнему сердито, хотя ехать по реке, между берегов было приятно. Я стал напевать под мелькание блестящих подков. Но Иннокентич недовольно поморщился.

— А что за зимовье, куда мы едем? — спросил я.

— Не был там.

— Как же найдем?

— Сказали, через три притока налево. Много болтаешь...

«Ну и черт с тобой, — подумал я, — буду молчать. Неизвестно еще, кто кого перемолчит».

Собаки носились, где вздумается. А Ральф совсем сбесился от радости.

— Там ручей, — пробормотал Иннокентич, показывая на заросли ольшаника, — выше должно быть зимовье.

Я хотел спросить почему, но промолчал. Потом смекнул, что ольха растет по берегам рек, и если на темной стене лиственниц и елей голубеет ольшаник, то там и река.

Когда мы подъехали к зимовью, Иннокентич проворчал:

— Плохо дело. Дров не будет поблизости.

Я снова хотел спросить, почему же это не будет, когда кругом тайга. И потом увидел на торце избушки, над дверью, дату, вырубленную топором: 1926.

«Конечно. Откуда ж здесь быть дровам, если с двадцать шестого года все, что поближе, извели», — догадался я.

— Возьми топор, сдери кору с деревьев, что поближе, — сказал Иннокентич.

— Зачем? Мы уйдем отсюда раньше, чем деревья засохнут...

— Другие придут! — рявкнул Иннокентич. Пока он возился с лошастью, я сделал, как он велел.

Потом он зарядил ружье, подошел к зимовью, ударом ноги открыл дверь, а сам отшагнул в сторону: зимовье старое, заброшенное, в нем могла поселиться росяха или еще кто-нибудь из зверья.

Зимовье до потолка было забито душистым сеном. Даже наша грустная и спокойная лошадь тихонько натянула узду и заглянула в раскрытую дверь.

— Кто его натаскал? — не удержался я.

— Сеноставки. Маленькие зверьки.

Я стоял около стенки, колупал ногтем мох и насвистывал. Настроение у меня было хорошее, а Иннокентич, пусть ворчит, на то он и старик. И вдруг к моему носу

приставился его кулачище, и он прошипел:

— Услышу в тайге свист — убью.

Я отвязал лошадь и медленно пошел ее на ручей.

Ручеек все-таки не замерз еще по-настоящему. Бежал в деревянном желобке, и лед был тонкий, узорчатый, как кружево, на котором висели капельки, точно увеличительные стекла. И от воды шел пар.

Я глядел в кроткие глаза лошади, на ее бородку, побелевшие ресницы. В глазах отражались зимовье на пригорке и Иннокентич. Я погладил ее по шее и сказал: — Убьет он меня.

В зимовье не было порядочной печки. Была каменка — полусвод, выложенный из закопченных камней. Вместо окна — заслонка.

Иннокентич стал осматривать хозяйство. Он нашел под нарами топор, пилу и большую жестяную банку с керосином. На полках, над нарами стояли кастрюли, миски, сковородки. Дырявый мешок, в котором когда-то были сухари. На столе керосиновая лампа. Он поболтал ее над ухом и что-то проворчал под нос.

Потом вышел из зимовья и приказал собрать пустые консервные банки из-под сгущенного молока и вырезать в них, доньшки. Сам пошел за дровами, хотя у каменки и была охапка сухих дров.

Я вырезал в банках доньшки и тоже ворчал:

— Чего доброго, и макароны заставит продувать!

Мы разогнали дрова в каменке, а сами сели на пол, чтобы не задохнуться. Дым стлался в раскрывшую дверь. Огонь вырывался между камней. Наши собаки — Чара, Шельма, Соболь и Ральф — сидели против двери и глядели на нас. Мы выбросили головешки и закрыли задвижку и дверь. Теперь камни будут отдавать тепло.

Потом мы разложили перед зимовьем костер и сварили еду.

После обеда Иннокентич стал запрягать лошадь:

— Оставайся. Отведу Машку в поселок.

— Как назад-то?

— На лыжах.

— Может, я поеду?

Иннокентич махнул рукой и сел в сани. Он, наверное, подумал, что я не вернусь. Кто его знает, о чем он думал.

— Сделай печку! — бросил он через плечо, когда сани зашкрипели. — Из ведра.

— А трубу?

— Из консервных банок. Дно ведра начисти до блеска. Будем на нем блины жарить.

Последние слова я слышал еле-еле. Сани уже скрипели в чаще леса. Собаки побежали за Иннокентичем. Только Соболь остался.

Я никогда не думал, что в тайге так страшно, когда один. Ладно, еще светло. Я заправил керосином лампу, положил рядом спички, чтобы потом не искать в темноте. Решил маленько прогуляться. Надел лыжи, взял ружье, пошел. Отошел недалеко. Лес здесь был кое-где повален. Вывороченные корни промывло дождями, и я увидел старух с десятками выющихся рук, спрута со словным хоботом и прищуренным глазом. Утиные головы вытянулись в мою сторону. Стоило зайти к выворотню с другой стороны — и одни чудовища исчезали, появлялись другие. Мертвые деревья стояли попеременно с живыми, слегка поскрипывали, как двери на заржавленных петлях.

И вдруг деревья зашкрипели что есть силы — это налетел ветер, сдувая кухту, и недалеко от меня, шагах в тридцати, толстая пихта стала медленно, а потом все быстрее и быстрее падать, осыпая снежную пыль с соседних деревьев. Упруго ударилась и надломилась посередине. Я торопливо пошел по своим следам. «Если такая пихта упадет на зимовье, тогда конец», — подумал я.

В зимовье я первым делом зажег лампу и позвал Соболя.

— Ляг, отдохни, — сказал я, хотя вряд ли он мог особенно устать, потому что от зимовья не отходил, а валялся около костра. Пес лег и пристально поглядывал на меня, словно он — ровня. И не было в его глазах ничего собачьего.

С наступлением темноты звуки тайги сделались отчетливее. Ветер гудел в вершинах деревьев заунывнее, и скрип мертвых пихт был сильнее. Под полом слышалась возня и мышинный писк. Из щелей в полу веяло холодом, и язычок пламени в лампе колебался, и тени колебались по бревенчатым закопченным стенам. А Соболь нагло встал на меня красноватыми зрачками и молчал. Я маленько посидел, покурил и стал делать печку.

Вернулся он на третий день, к вечеру. Уже луна светила вовсю. Я собирался укладываться, но

тут залаял Соболь. Ему ответили издалека, и через минуту появился Иннокентич с Чарой, Шельмой и Ральфом.

— Почему собаку держал в тепле, — первое, что сказал он мне, — будет мерзнуть. — И дал гордцу пинка.

Иннокентич глянул на печку, что-то буркнул, разулся, повесил сушиться бакари, выпил остывшего чая и, свалившись на нары, захрапел.

Лицо его заросло рыжей шетиной, посерело, он был совсем похож на своего отца.

Ральф, наверное, вспоминал раздольное житье в Красноярске. И на улице ночевать не хотел, просился в тепло.

— Возьми веник, отлупи, — приказал Иннокентич, — спать мешает.

Однажды Ральф проскочил все-таки в тепло, бодренько отряхнулся, обрызгал нас и вскочил на нары, где спал Иннокентич. Старик взял полено, хорошо прицелился и огрел его по спине:

— Привык в Красноярске прыгать по торшерам!

Ральф даже не взвизгнул. Он понял, что в зимовье ему делать нечего. И не жаловался. Но с тех пор глаза его наполнились собачьей тоской.

Мы пробивали путики — лыжни, чтобы меньше уставать во время охоты. А идти по снежной пыли даже на широких камусовых лыжах и своему врагу не пожелаешь. Мало того, что идешь враскорячку, еще и проваливаешься чуть ли не по колено. Четверть часа — и язык на плечо.

Ральф облаивал соек и кедровок, ловил мышей. Иннокентич убил одну кедровку и, взявши ее за хвост и лапки, нещадно отлупил пса. С тех пор Ральф лаял на птиц, не разевавая рта:

-- У-у-у!

И виновато оглядывался на кого-нибудь из нас, как бы говоря: «Знаю, что нельзя на них лаять, но не могу удержаться, понимаешь!»

Чара уже успела загнать двух соболей. Снял их Иннокентич.

— Соболя в этот сезон очень много, — сказал он, — потому и белки нет совсем.

— Почему же его много в этом году?

— На Бирейке строят комбинат, зверь и уходит оттуда.

Иннокентич пошел по одному путику, я — по другому. Со мной побежали Ральф и Соболь. Но Со-

боль вдруг куда-то исчез. Я показал Ральфу след и сказал:

— Тут-тут-тут.

Он понял, что от него чего-то хотят, и засуетился. Пошел по следу, возвратился, проскочил назад, носился там, где вообще нет никаких следов. Наконец остановился перед мешком, где лежал кусок хлеба с салом, и, нацелив нос на мешок, осторожно тявкнул, как бы говоря: «Есть хлеб и сало. Давай съедем».

— Только и умеем бутерброды облаивать, — горько ухмыльнулся я.

Он снова заметался, озабоченно наклонив голову, и изредка, со вздохом раскаяния произносил тихое: «Гав!»

Это означало: «Вот досада!»

Он совал нос в мышиные норы, поймал одну мышь, бросил ее, снова заметался, весьма трудолюбиво, часто дышал и как бы беспрестанно повторял: «Видишь, как я стараюсь!»

Я уже думал возвращаться и походить первое время с Иннокентичем. Объяснить ему, что дела, не пойдут, если он не научит меня. И тут услышал в стороне лай Соболя. Лаял он остервенело, с подвизгиванием. На мышь так не лают, на кедровку тоже. Я пошел через чащу на лай. Потом услышал, что к Соболю присоединился и Ральф.

Я увидел Соболя, был он весь засыпан снегом, но отряхиваться и не думал, увлекся охотой. А Ральф помогал ему гавкать, но облаивал не ту ель.

Мне, честно говоря, не нравилась манера Соболя идти по следу, гордо задрав морду. Так может идти только очень опытная и талантливая собака, Чара к примеру, но не начинающий гонористый щенок. Только все равно, правильно лает он, а не красноярец.

Я выстрелил. Посыпалась снежная пыль. Несколько мгновений спустя с верхних веток посыпалась кухта. Это удирал соболь-бусачок, весь рыжий. Я выстрелил опять, и он стал медленно падать, пересчитывая сучья. Псы кинулись к нему, но я сам кинулся вперед не хуже пса и отнял добычу. Потом долго расхваливал Соболя и Ральфа и, зажав головку зверька в кулаке, давал им по очереди нюхать. Ральф скопил глаза от вожделения и прокусил головку.

— Вот полудурье! — тихо произнес я. Громко ругать в такие моменты собаку нельзя: она может не понять за что.

Потом Соболь исчез. Только Ральф-дурочок трудолюбиво носился по тайге, изредка выскакивал на путик и, оглядываясь на меня, как бы говорил: «Я тут!»

На обратном пути я встретился с Иннокентичем, и к зимовью мы возвращались вместе.

— Где Соболь? — спросил он.

— Не знаю.

Когда мы добрались до зимовья, Соболь был уже тут, и, судя по следам, давно. И не чувствовал своей вины.

Иннокентич заскрипел зубами и даже поблелел от злости. Сбросил лыжи, подошел к красавцу и поймал его за хвост, Соболь завизжал. Иннокентич раскрутил его над головой и грохнул о землю. Казалось, вся тайга наполнилась визгом. Остальные собаки бросились к Иннокентичу на помощь, стараясь вцепиться в Соболя: так оковы уж псы.

Растопив печку, я залез на нары. Иннокентич молчал. Потом вытащил из мешка трех соболей и начал их обдирать. Я положил рядом свою добычу.

Иннокентич сделал ножом продольные разрезы на лапках и снял шкуру, как меховые чулки. Потом вытянул пальцы тупым концом лезвия ножа и обрезал их у основания коготков. Повертел головой, увидел бечевку на гвоздике над столом, привычным движением сделал петлю на основании хвоста и из пушистого красивого хвоста вытянул ниточку свекольного цвета.

Я возился часа три, пока снял с соболя шкуру. Иннокентич мрачновато поглядывал на мое вспотевшее лицо и что-то ворчал себе под нос. Мне он не сказал ни слова, просто молчал. И это молчание было тягостно.

Морозы стояли крепкие, заснеженные деревья вмерзли в воздух, как в лед.

Наши запасы подходили к концу.

В те дни только старательная умная Чара работала до конца вместе с нами. Чара всегда была умницей. Иннокентич считал, что ее цена на вес золота. К работе она относилась серьезно. Она была очень сильной собакой и любила подраться, но во время работы подавляла в себе любые собачьи желания. Только и Чара ошибалась. А как она переживала свои промахи!

Однажды она нашла след норки, молча пошла по нему. Добрались до полыньи и только тут по-

няла свою ошибку: это был отпечатанный след.

«Что же это я, старая дура!» — взвизгнула она и кинулась назад, будто ее ударили.

От голода Шельма и Ральф выбились из сил и вернулись к зимовью раньше нас.

Когда Шельма и Ральф увидели лицо Иннокентича, они стали жмуриться и поползли к нему на животах. Они поняли, что к чему, их стали мучить угрызения совести.

Их он не тронул, просто делал вид, что не замечает. Когда же разлил собачью еду по лоханям, они продолжали шуриться и отворачивались. Стыдились. Потом убежали в тайгу не евши. Стенело совсем, и вдруг мы услышали лай.

— Однако, соболя загнали, — сказал Иннокентич, прислушиваясь. Взял фонарь и встал на лыжи.

Собаки захлебывались от восторга: подвернулся случай искупить свою вину чужой кровью.

У нас оставалось всего лишь немножко муки, сухарей и соли. Дичи никакой, все куда-то подевалось. Изредка удавалось убить кедровку. Собаки голодали вместе с нами.

Ральф уже самостоятельно загнал четырех соболей, и Иннокентич подумывал даже написать «папе Коле» письмо, намекнуть, что вообще-то, по доброте душевной, собачку он может оставить у себя. Ничего, мол, пусть живет.

— Собака должна жить в тайге, а не на автомобиле кататься, — оправдывал Иннокентич свои намерения.

Я почти перестал его бояться. Как-то мы шли по путику, где нет капканов, промышляли, как могли, и вдруг старик окликнул меня. Я никогда не видел его в такой ярости.

Он ткнул пальцем вниз. Это был след Соболя.

Оказывается, он шел вместе с нами вдоль путика и устраивал лежки, отсыпался, когда другие собаки работали. Через каждые полверсты он ложился отдыхать. А возвращался вместе со всеми и делал вид, что валится от усталости.

В этот вечер он вернулся со всеми и уселся у костра рядом с рабочими псами, как будто трудился не меньше их.

Иннокентич не спеша сделал петлю и окликнул Соболя. Тот подошел.

— Сядим в ужин, — сказал мне Иннокентия.

Я молчал.

Иннокентия накинул псу на шею петлю и привязал его к зимовью. Собаки не обращали на него никакого внимания. Но когда он зарядил ружье и взвел курок, все псы повернули головы на шелчок, подбежали к хозяину и глядели точно по направлению дула, оскалив зубы на Соболя. Тот все понял и задрожал, тоже неуверенно оскалив зубы, как бы улыбнулся.

Иннокентич опустил ружье и крикнул:

— Васька!

— Тут! — отозвался я без особого энтузиазма.

— Он был слишком умным. И это в девять-то месяцев. — Старик сунул ружье мне в руки и сказал: — На-ко.

— Не могу, — сказал я, оглядываясь на Иннокентича. Потом прицелился, закрыл глаза и нажал курок.

Красавца мы съели вместе с собаками. Это как-то поддержало наши силы, но ненадолго. А уходить мы не хотели. Я-то, конечно, хотел уже вернуться в поселок, отоспаться, отогреться и откормиться. Мне уже было наплевать на деньги. Но Иннокентич, как бы боясь, чтобы я не заскулил, говорил:

— В будущем году соболь уйдет. Это сказал «папа Коля». Он парень ученый, знает.

И мы терпели.

Утром Иннокентич пошел по северному путику, я — по западному. Со мной бежали Ральф и Шельма.

Не прошел я и трех верст, как наткнулся на след очень широкой человеческой ноги, так мне показало. Это прошел медведь. Рядом были следы Шельмы и Ральфа.

Медведь сначала шел по путику, потом съел кедровку у капкана, зачем-то разрыл снег и двинулся на северо-восток. Я перезарядил оба ствола пулями, проверил, заряжен ли третий, нарезной ствол, и пошел по следу.

Год был неурожайный, ягод не было, медведь не заелся и осенью не залег в берлогу, как ему положено, а шастал по тайге, и, конечно, с голоду ничего не боялся. Но голодный паск делает храбрым не только медведя.

Своих собак я не слышал.

И тут я подумал, что, двигаясь на северо-восток, миша непременно встретился с Иннокентичем. А кто кого будет скрадывать: Ин-

нокентич медведя или медведь его — дело темное. Я торопился, благо, что миша расчистил маленько дорожку и утоптал снег. Я как-то не задумывался о том, что умный зверь, когда идут по его следу, сам заходит в тыл охотнику. Но вряд ли шатун мог сейчас, с голоду, соблюдать предосторожность. Он, конечно, пойдет на «ура».

И вдруг впереди послышался рев, от которого у меня шапка полезла на затылок от страха. Потом собачий лай и визг, такой тоскливый, что я даже не смог угадать, кто это: Чара или Шельма. Собачьи голоса вернули меня к жизни, я нахлобучил шапку и кинулся что есть силы вперед. Грянул выстрел, за ним второй.

Когда я добежал до Иннокентича, он сидел на поваленной лесине и курил козью ножку. Рядом с ним лежал в крови сутулый медведь, запорошенный снегом, и Шельма с распоротым животом и оскаленными зубами. Лицо Иннокентича ничего не выражало. Он курил и тупо глядел на мертвую Шельму.

— Глаза, однако, слезятся маленько. С голоду, что ли? — пробормотал он.

Я вытащил из его мешка топор и принялся готовить дрова. Иннокентич сидел и курил.

— Передвинь костер, вот здесь хорошо будет, — сказал он.

Костер был так жарок, что кухта с соседнего дерева оплавлялась, капала на собак и застывала на их шерсти, как восковые лепешки.

Иннокентич сидел так расслабленно, что казалось, из него вытащили все кости.

Когда мы накормили собак и сами сели, Иннокентич кивнул в сторону Шельмы и сказал:

— Если б не она, отдал бы богу душу.

Мое брюхо надулось, будто я проглотил футбольный мяч. Я распустил ремень на последнюю дырочку, но никак не мог остановиться.

— Живот, однако, заболит, — сказал Иннокентич, — особенно не зверствуй. Притормози маленько.

После еды мы разделали тушу и уложили мясо на кое-как сколоченный лабаз, сверху накрыли шкурой.

Стемнело. Взошла луна. Иннокентич сказал:

— Остановиться придется на сендах. Пойдем утром-то.

Сендах — ночевка.

Только сейчас я понял, что мы правильно разложили костер, под искарью — корнем вывороченной ливенницы. Иннокентич, наверное, чувствовал, что нам придется здесь заночевать.

Он послал меня нарубить пихтового лапника, а сам разгреб палкой место, где был костер. Здесь мы набросали лапника, а рядом разложили новый костер.

Над нами поднималось звездное небо.

Проснулся я оттого, что спина замерзла, а лицо и живот чуть не дымилась от жара. Я повернулся к костру спиной, но тогда замерзло лицо. Так я и вертелся, как шашлык на палочке.

Утром мы положили в мешки килограммов по двадцать пять мяса и двинулись.

Сначала я шел первым, пробивал лыжню. Сзади побряхтывал Иннокентич. Конечно, старику было трудно идти с грузом. Да и я полз еле-еле. И вдруг почувствовал такую слабость, что и сказать нельзя. Со мной стало твориться что-то неладное. Мне так схватило живот, будто внутрь засунули ежа и стали его нака-

Рисунки С. ПРУЦОВА

чивать воздухом. Я чуть не взвыл от боли.

— Пожадничал маленько, — сказал Иннокентич, — это бывает. По неопытности.

Я прошел еще с версту и почувствовал себя совсем ни к черту. И стал через каждые десять шагов присаживаться и курить.

Иннокентичу, наверное, надоели мои бесконечные перекуры, и он сказал:

— Слышь? Дай-ко я пойду первым.

И тут Иннокентич увидел след соболя. Будь он неладен, этот соболю! Старик осторожно шелкнул пальцами — Чара кинулась к нему, забыв обо всем. И через секунду уже неслась по следу, увязая по брюхо, извиваясь, с вывалившимся языком.

На небольшой полянке стояли три разлапистых кедра и рядом сосенка, на которую соболю, конечно, никогда не полез бы: голый ствол, негде прятаться.

Я тоже осторожно снял свой мешок и перезарядил ружье.

Чара и Ральф облаивали кедры. Мы поняли, что соболю там, но не знали, на каком именно. Иннокентич выстрелил наугад, чтобы зверек показал себя. Потом и я выстрелил, но снег только осыпался от наших пуль. Соболю как в воду канул. А собаки по-прежнему сходили с ума.

Мы перестреляли все патроны. Собаки захлебывались от злости, нацелив носы на кедры. И тут я заметил, что ружье Иннокентича повернулось в сторону сосенки. Там, припечатавшись к стволу, сидел соболю и терпеливо ждал, когда мы израсходуем свои боеприпасы.

Грянул выстрел Иннокентича — зверек прыгнул вниз, как рукавичка, и нырнул под снег. Вынырнул метров за пятнадцать в стороне. Осмотрелся и снова нырнул. Наши собаки понеслись за ним, а он вынырнул и побежал в открытую. Собаки проваливались по брюхо, а он бежал как по паркету.

— Дай патрон, Васька, или сам стреляй! — крикнул Иннокентич.

— Нету, — отозвался я и сел в снег.

Иннокентич поглядел на меня и стал молча переключивать мой груз в свой мешок.

Я прошел налегке шагов двадцать и снова упал.

Сквозь наплавившую на глаза пелену я чувствовал рядом какую-то возню: не то медведь, не то соболю окружили меня, не то люди ростом с ель, с белыми глазами.

Очнулся я, когда показалось зимовье. Я лежал, завернутый в куртку Иннокентича, на сбитых лыжах, под головой у меня был мешок с грузом...

Когда я был уже достаточно здоров, Иннокентич принес медвежье сердце и заставил съесть его целиком, сырым.

— Есть такое поверье, — пояснил он, — промысловиком станешь.

Добираться до поселка нужно около ста верст. Мы взяли с собой только самое необходимое: пушнину, вареной медвежатины, оружие, топор, спички и соль. По пути нам пришлось заночевать под звездами...

...В поселке сходили в баньку, попарились хорошо, побрились. И когда Иннокентич снял свою бороду, его голова стала похожа на череп, обтянутый кожей.

Первый день мы отъедались и отсыпались до упора. А утром пошли сдавать пушнину на заготпункт. И тут я подумал;

«Как же делить соболей-то? Ведь тут главный Иннокентич. Он-то и добыл их почти всех. И собаки его. Даже штаны, которые на мне, — его. Сейчас он мне покажет фигу с маслом».

Мы зашли на заготпункт. Приемщица стояла за барьером и поглядывала на нас с любопытством и уважением, как всегда смотрят на вернувшегося из тайги промысловика, когда он еще не успел слатъ пушнину.

И вид у Иннокентича был довольно нахальный. Папироза была прилеплена к нижней губе. Он небрежно бросил связку соболей, засверкавших на солнце, а сам повернулся к приемщице боком, как будто пушнина ему досталась даром. Он облокотился на стойку, полыхал папирозкой, сбил пепел на еще мокрый после мытья пол и плюнул в урну. И конечно, промазал. Стрелял он лучше, чем плевался.

Приемщица стала пересчитывать шкурки, трясла их, дула на мех, разглядывала мездру, сортировала по цветам. Иннокентич застыл в своей нагловой позе и пачкал пол пеплом.

— На кого писать? — спросила приемщица.

— Как на кого? Пиши поровну.

Через неделю мы достаточно отъелись, и я почувствовал, что мне скучно. Я не знал причин своей тоски. Иннокентич после первых трех дней в поселке, пос-

ле нормальной жизни в теплой избе с радиоприемником снова стал мрачен.

— А не вернуться ли нам, — сказал он, — соболю-то идет.

— Можно, — согласился я.

— Не скучно ли тебе здесь?

— Есть маленько.

Иннокентич задумался.

— Вот и после войны вернулся я, бог миловал, жив и здоров. Правда, землей присыпало маленько. Вернулся домой и почему-то заскучал. Дела никак не мог придумать себе. Все не тем занимался. И надоело мне все. «Буду один», — решил. В тайге-то хорошо. Думаешь а жизни, работаешь маленько, и все такое. И ты никому не мешаешь, и тебе никто не мешает. Что еще нужно! Верно, отец?

Старичок понял, что обращаются к нему, заулыбался и закивал головой.

— А хорошо, если б все люди на земле делали свое дело да не лезли друг на дружку.

— А в каких ты войсках служил?

— В разведке, однако. Тот же промысел, только зверь маленько другой.

— А что ты, Иннокентич, сердисься, когда тебя называют охотником?

— Охотник... — Иннокентич задумался, — это который по охотке ружьемом балуется, уток убивает всяких. А придет другая охота — гармонь купит. А я — промысловик. Это моя работа, а не охота. Промысловиком я и умру. Мне, однако, за пятьдесят. А ты говоришь — охотник!

...Мы вернулись в зимовье и продолжали промышлять зверя. На третий день Иннокентича сломал радикулит. Да так сломал, что он не мог разогнуться. Так и лежал на нарах, сложившись пополам, как складной ножик. Когда я выходил к костру и оставлял его одного, он кряхтел. Да во сне кряхтел и скрипел зубами, но днем держался тихо и говорил, что ничего, все пройдет. И я понял, что шутки плохи, хотя он и бодрился.

— Послушай, Иннокентич, я тебя, пожалуй, отправлю в поселок, — сказал я.

Старик заворчал, доказывая, что все пройдет и без фельдшера. Но я его не послушался. Сбил лыжи, подвязал туда, где будет голова, мешок с продуктами, подоткнул под веревку ружье и топор, взял две коробки спичек и,

как ни ворчал старик и ни грозился меня пристрелить, уложил его на лыжи и укутал потеплее в медвежью шкуру.

Две ночи нам пришлось провести под звездами...

Уже в поселке Иннокентич сказал:

— Ты, Васька, иди себе, промышляй. А я маленько очухаюсь, тоже приду. Не буду же долго болеть-то.

Пока солнце светило из-за лиственниц, все шло ничего. Но вот солнце скрылось, небо заполыхало красным огнем, я остановился у старого кострища, под искарью, и стал готовиться к ночлегу. И пока готовился, работал, мне было не страшно. А как только затрещал костер, и тьма сгустилась, и делать было нечего, спи на здоровье, меня стали одолевать непонятные страхи. Тайга была полна звуков. Я прижал к себе собак и пробовал заснуть. Но светила луна, и тени лежали от деревьев, и за светлым кругом от костра как бы собралась вся нечисть. А я — на виду, как на ладони. Я вздрагивал, просыпался, вглядывался в темноту.

Думал, что, когда рядом был Иннокентич, даже беспомощный, страшно не было. И даже когда он шел по одному путику, я по другому, все не страшно. Чувствуешь, что есть недалеко человек, который с тобой связан.

Правильно я сделал, что купил радиоприемник на транзисторах.

В зимовье я протянул антенну, чтоб лучше ловились станции, и Новый год решил встретить как следует, с музыкой.

Я нажарил мяса, разогрел три миски мороженных шей и пригласил на праздник Чару и Ральфа. Они стояли того. Вытащил бутылку вина, распечатал ее и включил приемник. В мое зимовье ворвались слова из другой жизни. И, вдруг я поймал Владивосток. Там готовились к встрече Нового года. Я решил встретить Новый год с Владивостоком. Какая разница?

— Ну, братва, — сказал я собакам, — начнем с Владивостока. Что вы на это скажете?

Чара ничего не имела против. Ральф принял это предложение с восторгом и никак не мог оторвать взгляда от шей. Когда поздравили владивостокцев, получилось так, что поздравили как бы и нас. Я выпил вина, а Чара и Ральф получили по куску сахара и бодро захрустели. Потом мы перешли к шам. Мои друзья зачавкали. И так мы встречали праздник с каждым городом, двигаясь на запад. Теперь Чара и Ральф радовались уже всякий раз, когда били часы, они глядели на меня и получали по куску сахара. Они смекнули, что к чему.

Потом я прикинул, что Россия слишком велика и сахару может не хватить.

Сахар пришлось разламывать, но мои друзья все равно радовались и мелко перебирали лапами.

После встречи Нового года с Москвой запасы мои иссякли — не хватило ни вина, ни сахара.

Потом я разложил перед собой шкурки двенадцати соболей и стал вспоминать, как я добыл какого. Получилось двенадцать историй. А одну историю я придумал. Это была история, как я вернулся в поселок. По тридцатке за шкурку дадут — и то уже деньги. Можно добавить немного и купить мотоцикл. Красный. Я иду на заготпункт и небрежно швыряю соблей на стойку.

— На кого писать-то? — спрашивает приемщица.

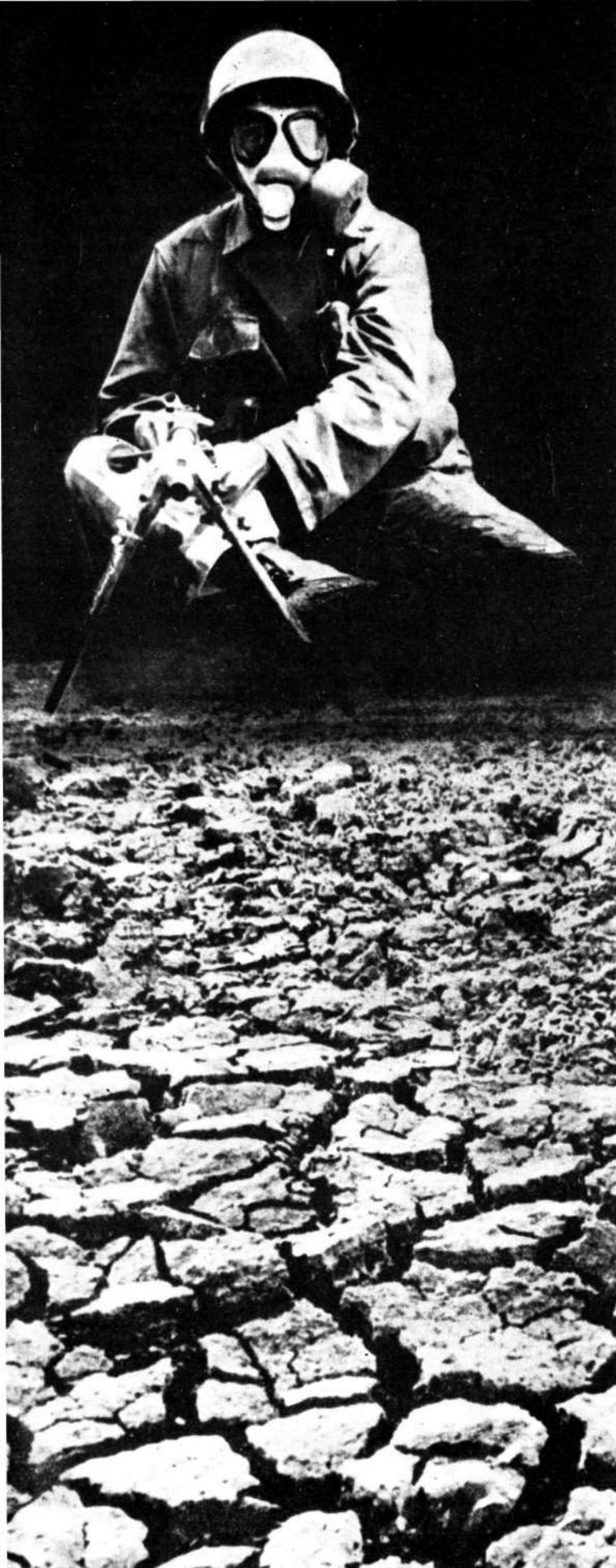
И тут я очнулся. Я вспомнил Иннокентича.

— Как на кого? — ворчу я. — Поровну пиши!

Зачем мотоцикл? Все равно дорог нет. Жадность — это по неопытности только.

Потом я три года промышлял в зимовье, построенном в двадцать шестом году. И дров мне хватало, потому что я ошкурил деревья «для других».

А сейчас синий вечер, настоящий на звоне комара и собачьем лае. Я готовлю курсовую работу по теме «Хищник — жертва», учусь на охотоведа. Живу я у Иннокентича. Вот он опять ворчит: грозит пристрелить, если завалю экзамен. А его отец-старичок кивает головой, улыбается и говорит: «Да-да». А у порога лежит Чара и все понимает.

С. МИЛИН

БЕСШУМНАЯ СМЕРТЬ

ЗАГАДОЧНЫЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

В апреле 1962 года город Денвер в штате Колорадо начало в буквальном смысле слова трясти, причем весьма пренеприятным образом: подземные толчки следовали почти ежедневно. Руководители местной общины квакеров утверждали, что непрекращающиеся землетрясения есть не что иное, как «божья кара за грехи». Однако власти Денвера не без основания подозревали, что причина куда более прозаична и связана отнюдь не с «божественным провидением», а скорее всего имеет отношение к военному ведомству. Для ведения расследования были приглашены специалисты, которые вскоре установили виновника, выбивавшего почву из-под ног добропорядочных граждан. Им оказался расположенный в 16 километрах северо-восточнее Денвера арсенал химической службы армии США Роки-Маунтин.

Здесь на территории в 4500 гектаров, охраняемой сложнейшими электронными устройствами, расположены многочисленные хранилища стальных баллонов, напоминающие ячейки огромных сотов. Их содержание — тысяча литров смертоносных нервных газов — достаточно, чтобы отравить все население земного шара.

Помимо складов, в Роки-Маунтин находится еще и засекреченный завод, изготавливающий нервный газ зарин. Его производство и накопление началось в 1950 году. А уже на следующий год один из местных фермеров подал в суд на начальника арсенала, утверждая, что после того, как он стал орошать свои поля из подземных источников, его урожай погиб. Вслед за первым посыпались иски и от других фермеров, требовавших компенсации за уничтоженные посевы и падеж скота. Они настаивали на том, что ядовитые отходы производства Роки-Маунтин, сливавшиеся в наземный резервуар площадью в 16 гектаров, просачиваются в почву и смешиваются с грунтовыми водами. Химический анализ показал, что в последних действительно содержатся растворы ядовитых химикалиев.

Масла в огонь подлили газеты, прямо обвинившие руководство армейского арсенала в том, что оно давно знало о существующей опасности не только для скота и растений, но и для людей — ведь фермеры использовали для поливки отравленные воды, — но не принимало никаких мер. Неравная тяжба — «фермеры против армии США» продолжалась без ощутимого результата вплоть до 1959 года. Наконец после того, как власти штата Колорадо потребовали, чтобы химическая служба армии США и министерство здравоохранения приняли какие-либо меры, военное ведомство было вынуждено пойти на уступки. В 1960 году в Роки-Маунтин была пробурена шахта на глубину четырех километров для слива ядовитых отходов.

Однако беды местного населения на этом не

кончились. 8 марта 1962 года, через месяц после начала закачки в шахту сточных вод, впервые за 80 лет в районе Денвера произошло землетрясение. В течение последующих пяти лет их было зарегистрировано более полутора тысяч. В одном только августе 1967 года Денвер «трясло» 82 раза. Виновницей оказалась та самая шахта в Роки-Маунтин. За семь лет в нее было залито 625 миллионов литров сточных вод. Они-то и нарушили «подземное равновесие». В феврале следующего года использование шахты было запрещено. Прошло еще пять месяцев, и представители армии США заявили, что они «рассматривают возможность удаления сточных вод из шахт». Когда и как это будет сделано, неизвестно.

Еще более опасный инцидент произошел летом нынешнего года, когда из Айовы и Кентукки к Атлантическому побережью двинулись поезда с сотнями похожих на гробы бетонных контейнеров. Пентагон заявил, что поскольку дальнейшее хранение двенадцати тысяч боеголовок с нервно-паралитическими газами для ракет «М-55» связано с угрозой их утечки, эти боеголовки будут затоплены в океане неподалеку от Багамских островов. Эта операция, которой дали кодовое название «Погоня», вызвала волну протестов не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире. Ведь затопление контейнеров со смертельными газами, сопряжено с весьма опасными последствиями, поскольку, что произойдет с ними в морской среде, вообще неизвестно ни ученым, ни военным. Тем более, что через район затопления проходит течение Гольфстрим, которое может разнести отравляющие вещества на тысячи километров. Однако Пентагон ответил лишь тем, что приказал капитану Гамильтону немедленно вывести свой корабль «Рассел Бриггс» в открытое море и затопить его вместе со смертоносным грузом.

Роки-Маунтин не единственная химическая база американской армии. Старейшей среди них является Эджвудский арсенал в 25 километрах от Балтимора. Его история восходит к 1917 году, когда военное министерство купило землю на полуострове Харфорд в штате Мэриленд и оборудовало там базу для изготовления газов и наполнения ими гранат. После второй мировой войны она переключилась на научно-исследовательские работы, в частности, над захваченным у гитлеровцев нервным газом заринном. В конце 40-х годов в Эджвуде была введена в эксплуатацию опытная установка для его производства. Арсенал получил задание точно установить, каково действие этого газа на человека, и повысить его эффективность. Для этих весьма опасных опытов использовались добровольцы, а Эджвудский арсенал стал первым американским объектом, где на людях пробовали действие отравляющих веществ. О масштабах исследований можно судить хотя бы по тому, что вплоть до 1955 года ежемесячно из полуторатысячного гарнизона базы отбиралось 30 человек, готовых за приличные деньги рискнуть жизнью.

Среди арсеналов бесшумной смерти далеко не последнее место по размаху ведущихся работ занимает Форт-Детрик. В 1966 году его бюджет достигал 38 миллионов долларов, а персонал насчитывал свыше 3 тысяч человек, из которых 564 сотрудника имели высшее образование. Впрочем, в американской печати приводились и другие красноречивые цифры. Если во время второй мировой войны Форт-Детрику ежемесячно требовалось для опытов приблизительно 15 тысяч мышей, 3 тысячи

крыс, 3500 морских свинок, 300 хомяков и 400 кроликов, то теперь не хватает и 60 тысяч животных. С 1960 года Форт-Детрик считается самым большим в мире потребителем морских свинок. Впрочем, здесь, как и в Эджвудском арсенале, «подопытными кроликами» служат и люди.

Пытаясь запугать общественность угрозой химико-бактериологической войны, представители химической службы цинично утверждают, что медицинская этика не должна препятствовать постановке опытов на людях. Так, полковник Тайгерт, бывший начальник медицинской части в Форт-Детрике, открыто заявил на страницах газеты «Милитари мэдисин», что не следует удивляться, если исследователи, работающие в области химических и биологических методов ведения войны, заражат человека из соображений научного характера. Тайгерт выболтал о скрывавшихся до поры до времени планах «давать специально отобранному людям медицинское образование, но не брать с них клятвы Гиппократова с тем, чтобы они могли принимать участие в исследованиях, касающихся химического и биологического оружия, и таким образом добывать необходимую медицинскую информацию, не позоря при этом профессии врача...»

ЗА ЗАВЕСОЙ СЕКРЕТНОСТИ

В свое время президент США Франклин Делано Рузвельт торжественно заявил: «Я сделаю все от меня зависящее, чтобы препятствовать применению газов и других химических средств в любой войне между нациями». Больше того, в одной из своих речей в 1943 году он подчеркивал: «Применение подобных видов оружия осуждено цивилизованным человечеством... Я категорически заявляю, что мы ни при каких обстоятельствах не прибегнем к нему».

«Однако всего через полтора года после смерти Рузвельта химический корпус армии США начал расширяться, а его влияние увеличиваться, — пишет американский публицист Сеймур Херш. — Бактериологическая и химическая война стала реальностью в американском военном планировании, причем наши стратеги от года к году все увереннее шли к мысли, что могут первыми применить это оружие и в обычной войне».

Уже в 50-е годы комитет гражданских советников рекомендовал министру обороны США не останавливаться перед использованием газов и отравляющих веществ, если в этом возникнет необходимость, потребовав, чтобы они заняли подобающее место в военном планировании. И надо сказать, что Пентагон не заставил себя ждать с осуществлением этой рекомендации. В официальных наставлениях американской армии, изданных после 1954 года, появился даже специальный абзац, оправдывающий применение химического оружия: «Соединенные Штаты не являются страной, подписавшей какой-либо вступивший в силу пакт, запрещающий или ограничивающий применение на войне токсических или нетоксических газов, туманов, зажигательных веществ или различных видов бактериологического оружия». Что же касается Женевского протокола 1925 года, ставящего вне закона эти виды оружия массового уничтожения, который хотя и не ратифицировали, но все же подписали Соединенные Штаты, то американские стратеги предпочли просто забыть о нем.

Год от года росли средства, выделяемые на производство, накопление и совершенствование хи-

ДОСЬЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

мико-бактериологического оружия. Если в годы правления президента Эйзенхауэра на эти цели выделялось от 50 до 70 миллионов долларов, то правительство Кеннеди увеличило ассигнования до 300 миллионов. Прошло пять лет, и эта цифра удвоилась.

...В 80 милях от Солт-Лейк-Сити ведущее на запад шоссе внезапно упирается в высокий забор из колючей проволоки. У ворот рядом с полосатой будкой часового огромный щит: «Въезд запрещен. Собственность армии США». Здесь находится один из главных центров испытаний химического и бактериологического оружия, полигон Дагвей. Внешне это просто миллион акров холмистой местности, поросшей жесткой травой. И если бы не патрульные вертолеты, то и дело стрекочущие в небе, да не зловещие предупреждения: «Внимание! Опасность! Касаться неизвестных предметов запрещено. Немедленно сообщите о них службе безопасности!» — Дагвей ничем бы не отличался от обычных ранчо. До весны 1968 года большинство американцев никогда не слышали об этом полигоне, пока там не произошел случай, всколыхнувший всю Америку.

В среду 13 марта в 5 часов 30 минут в небе над Дагвеем пронесся реактивный самолет, оставив позади легкое, быстро таявшее облачко. Несколькими часами спустя в соседних долинах Скалл-Велли и Раш-Велли начали гибнуть овцы. К воскресенью пало больше 6 тысяч голов. Среди скотоводов начались волнения. Ветеринары, которые стали бы делать прививки, быстро обнаружили, что ни одна из вакцин не дает эффекта.

Неделю спустя газеты в Солт-Лейк-Сити опубликовали сообщения, в которых рассказывалось о таинственном падеже овец и высказывалось предположение, что причиной этому было «какое-то отравление». Однако представитель военных властей в Дагвее, к которому обратились корреспонденты, заявил им, что база «определенно не имеет никакого отношения» к гибели овец. «Как только мы узнали об этом, — добавил он, — мы немедленно провели проверку и выяснили, что у нас не велось никаких испытаний, которые могли бы вызвать подобные последствия».

Местный ветеринар д-р Авараон Осгаторп, который установил, что причиной падежа было отравление газом нервно-паралитического действия, был вынужден под нажимом военных взять свое заявление обратно. На следующее утро он мрачно сказал своим друзьям, что после того, как он дал показания, в его номере в отеле «Конгрешнл» кто-то произвел тщательный обыск. «Я не хочу впутываться в эту историю, все равно военные никогда не признают правды», — больше репортеры не могли добиться от него ни слова.

И все же благодаря чистой случайности правда выплыла наружу. В четверг 21 марта в ответ на стандартный запрос по какому-то другому вопросу сенатор Фрэнк Мосс получил из Пентагона сводку с грифом «Для служебного пользования», которая, естественно, не предназначалась к опубликованию в печати. Молодой пресс-секретарь в канцелярии Мосса, просматривая сводку, наткнулся на раздел, описывавший имевшую недавно место утечку нервно-паралитического газа во время испытаний в Дагвее. Потрясенный чиновник немедленно передал эти сведения журналистам, и когда военные власти несколько часов спустя потребовали вернуть сводку, было уже поздно.

Разразился грандиозный скандал. Возмущенная

пресса писала о безответственности военных, подвергающих смертельной опасности население в окрестностях Дагвея. В ответ на это Пентагон потратил три недели на публикацию бесконечных опровержений, утверждая, будто бы газ нервно-паралитического действия с полигона Дагвей не имел никакого отношения к падежу овец, и вообще отрицая, что его испытания происходили в последнее время. И лишь после того, как репортеры побывали на месте и, опросив свидетелей, узнали и о самолете, пролетавшем над полигоном утром 13 марта, и о сильном западном ветре в этот день, и об анализах, сделанных д-ром Осгаторпом, представитель армии признал, что «факты свидетельствуют о причастности полигона Дагвей» и что там действительно проводятся испытания смертоносных газов. Так американская общественность узнала страшную правду о широких работах по созданию средств массового уничтожения, ведущихся в США.

На секретных базах химической службы армии США, в лабораториях университетов и научно-исследовательских институтов лихорадочно разрабатываются все новые и новые смертоносные газы и отравляющие вещества. Здесь и газы нервно-паралитического действия, не имеющие запаха и цвета, парализующие нервную систему и почти мгновенно убивающие человека. И сильно действующие наркотические и психохимические газы, вызывающие слепоту, глухоту или различные психозы. И напоминающие по запаху цветущие яблони слезоточивые газы, которые за 20 секунд выводят человека из строя, и отравляющие вещества, поражающие кожный покров, вызывающие головную боль, рвоту, ожоги легких и глаз. А на повестке дня, по свидетельству, того же Херша, стоят новые, еще более страшные изобретения. «Это так называемое «магическое вещество», обладающее удивительным свойством во много раз усиливать действие других ядовитых веществ в человеческом теле и способное проникать непосредственно сквозь кожу, — пишет он, — а также таинственное химическое соединение под кодовым обозначением «Игрек-икс». Его производство началось в 1960 году, однако до сих пор о нем известно лишь то, что после его применения земля надолго превращается в смертоносную пустыню».

«Полевой устав» химических войск американской армии дает следующее определение применению химического оружия: «Отравляющие вещества, поражающие человека, могут использоваться как против вооруженных сил противника, так и против гражданского населения, чтобы нанести потери в живой силе и уменьшить промышленный потенциал, а тем самым и боеспособность. Самой благоприятной целью являются области с большой концентрацией населения». Причем полковник Уильям Тайгерт вывел даже специальную формулу, по которой можно определить потери гражданского населения в районе, подвергшемся обработке нервными газами, в том числе табуном и заринбом, составляющим основу химического арсенала армии США. Четвертая часть населения, предсказывает Тайгерт, получит дозу меньше смертельной. Вторая четверть населения — более одной, но менее 3—5 смертельных доз. Третья четверть — более чем пятикратную смертельную дозу. «Эти люди теоретически могут остаться живыми, что, впрочем, маловероятно», — пишет он. Наконец, последняя четверть населения получит дозу, в 30—50 раз

превышающую смертельную. «В этом случае спасение невозможно», — констатирует Тайгерт. Чтобы по достоинству оценить эту адскую арифметику, достаточно сказать, что даже по официальным данным только в двух арсеналах химических войск армии США в Скалистых горах близ Денвера и в пустыне штата Юта хранятся запасы нервно-паралитических газов в количестве 100 миллионов доз!

ВЬЕТНАМСКИЙ ПОЛИГОН ПЕНТАГОНА

«Люди с криком хватались за животы, корчились от ужасных судорог. У более слабых изо рта начала идти пена, и они сразу умирали. Глаза у них вылезали из орбит. Другие с трудом ползли к двори, чтобы позвать на помощь, но, истощив силы, тоже умирали. Трупы лежали во всех помещениях лагеря».

О нет, это происходило не в Освенциме, Маутхаузене или каком-либо другом гитлеровском лагере смерти. Это выдержка из отчета о гибели заключенных в лагере Фу-Лой в Южном Вьетнаме, где шесть тысяч человек погибло от американских отравляющих веществ. Так 1 декабря 1958 года американская военщина начала химическую войну в этой азиатской стране.

В 1961 году ядовитыми газами и ядохимикатами было «обработано» шесть провинций Южного Вьетнама, причем результаты, с точки зрения Пентагона, оказались настолько хорошими, что с тех пор применение химического оружия стало повседневной практикой. За прошедшие годы американские и сайгонские войска распылили 14 миллионов тонн различных ядовитых веществ, от которых пострадал 1 миллион 293 тысячи человек.

Представитель японского движения сторонников мира видный ученый Фукусима, занимавшийся исследованием применения американцами химического оружия в Южном Вьетнаме, приводит рассказ врача Као Ван Нгуена о варварском нападении, совершенном в непосредственной близости от Сайгона: «Огромный район, покрытый лесами, и приблизительно 1000 гектаров полей вместе с деревнями, где проживало свыше тысячи крестьян, были обработаны ядовитыми химикатами. Большинство жителей было отравлено, хотя они не употребляли в пищу ни зерна, ни воды, над которыми были разбрызганы дефолианты. Просто они дышали отравленным воздухом или химическое вещество попало на кожу, и этого оказалось достаточно. Сначала они почувствовали головокружение, затем начались рези в желудке, рвота, затруднилось дыхание. Дети задыхались от удушья. Многие из взрослых ослепли».

Так выглядит одна из сотен операций, которые систематически проводятся американскими войсками в Южном Вьетнаме. Пентагон утверждает, что они вовсе не являются химической войной, так как при этом используются лишь гербициды и дефолианты, уничтожающие посевы и лиственный покров на деревьях, а не отравляющие газы. «Их цель — задавить противника костлявой рукой голода и лишить его возможности прятаться в лесах», — бесстыдно заявляют представители американского командования, умалчивая, что главной жертвой оказывается мирное население. О том, как это происходит, рассказал на страницах газеты «Фигаро» французский журналист Роже Пик, побывавший в Южном Вьетнаме:

«Каждый раз, когда американские самолеты-разведчики обнаруживают хоть малейшие признаки

посевов, повторяется одна и та же «операция уничтожения». Урожай отравить очень легко. Вертолеты распыляют над полями ядохимикаты, которые растворяются в заливающей рисовые поля воде и губят растения. Никого не волнует, если при этом ядовитый порошок попадает на работающих на полях крестьян, окрестные деревни, пасущийся скот. Между тем применяемые в широких масштабах гербициды очень токсичны. Если они попадают в организм при дыхании, — а избежать этого очень трудно, поскольку распыляются они целыми облаками, — то вызывают сростание альвеол легких и в конечном счете приводят к смерти от удушья».

В докладе генерального секретаря ООН о химическом и бактериологическом оружии, опубликованном в июле прошлого года, говорится, что с 1963 по 1968 год американцы «обработали» дефолиантами и гербицидами почти пятую часть территории Южного Вьетнама. Пока еще невозможно дать точную оценку того, что повлечет за собой эти операции. Однако уже сейчас в сочетании с миллионами тонн бомб они превратили огромные площади лесных массивов и зеленых полей в подобие лунного ландшафта с гигантскими кратерами и валами окаменевшей грязи. В этих отравленных пустынях, по словам шведской газеты «Дагенс нюхетер», «не вырастет ни травинки вплоть до следующего геологического периода».

СМЕРТЬ В КОЛБАХ

«Биологические исследования окружены тайной, соблюдаемой значительно строже, чем при работах над химическим оружием, — подчеркивает Сеймур Херш. — Ни один устав армии США о них не говорит, хотя бактериологическое оружие уже входит в американский арсенал. Однако имеется достаточно доказательств того, что это оружие производится и накапливается в значительном количестве».

Первые опыты с ним производились еще в 1943 году на базе Дагвей, расположенной в соляной пустыне в 130 километрах от Солт-Лейк-Сити. Затем после войны эти исследования были перенесены в Форт-Детрик, где была сооружена автоматическая установка, которая могла вырабатывать культуру возбудителя бруцеллеза целыми тоннами. В конце 50-х годов на химико-бактериологических базах армии США появились опытные установки для массового производства возбудителей сибирской язвы, туляремии и других болезней. Однако они не совсем устраивали Пентагон. Американские стратеги считали, что такие болезни слишком «традиционным, слишком хорошо изучены, а следовательно, едва ли смогут служить эффективным оружием в бактериологической войне. От ученых требовали новых смертоносных бактерий.

Пентагон не скупился на средства. Так, лишь одному профессору зоологии доктору Клаффу Хорла было выделено на исследовательские работы больше полумиллиона долларов. Еще более значительную сумму получил Оклахомский университет, сотрудничавший с химической службой армии США. Причем к работам были привлечены не только зоологи и микробиологи, но и историки, и, как выяснилось, не зря. Именно они подали мысль использовать в качестве бактериологического оружия редкое и давно забытое инфекционное заболевание — мелиоидоз, от которого человек умирает

в течение трех-четырех недель, а иногда и через пять-десять дней.

Совместными стараниями биологов и историков была «возвращена к жизни» и другая «болезнь древних». В 20-е годы в знаменитой Долине царей на краю Ливийской пустыни английский археолог Говард Картер обнаружил вход в усыпальницу египетского фараона Тутанхамона. Во время раскопок под развалинами одной из хижин, в которой тысячи лет назад жили строители гробниц, вдруг показалась высеченная в скале ступенька. Когда земля была расчищена, открылась ведущая в подземелье лестница. С большим трудом археологи откапывали ступень за ступенью, пока лестница не привела их к замурованной двери sklepa, опечатанной странными печатями, которые изображали шакала и девять связанных пленников. В гробнице оказались богатые саркофаги с мумией фараона.

Однако успех археологов был омрачен таинственной и мучительной болезнью, от которой умерли многие члены экспедиции, причем, в основном те, кто первыми вошел в гробницу. У человека начался жар, появлялись сильные боли в мускулах, а через две-три недели он умирал. Врачи и микробиологи встали в тупик: несмотря на все усилия, они никак не могли найти возбудителя загадочной болезни. Высказывались предположения, что, возможно, им был какой-то микроб, не дошедший до наших дней и лишь случайно уцелевший в гробнице. В 1955 году ее даже исследовали дозиметристы в поисках радиоактивности, но так ничего и не обнаружили. Все решил случай. Год спустя заболел южноафриканский биолог Джон Уилз, занимавшийся исследованиями летучих мышей в пещерах Центральной Африки/Симптомы болезни были точно такими же, как и у археологов. С помощью историков удалось вскоре установить, что подобной же болезнью были «наказаны» и другие гробкопатели, в свое время грабившие захоронения инков. Таинственный возбудитель оказался вирусом гистоплазмозисом, содержавшимся в помете летучих мышей. Этот «белок-дьявол», как окрестили его микробиологи за исключительно высокую токсичность, также был взят на вооружение химической службой армии США.

Впрочем, в ее арсенал входят и другие «экзотические» болезни, такие, как венецуэльский энцефаломиелит, которым заражаются птицы и животные, а от них и человек; пситаккоз — вирусное заболевание пернатых, поражающее непосредственно и людей, часто со смертельным исходом; пятнистая тропическая лихорадка, которой особенно подвержены жители азиатских стран — запасы ее возбудителей стали усиленно накапливаться после начала американской агрессии во Вьетнаме. Используя генетические методы, разработанные в последние годы, состоящие на службе армии США «ученые» создали даже новые культуры бацилл-убийц, изменив их клеточную структуру таким образом, что они стали устойчивыми ко всем известным антибиотикам. Появившаяся же совсем недавно биоматематика — новая отрасль науки убивать, специально «выведенная» Пентагоном, подобно смертоносным бактериям, дала возможность точно высчитать, каким образом наиболее эффективно распылять возбудителей тех или иных болезней.

Отрывочные сведения об этих работах, просочившиеся в прессу, вызвали возмущение среди американских ученых.

«Не открываем ли мы таким образом шкатку Пандоры? — писал профессор Уильям О'Брайен. —

Не переходим ли мы границы категории вещей, которые до сих пор были запрещены и которые, стоит только начать, могут пойти в ход во все больших и больших масштабах и даже выйти из-под контроля?» Забила тревогу и Федерация американских ученых, призвавшая прекратить всякие работы по созданию бактериологического оружия. Многочисленные протесты заставили Американское общество микробиологов опросить своих членов о их связях с военным ведомством США. И тут выяснились вещи, которые произвели впечатление разорвавшейся бомбы на широкие круги общественности.

Припертый к стенке многочисленными фактами, д-р Лерой Фозергил, бывший директор биологической лаборатории военного центра Форт-Детрик, сделал потрясающее признание относительно возможных последствий массированного бактериологического нападения, которое, как оказалось, все эти годы занимало главное место в планах Пентагона. «Вполне возможно, что многие виды жизни будут впервые в истории их существования подвергнуты воздействию того или иного возбудителя болезни, — мрачно цедил он перед ошеломленными репортерами. — Нам ничего не известно о степени восприимчивости этих многочисленных видов животной среды к конкретным микроорганизмам, в частности, проникающим через дыхательные пути. При этом вполне могут возникнуть новые и непривычные зоопозные переносчики инфекции. Естественно, что возможная генетическая эволюция микроорганизмов в направлении их вирулентности породила бы весьма существенные проблемы в деле здравоохранения и защиты окружающей среды, которые не поддаются решению на основе существующего опыта».

Причем параллельно с разработкой новых видов бактериологического оружия военное ведомство США усиленно занималось и совершенствованием средств биологического нападения. В середине 60-х годов на вооружение американской армии стали поступать авиационные бомбы — баллоны, биологические головки для ракет «Сарджент» и даже артиллерийские снаряды, начиненные «миллионами бактерий». Однако все они не удовлетворяли Пентагон, который добивался, чтобы средства доставки смертоносного оружия гарантировали эффективное поражение противника и полную безопасность собственных войск и территории Соединенных Штатов. У ракет же и снарядов был слишком небольшой радиус действия, чтобы удовлетворять этим условиям. Использование самолетов также было признано потенциально опасным, ибо Вашингтон не был уверен, что в один прекрасный день какой-нибудь из них не потерпит катастрофы над американской базой или даже над самими Соединенными Штатами, как это уже не раз было с самолетами, имевшими на борту ядерное оружие.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПЕРНАТЫХ

Когда Смитсоновский институт в США обратился к университетам, исследовательским зоологическим учреждениям и орнитологическим центрам в Южной Корее, Японии, на Тайване и Филиппинах, в Малайзии, Индонезии, Таиланде и Индии с просьбой о присылке материалов, касающихся ежегодных перелетов птиц в их районах, ученые охотно пришли на помощь американским коллегам. Не были забыты и орнитологи-любители. Свыше 400 тысяч

пернатых 700 различных видов были снабжены миниатюрными кольцами с лаконичной инструкцией: «Просим сообщить номер кольца, место и время поимки птицы по адресу: «Гонконг, почтовый ящик № 3443». Вознаграждение один доллар». Вслед за этим Смитсоновский институт направил на острова и атоллы, разбросанные по безбрежным просторам Тихого океана, многочисленные группы наблюдателей для составления подробной карты излюбленных мест отдыха перелетных птиц. Создалось впечатление, что американских зоологов внезапно охватила необъяснимая «орнитологическая горячка» — столь ревностно вдруг взялись они за изучение маршрутов и сроков миграции пернатых.

Однако у этой горячки, как выяснилось позднее, имелось вполне официальное название — «Патологическое обследование миграции животных», координировавшееся обосновавшимися в Таиланде объединенным центром из сотрудников дальневосточной научно-исследовательской группы армии США и военно-исследовательского института Уолтера Рида.

Для его проведения была избрана удобная ширма — Смитсоновский институт, получивший от военного ведомства многомиллионный контракт. Гражданский координатор доктор Эллиот Макклур, представитель института орнитолог Филип С. Хэмфри, занимающий пост директора музея естественной истории, и работающий совместно с ними научный персонал утверждали, что их исследование преследует исключительно мирные цели. Действительно, основные его темы, на первый взгляд, выглядят достаточно невинно: какие виды птиц совершают ежегодные перелеты, их маршруты и конечные пункты, скорость перелетов и т. п. Но, как указывал профессор зоологии Монтанского университета Пфейфер, трудно поверить в то, что военное ведомство бескорыстно воспылало любовью к чистой науке и принялось щедро субсидировать мирные исследования. Речь идет о проведении широкого обследования, которое должно лечь в основу нового метода бактериологической войны. «Видные эпидемиологи разработали оригинальные способы заражения различными бактериями и вирусами птиц, животных и даже насекомых в периоды их массовой миграции, чтобы нанести внезапный бактериологический удар по территории противника», — подчеркивал журнал «Сайентифик рисерч». Для того же, чтобы гарантировать собственную безопасность, заражение пернатых должно производиться не в местах их обитания на Аляске или в Соединенных Штатах, а во время отдыха при перелетах на тихоокеанских островах.

Мысль использовать столь необычных доставщиков бактериологического оружия пришла группе биологов, работавших на химическую службу армии США в Форт-Гринли и Форт-Вайнрайте. На нее их натолкнули неудачные эксперименты, проводившиеся военным ведомством во время второй мировой войны с летучими мышами. Тогда профессор Луи Ф. Физер предложил использовать их, чтобы в буквальном смысле слова сжечь Японию. Вместе со своими помощниками он разработал крошечную зажигательную бомбу весом всего в 30 граммов, которая с помощью специального пояска крепилась на груди мышей-бомбардировщиков. Затем таких мышей планировалось сбрасывать над крупными японскими городами в расчете на то, что они отыщут себе убежища под крышами зданий, и через несколько часов зажигательные бомбы замедленного действия вызовут громадные пожары. После двухлетних исследований «бомбардировщики-

малютки» доставили для заключительных испытаний в Карлсбадские пещеры в штате Лю-Мексико. И тут мыши преподнесли сюрприз. В первый же день несколько будущих камикадзе удрали и вызвали грандиозный пожар, во время которого сгорела машина генерала, начальника военной базы, где должна была состояться официальная приемка нового оружия военными, и ангар стоимостью в два миллиона долларов. Операцию «Летучая мышь» пришлось сдать в архив.

Позднее военно-морской флот США также провел несколько неудачных опытов с летучими мышами. Правда, на сей раз, чтобы обезопасить себя от возможных неприятностей, их предвзвешенно привели в состояние зимней спячки, упаковали в специальные контейнеры и только потом сбросили с самолета. Теоретически они должны были на определенной высоте проснуться от теплого воздуха. Но то ли подвели расчеты, то ли сон оказался слишком глубоким, во всяком случае большинство испытуемых вдребезги разбилось в пустыне Нью-Мексико. Еще одно фиаско окончательно сняло с повестки дня вопрос об использовании летучих мышей в военных целях.

Вот об этих-то опытах и вспомнили двадцать лет спустя, когда возникла потребность в надежных и эффективных средствах распространения бактерий и вирусов. Правда, вместо летучих мышей «под ружье» поставлены пернатые, в ходе опытов над которыми по заданию химической службы окольцовано уже свыше двух миллионов птиц. Вслед за химиками на потенциальные возможности орнитологии обратили внимание и другие рода войск. В частности, как писал военный обозреватель газеты «Вашингтон пост» Томас О'Тул, министерство обороны дало факультету психологии Миссисипского университета задание выяснить возможность использования галок, ворон, попугаев, голубей для аэрофотосъемки, обнаружения мин, поджога и разрушения военных и других объектов. Причем на эти изыскания министерство ассигновало 600 тысяч долларов. Не случайно журнал «Сайентифик рисерч» с горечью заметил по этому поводу, что стараниями военных наука в Америке милитаризуется такими темпами, что скоро вообще не останется ни одной ее отрасли, которая так или иначе не работала бы на войну.

Все новые и новые ядовитые газы, отравляющие вещества, возбудители болезней добавляются в арсенал армии США. Сведения об этом, просачивающиеся, несмотря на покров секретности вокруг работ над химико-бактериологическим оружием, вызывают растущую тревогу не только у американской, но и у всей мировой общественности. Ведь это оружие по своему характеру может быть лишь оружием нападения и агрессии, а его существование и накопление не только способствует международной напряженности, но и ведет к гонке вооружений в целом.

Не случайно XXIV сессия Генеральной Ассамблеи по инициативе Советского Союза и других социалистических стран приняла специальную резолюцию, подчеркивающую безотлагательную необходимость скорейшей ликвидации любого химического или бактериологического оружия. «Это бесчеловечное оружие массового уничтожения должно быть повсюду поставлено вне закона! — с таким призывом обратились ко всем народам советские ученые. — Разум должен победить безумие!»

ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ

Как приятно жарким летним днем погулять в бору, наслаждаясь густым смолистым ароматом! Однако до недавнего времени большинство парижан могло лишь мечтать о таком удовольствии. Учитывая это, фирма «Жибо» вот уже несколько лет выпускает специальные уличные автоматы, в которых за несколько секунд каждый желающий может три минуты дышать настоящим живительным загородным воздухом.

ЧЕСТЬ КОРОЛЕВСКОГО ЛЕОПАРДА

Мало найдется на Земле стран со столь либеральными таможенными правилами, как Свазиленд. Скажем, никто не мешает в любом количестве вывозить из Свазиленда необработанные алмазы. Лишь в одном случае свазилендские таможенники непреклонны: кому бы то ни было категорически запрещено иметь при себе хотя бы клочок леопардовой шкуры. Конфискации подлежат дамские сумочки, манто и т. д. и т. п. Леопардовая шкура — атрибут королевской власти, а потому только король имеет на нее право. Любопытно, что последний пункт правил гласит: «Ввоз изделий из синтетической ткани под леопардовую шкуру запрещен, так как подобные подделки оскорбляют честь и достоинство королевских леопардов».

ПОЛКОМ К ФИНИШУ

Первые в истории крокодильи гонки были проведены на феенебельном австралийском курорте Кэрнс в штате Квинсленд. В качестве импровизированного ипподрома был выбран теннисный корт, на котором соревновалось 36 пресмыкающихся длиной от 15 сантиметров до 2 метров. Несмотря на строгие правила и квалифицированное судейство, у девяти участников соревнований были откушены соперниками лапы и хвосты. Победителем, по сообщению агентства Рейтер, оказался 120-сантиметровый крокодил по кличке «Казанова».

ВОИНСТВЕННЫЕ «ЗАЙЦЫ»

С недавних пор королевские крабы, обитающие в Сабахе, предпочитают передвигаться на дальние расстояния несколько необычным способом: «прыгают» с веток на железнодорожные платформы и катят, куда хотят. Естественно, «зайцем». Впрочем, с этим бы еще можно было мириться, если бы не грозный полуметровый хвост и весьма агрессивный характер непрошенных пассажиров. Администрация дороги в панике: что ни день — кто-нибудь из кондукторов или рабочих-грузчиков попадает в больницу. Хотя закрывая движение, пока специально вызванные специалисты-зоологи не найдут, как бороться с воинственными «зайцами».

КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ КО МНЕ...

Ну что это за каникулы, если дважды в день нужно разносить почту, как это приходилось делать Бобу Диккену, сыну начальника одного из почтовых отделений американского города Нью-Порта: утром так хочется лишний часок понежиться в постели, а вечер провести на бейсбольном поле. Вот тут-то и помог Бобу его любимец пингвин Густав, который быстро запомнил адреса всех подписчиков. Правда, первое время не обошлось без нареканий. Новый почталыон так медленно ковылал по своему маршруту, что утренние газеты, которые отцы семейств привыкли просматривать за завтраком, попадали по назначению в лучшем случае к обеду. Но Боб не сдался. Он научил Густава бегать на роликовых коньках, и дело пошло как по маслу: раз-два — и почта доставлена по адресу. Теперь оба довольны: у Боба появилась масса свободного времени, а Густав стал обладателем почетного титула «единственного в мире пингвина-почталыона».

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1904 год

СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА

Лук — самое древнее из орудий стрельбы и дожил, как орудие спорта до наших дней. Не говоря уже о диких народах, у которых лук все еще остается орудием нападения, и у цивилизованных он еще не вышел из употребления, например, у корейцев,

которые считаются очень искусными стрелками из лука; швейцарцы, в память Вильгельма Телля, также усердно упражняются в стрельбе из лука. В Бельгии, в некоторых местностях Германии и в Голландии существуют бесчисленные общества стрелков из лука; в Англии этот род спорта пользуется большим почетом у самых элегантных спортсменов. Во Франции стрельбой из лука завладевают главным образом в северных областях; чем ближе к Фландрии, тем многочисленнее общества, исключительно упражняющиеся в искусстве владеть этим оружием. Летом собираются на лугу вокруг высокой мачты, служащей целью; в ненастную же погоду любители перекочевывают в какой-нибудь кабачок, где и находят себе приют. Здесь устраивается цель по всем правилам искусства, и, наполняя комнату дымом своих трубочек, а в промежутках между партиями попивая любимое светлое пиво, пенящееся в кружках, стрелки оспаривают друг у друга призы, предназначенные для наиболее искусного, или просто практикуются для будущих состязаний.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЧЕМПИОН ПО УНИВЕРСАЛЬНОСТИ

Среди предметов нашего обихода, как выяснили статистики, абсолютное первое место по универсальности держит обыкновенный чемодан. Оказывается, что находчивые изобретатели создали на его базе чемоданы-лодки, чемоданы-палатки, чемоданы-кровати, чемоданы-чайники, чемоданы-кухни, чемоданы-умывальники, чемоданы-парикмахерские, чемоданы-сейфы, чемоданы-столовые и даже чемоданы-сани.

ЭРУДИЦИЯ ПОДВЕЛА

Редакторы и издатели выпущенного в Нью-Йорке «Американского ежегодника» в рекламном проспекте утверждают, что их книга «содержит самые достоверные сведения о странах и континентах». Каково же было удивление пакистанцев, когда они вычитали в «Ежегоднике», что основным языком их страны является хинди, хотя на самом деле это государственной язык соседней Индии. Больше того, как обнаружила лахорская газета «Имроз», нью-йоркские «эрудиты» умудрились перепутать названия всех политических партий Пакистана и превратить численность населения крупнейших городов страны. По мнению газеты, если будет учреждена международная премия имени барона Мюнхгаузена, ее по праву в первую очередь должны получить авторы «Американского ежегодника».

СТОИМОСТЬ ЛОНДОНСКОГО ТУМАНА

Обыкновенно в Лондоне с ноября по февраль, с некоторыми промежутками, бывают густые туманы. Но в последние

ЧЕГО НЕ ЛЮБЯТ СЛОНЫ

Наиболее исчерпывающий ответ на этот далеко не праздный для путешественников по жарким странам вопрос дает памятка, изданная дирекцией Национального парка «Рухуна» на Цейлоне. Поскольку хозяева джунглей живут там не за решетками или в вольерах, а на свободе, памятка советует посетителям запомнить, что они не переносят одежду крикливых цветов; неучей, которые не уступают им дороги; назойливого любопытства в часы отдыха; глупых насмешек над их кажущейся неповоротливостью, особенно если при этом тычут пальцами; а пуше всего — рева транзисторов, которые действуют им на нервы. Так как изучение слонових вкусов еще не закончено, посетителям заповедника во избежание несчастных случаев рекомендуется вообще не покидать автомашин. Для вышей убедительности с этой целью при въезде установлен специальный знак «Не выходите из машины» — череп слона и скрещенные берцовые кости.

ЮНЫЙ СКЕПТИК

В одной из лондонских газет появилось необычное объявление. Его дал двенадцатилетний Гарри Баркинс: «Срочно ишу джентльменов 1921 года рождения, окончивших Грейстоунскую школу, которые могли бы подтвердить, что мой отец в течение всех лет учебы был первым учеником в классе, как он это утверждает».

годы они стали появляться уже и в октябре, а в текущем году даже в сентябре было несколько туманных дней.

Лондонские туманы не только крайне неприятны, но они также обходятся очень дорого. Особенно терпят от них железнодорожные компании. Для сообщений о появлении, этого непростого гостя необходимо устанавливать на рельсы особые сигналы, заключающиеся в маленьких металлических патронах, начиненных порохом, которые взрываются при проходе поезда. Для машиниста сигналы означают: «Внимание!» и «Осторожность!», но для компаний они представляют собой значительный расход, потому что каждая петарда стоит денег, а за все время сезона туманов таких петард-сигналов расходуется очень много. Впрочем, от густых туманов терпят убытки не одни железнодорожные компании. В каждом доме необходимо поддерживать искусственное освещение и освещать улицы днем так же, как ночью. В общем стоимость лондонского тумана, продолжающегося восемь часов подряд, определяется в 75 тысяч фунтов стерлингов.

КАКОВО БЫТЬ ВЕЛИКАНОМ

Житель ЮАР Джон Камуянга считает себя самым несчастным человеком в мире: всю жизнь ему суждено провести вместе со своей мачехой, которая славится в округе сварливым нравом. О том, чтобы перебраться в другое место, не может быть и речи. Ведь из-за своего роста — 2 метра 75 сантиметров — Камуянга лишен возможности пользоваться поездом, автомобилем, самолетом, мотоциклом и даже велосипедом...

ДОШЛИ ДО РУЧКИ

Уже какой год английские экономисты тщетно пытаются приостановить быстрый рост государственного долга Великобритании. В связи с этим воскресная газета «Миррор мэгэзин» задала вопросом: хватит ли у Англии денег и других ценностей, чтобы расплатиться с внешними долгами, если в один прекрасный день все ее кредиторы вздумают предъявить векселя? Вывод, к которому пришла газета, весьма неутешителен: чтобы спастись от банкротства, Англии придется распродать все памятники старины и другие ценности, и в частности, колонну Нельсона, произведения искусства, собранные в Национальной галерее, Виндзорский королевский замок, Шекспировский театр в Стратфорде и даже Трафальгарскую площадь.

ЧЕЛОВЕК, ДА И ТОЛЬКО...

Ученые, изучающие быт и нравы орангутангов, обнаружили еще одну черту, роднящую их с человеком: орангутанги любят петь. Причем орангутанье пение отнюдь не вызвано какими-либо практическими соображениями. Просто он мурлычет себе под нос для собственного удовольствия. Совсем как человек. Пение его напоминает звуки, которые издает автомобильный мотор при смене скоростей, и вряд ли может доставить окружающим большое эстетическое наслаждение. (Согласитесь, что и в этом он напоминает многих людей!)

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ — Воспоминания на Устье Илама	2
В. ОРЛОВ — Ангара, год семидесятый	4
Ф. Д. ГОРБОВ — Космос начинается на Земле...	8
Мост Искандера	11
ИГОРЬ МОЖЕЙКО — Холм золотого руна	12
Л. СЕРГЕЕВА — Финиш на глубине 903 метра	19
ДЖЕВДЕТ ДЖЕМАЛ — Город каменных пещер	20
И. АНДРОНОВ — Таинственные люди джунглей	27
В. ОСИПОВ — Судьба «павлиньего трона»	27
ВЛАДИМИР БУЛДАКОВСКИЙ — Письмо из 41-го года	28
ЛОРЕНС ВАН ДЕР ПОСТ — Я слышал сказания бушменов	34
В. ДЕМИДОВ — Лед идет	40
Л. БАНЬКОВСКИЙ, В. БАНЬКОВСКИЙ — Служба земных недр	44
ВЛАДИМИР КАТИН — Черный шатёр	47
Загадки, проекты, открытия	49, 57
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Алейжадиньо	50
РОБЕРТ БЛОХ — Кошмар номер четыре	56
И. ГОРЕЛОВ, Л. СЕРЕГИНА — Кого и как ловят	58
АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН — Молча, в тайге	64
С. МИНИН — Бесшумная смерть	72
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78
Вечная дорога	80

На первой странице обложки: **ПАКИСТАН. Мост через Инд** (см. заметку на стр. 11).

Редакционная коллегия:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь),
А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ПЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление **А. Гусева** и **Т. Горховской**
Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 6/VIII 1970 г. Подп. к печ. 10/IX 1970 г. А00730.
Формат 84x108 1/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 700 000 экз. Заказ 1562. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушевская, 21.

ВЕЧНАЯ ДОРОГА

Аппий Клавдий, почтенный патриций, бывший однажды консулом, слыл отличным бюрократом. Следует сказать, что в Древнем Риме это слово не имело того недружелюбно-уничжительного оттенка, который оно приобрело теперь. Отнюдь. «Бюрократ» значило «ведущий дело». В обязанности Аппия Клавдия входило множество дел: перепись римских граждан, их распределение по имущественным разрядам, надзор за нравами, а сверх того — присмотр за государственным имуществом и контроль за исполнением общественных работ.

Если бы не эта последняя обязанность, вряд ли кто в наши дни помнил бы об Аппий Клавдии. Но вышло так, что именно ему, добросовестнейшему из бюрократов, поручили весьма важное дело.

В то время стратегические цели Рима требовали хорошей связи с городом Капуя, причем связи постоянной. Словом, нужна была надежная дорога, по которой в любое время года могли бы без задержки пройти «тяжкоступающие легионы» и промчатся боевые колесницы.

Дорогу проектировали инженеры, строили бесчисленные рабы, ее плиты вырубали камнетесы, но мы не знаем их имен.

Зато мы точно знаем, что в 312 году до нашей эры римский сенат поручил цензору Аппию Клавдию проложить дорогу от Рима до Капуи (потом ее продолжили до Брундизия). Аппий Клавдий прекрасно справился с порученным ему делом: появилась дорога, одетая в многослойное каменное покрытие в метр толщиной. Верхний ее слой состоял из тщательно подогнанных четырехугольных плит. (Вы видите эту дорогу на третьей странице обложки.)

...И шли по этой дороге римские легионы, скакали средневековые рыцари, шлепали разбитыми сандалиями паломники, маршировала наполеоновская пехота и шуршали шины автомобилей. Кто знает, кому еще предстоит пройти или проехать по ней, не оставив следа. Ведь след остается только на плохих дорогах. А эта дорога отличная...

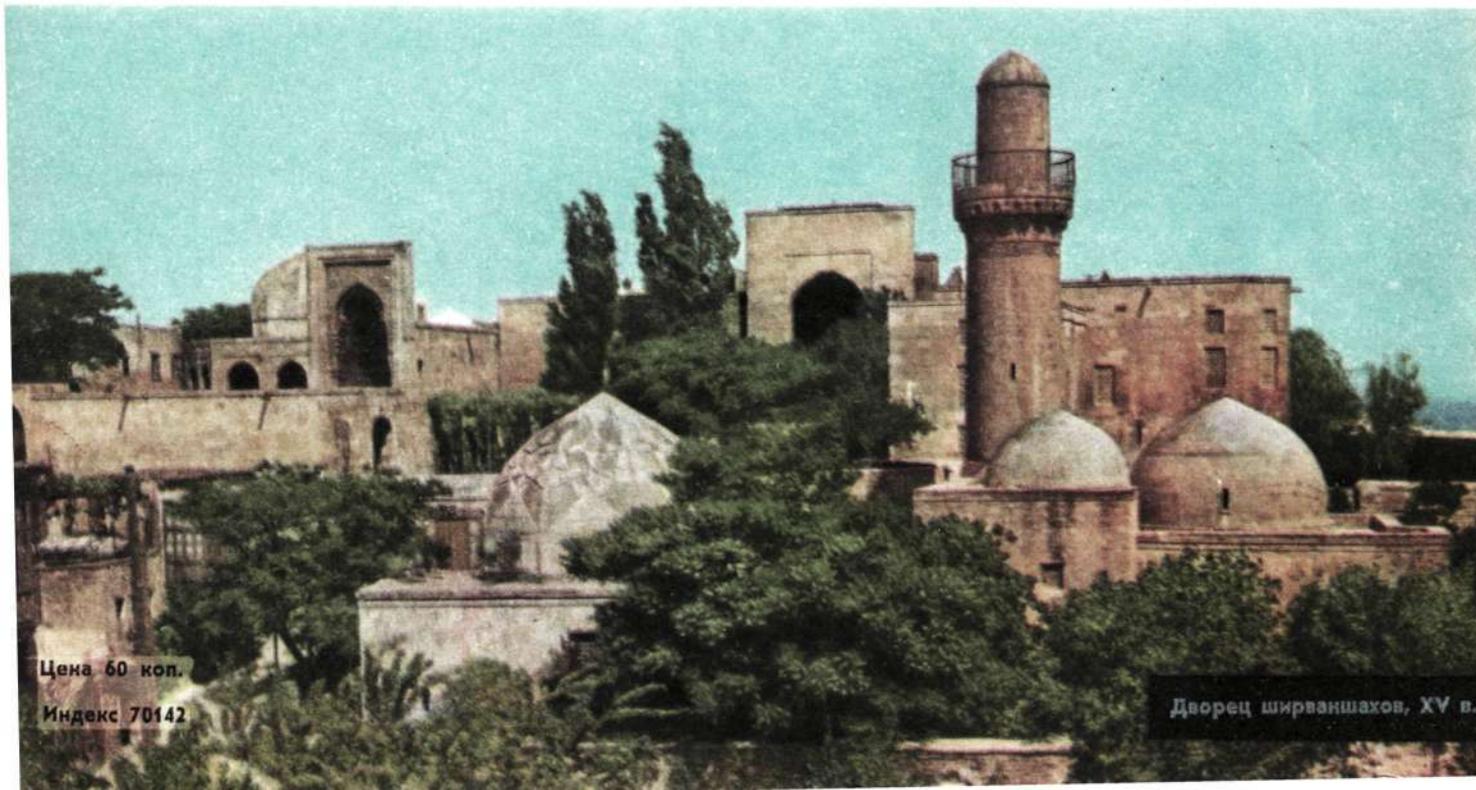
АЗЕРБАЙДЖАН

ссср

путник
бюро международного
молодежного туризма

Баку

Цена 60 коп.

Индекс 70142

Дворец ширваншахов, XV в.

АЗЕРБАЙДЖАН

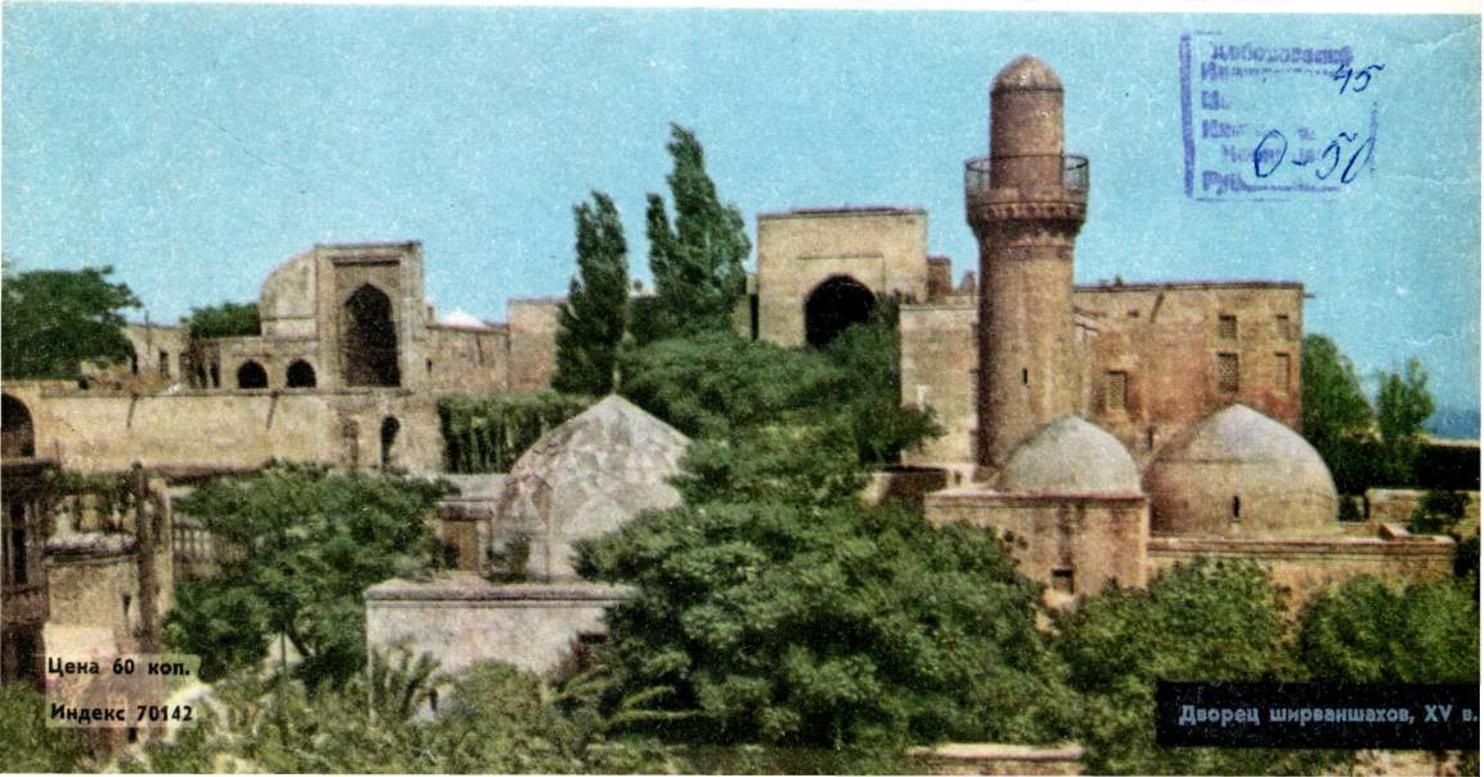

СССР

Турник

бюро международного
молодежного туризма

Баку

Адресованная
Видеопочта 45
Код
Число 0-50
Рубль

Цена 60 коп.

Индекс 70142

Дворец ширваншахов, XV в.